

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ — 1971

5

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 раз в год

№ 5

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ

БАКУ — 1971

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, П. А. АЗИМОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. А. ДАДАШЗАДЕ,
С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Г. И. ЛОМИДЗЕ, Э. В. СЕВОРТЯН,
И. С. СЕИДОВ (зам. главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор), ЯШЕН КАМИЛЬ

Адрес редакции: Баку-73, просп. Нариманова, 31.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. ГАДЖИЕВА

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ ГЛАГОЛ-СВЯЗКА НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ?

Сравнительно-исторический анализ структуры простого предложения в тюркских языках ставит своей задачей не только выявление древнейших типов этого предложения вплоть до тюркской языковой общности, но и прослеживание тенденций его развития в ретроспективном плане. Поэтому основным объектом сравнительно-исторического анализа являются те звенья простого предложения, которые обнаруживают известную подвижность в своем развитии. Таким подвижным участком простого предложения является область сказуемого. Изменения здесь происходят исторически за счет развивающихся глагольных времен и связочных средств. Не случайно поэтому проблема генезиса структуры предложения многими исследователями-тюркологами неразрывно связывалась с природой сказуемого¹.

Данная статья посвящается типу простого предложения со сказуемым, выраженным именем + личные аффиксы 1-й категории (аффиксы сказуемости) или любые другие грамматические аналоги связки настоящего времени. Глагол «быть, есть» в парадигме склонения имен и глагола не получил развития; модель «Я есть студент» не развита в тюркских языках. А это отчасти свидетельствует о том, что аффиксы сказуемости имеют довольно раннее происхождение (очевидно, моложе аффиксов принадлежности). В чувашском языке, как известно, нет аффиксов сказуемости — они смешаны с аффиксами 2-й категории (то есть принадлежности). В якутском же языке в 1-м и 2-м лице множественного числа форма сказуемости совпадает с формой принадлежности, различаются они лишь в контексте. Ср. *Биһиги оҕолорбут кэллилэр* 'Наши дети пришли' (форма принад.) и *Биһиги кыра оҕолорбут* 'Мы маленькие дети' (форма сказ.)².

¹ Ср.: Н. А. Баскаков. Типы сказуемого простого предложения в тюркских языках и их происхождение. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960. Автор выдвинул теорию, которая устанавливает наличие исторически единой и исконно существующей формы сказуемого и единой номинативной структуры предложения. А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943. Автор является сторонником теории стадийного развития тюркского предложения. К. Grönbech. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936; Н. Winkler. Die altaische Völker und Sprachenwelt. Berlin, 1921; С. S. Mundy. Turkic syntax as a system of qualification. Bulletin of the School of oriental and african studies, vol. XVII, part 2. London, 1955. Авторы названных работ в своих теориях о генезисе структуры предложения исходят из тезиса, что все отношения в предложении строятся по принципу *определение — определяемое*. А. Габэн осторожно выделяет типы предложений в зависимости от типов сказуемого, см.: А. v. Gabain. Die Natur des Prädikats in den Türksprachen. — «Kögösi Csoma—Archivum». Bd. III, H. I. Budapest—Leipzig, 1940.

² Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Якутск, 1947, стр. 93.

Аффиксы сказуемости по своему происхождению восходят к личным местоимениям. Как в древних, так и в современных тюркских языках имеются случаи использования личных местоимений в качестве аффиксов сказуемости. Ср.: *Bilgä Töpiquq bän...* 'Я сам мудрый Тоньюкук'³; *jabыз бат биз* 'Мы были дурны и негодны'⁴.

В тувинском языке личные местоимения, выполняя роль оформителя сказуемости, в морфологическом отношении не перешли еще в разряд аффиксов. Они сохраняют свой стабильный звуковой состав и не имеют никаких звуковых вариантов, ср.: *Мен студент мен* 'Я студент'⁵.

В отдельных современных тюркских языках встречаются нерегулярные случаи совпадения аффиксов сказуемости и личных местоимений. Ср. кирг. *biz pionerbiz* 'мы пионеры'; ногайск. *теп погајтеп* 'я ногаец'; турк. *теп kolhozçүтеп* 'я колхозник' и т. д.

Что касается 3-го лица, то здесь также существовала тенденция (последовательно реализованная в отношении первых двух лиц) использовать в качестве аффикса сказуемости личное местоимение. Следы этого процесса сохранились как в памятниках древнетюркских языков, так и в отдельных современных тюркских языках. Так, например, в башкирском языке в значении аффикса сказуемости при именах весьма часто встречается личное местоимение 3-го лица *ul* 'он': *Xäsän jabуusy ul* 'Хасан — писатель' (досл. 'Хасан писатель он'). Характерно, что в этом случае *ul* осознается как отдельное слово, а не как аффикс; внешне это выражается в том, что слово *ul* сохраняет стабильность звукового состава, то есть не подчиняется сингармонизму⁶. Это же явление наблюдается в татарском, реже тувинском и других тюркских языках: татарск. *Дөресен айткәндә, рәжә зур ул, көчле ул, дәртле ул, монлы ул, әдип ул, шагыйрь ул* (Г. Т.) 'Говоря правду, народ велик, силен, добр, певуч, ученый, поэт'⁷.

Такого рода явление наблюдается и в ранних тюркских памятниках: ср. *Ansa bilin,läg: mun,luу ol апуу jablaq ol!* 'Так знайте — это печально. Это очень дурно'⁸; или юридические документы уйгур: *...Bu nişan mäniп, ol* 'Этот знак мой'⁹.

Личные местоимения, последовательно выступая в предикативной роли и будучи в зависимом положении, развивались далее в соответствии с агглютинативным строем тюркской речи, подчинившись закону гармонии гласных, то есть превратились в аффиксы, фонетическая вариативность которых зависит от состава гласных слова, к которому они присоединяются. Ср.: башк. *jabуysutum* 'я писатель', казах. *inženermiп* 'я инженер' и т. д. Следует выделить в особую группу модель именного сказуемого с аффиксами 1-го лица, имеющими варианты *-um/-im/-um/-üm||-am/-äm*. Данный тип аффикса сказуемости в его узком варианте обнаруживает совпадение с аффиксами принадлежности. Этимологическая общность аффиксов 1-й и 2-й категории, их связь с личными местоимениями отмечались в тюркологической литературе¹⁰. Во всяком случае этот тип

³ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 64.

⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.—Л., 1959, стр. 9.

⁵ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 222—223.

⁶ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 53.

⁷ М. З. Закиев. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1963, стр. 30.

⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 81.

⁹ Там же, стр. 208.

¹⁰ В. Котвич. Исследования по алтайским языкам. М., 1962, стр. 166—167.

аффиксов сказуемости указывает на контаминацию в пределах одной парадигмы аффиксов сказуемости и принадлежности.

Применительно к 3-му лицу именно сказуемое в большинстве тюркских языков употребляется с аффиксом сказуемости *-dur*, который этимологически восходит к глаголу *durmaq* 'стоять'. Такой же переход значения *стоять* > *быть* наблюдается в ряде языков других систем. Ср. франц. *être* 'быть', восходящее к лат. *stare* 'стоять'¹¹. (Это второй тип выражения сказуемости в тюркских языках). Ср. азерб. *Ленинград сосялист ингилабынын бешийидир* (Мирзэ Ибрахимов. Сары Сим. Баку, 1958, стр. 9) 'Ленинград является колыбелью социалистической революции'; тур. *Bu çocuk Tanrının gönderdiği garip bir kuştur* (Halikarnas. Balıkcısı. Uluç reis. İstanbul, 1962, стр. 41) 'Этот ребенок — необыкновенная птица, посланная богом'.

В памятниках тюркских языков сохранилась более полная форма аффикса *-dur/-tur* — *turur* (аорист глагола *tur-* 'стоять')¹². Ср. (42) *Aнур кин,гäстилär бу таš ärtingü-ü* (43) *ауур турur* 'Поэтому они советовались между собой, что этот камень чрезвычайно тяжел'¹³.

Наблюдается тенденция превращения *-dur* в связку и ее участия во всех других лицах, то есть здесь действует выравнивание всей парадигмы по аналогии — как бы обобщение 3-го лица. Ср. туркм. *men studentdirin; sen studentdirin, ol studentdir, biz studentdiris, siz studentdirisiniz, olar studentdirler*; или староузбекск. *im̄₁дурман* 'я твоя собака'; *Јабраил айтти Јабраилтурман* 'Джабраил сказал: Я — Джабраил'¹⁴.

Как мы уже отмечали, то обстоятельство, что глагол «быть/есть» в тюркских языках в парадигме склонения имен не развит (нет образованной типа «я есть студент» и пр.), свидетельствует о хронологически относительно раннем существовании аффиксов сказуемости. Однако можно ли на этом основании считать, что связки настоящего времени «быть/есть» вовсе не было в тюркских языках? Сравнительный анализ материала современных тюркских языков и их памятников говорит в пользу существования глагола-связки настоящего времени. Одним из подтверждений такого предположения является развитая парадигма для глагола-связки прошедшего времени. Но есть и другие аргументы. Старые памятники и живые тюркские языки сохраняют несколько форм недостаточно глагола *ä-, är-*. Эти реликтовые образования приведены В. Котвичем в следующей таблице¹⁵:

орхон.	ärür	ärti		ärsär		ärkän	ärmis ^v	ärinc ^v
уйг.	ärmäz	ärti	ärälim	ärsär		ärmäzkän	ärmis ^v	
якуг.	ärär	ätä		äbätär		ärän	äbit	ärdäx
кирг.	emes	edi			ele	eken	ibit	
казах.	emes	edi	emei			eken		
вост. турк.	emes	edi				eken	emis ^v	
тат. (крым.)				isä		ikän	imis ^v	idük
тур.		idi		isä		ikän	imis ^v	äkac ^v

¹¹ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 45.

¹² J. Denu. Grammaire de la langue turque (dialect osmanli). Paris, 1921, стр. 352 (§ 552), стр. 391 (§ 613); В. В. Котвич. Указ. раб., стр. 279 и др.

¹³ С. Е. Малов. Памятники дневнетюркской письменности, стр. 135.

¹⁴ А. М. Щербак. Грамматика староузбекского языка. М.—Л., 1962, стр. 202.

¹⁵ В. Котвич. Указ. раб., стр. 281.

Старшие формы, относящиеся к VIII веку, образовались от основы *är-*, а те, что встречаются в современных языках, — от более краткой основы *ä-*. Эти последние известны в трех вариантах: *ä-*, *e-* и *i-*, которые различаются между собой степенью открытости гласного¹⁶. В. Котвич считает, что корнем рассматриваемого глагола-связки является *ä-*, который в некоторых диалектах расщепился на варианты с узкими гласными: *e-* и *i-*¹⁷. Схема строения имен с аффиксами сказуемости в гагаузском языке с известной определенностью указывает на наличие реликтовых следов связки настоящего времени. Л. А. Покровская обратила внимание на появление немотивированного *j* в аффиксе сказуемости второго лица *-(j)sup*, восходящему к личному местоимению *sen* 'ты'. «Если в аффиксах сказуемости 1-го лица единственного и множественного числа после имен на гласный возникновение *ä* (йот), — отмечает Л. А. Покровская, — объясняется обычно как результат фонетической трансформации начального *b* личных местоимений 1-го лица *бен* 'я' и *биз* 'мы', т. е. *b > v > w > j*, то в аффиксе сказуемости второго лица *-(ä)сын...* присутствие *ä* невозможно истолковать подобным образом и следует искать для него другое объяснение»¹⁸. Далее автор считает, что по аналогии с образованием сказуемости прошедшего времени от основы недостаточного глагола *i-||ir-, er-* 'быть' можно предположительно считать, что и аффиксы сказуемости настоящего времени исторически образовались при помощи этого недостаточного глагола¹⁹. Если эту гипотезу трудно принять полностью, то нельзя вместе с тем и не учитывать ее, говоря обо всех остаточных явлениях исторически существовавшей связки настоящего времени. Ставя вопрос о возможности реконструкции модели простого именного предложения с глаголом-связкой настоящего времени, нам кажется допустимым предположить, что такая модель действительно существовала в пратюркской общности наряду с глаголом-связкой настоящего времени с его полной парадигмой и этимологически наиболее ранним фонетическим вариантом *ä-, e-, i-*. Но как связан с ними фонетический вариант *är-, er-*? Этот довольно сложный вопрос не получил пока разрешения. Здесь возможны два предположения: 1) либо с самого начала существовало два недостаточных глагола *ä-/e-* и *är-/er-*; 2) либо же, что, на наш взгляд, более вероятно, *är-/er-* представляют собой или детерминатив, то есть аффикс *-r* с затемненным значением (ничего не значащий), или же элемент *-r* в образовании *är-/er-* являлся показателем аориста (первоначальный вариант мог быть *eir > er*). Здесь 3-е лицо могло обобщаться (такие факты уже известны). *Arür/erür*, возможно, было более поздним образованием, возникшим вследствие переразложения основ. В пользу того, что элемент *r* в форме *är/er* возник как показатель аориста, говорит достаточная распространенность в кыпчакских языках слова *ätäs* 'не есть, нет (не имеется), не то', которое представляет собой нормальную отрицательную форму аориста от корня *ä-*. Можно поэтому предположить, как отмечал В. Котвич, что существовала также утвердительная форма аориста, нормально звучащая: *är*²⁰. Ср.: алт. *бу туу бийик эмес* 'эта гора не высока'²¹, казах. *мен окушы емеспін* 'я не ученик'²², уйг. *бу киши муэллим эмес* 'этот человек не преподаватель'²³.

¹⁶ В. Котвич. Указ. раб., стр. 280.

¹⁷ Там же, стр. 282.

¹⁸ Л. А. Покровская. Грамматика гагаузского языка. М., 1964, стр. 152.

¹⁹ Там же.

²⁰ В. Котвич. Указ. раб., стр. 282.

²¹ Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 240.

²² Современный казахский язык. Алма-Ата, 1962, стр. 137.

²³ Э. Н. Наджип. Современный уйгурский язык. М., 1960, стр. 53.

Глагол-связка *är-/er-* зарегистрирован в ранних материалах тюркских языков. Ср. пам. уйгурск. письма: (32) ... t(ä)n₁ri oylu (33) j(ä)mä m(ä)n ök, ärgür-m(ä)n. ilik qan j(ä)mä (34) m(ä)n ärgürm(ä)n 'Я и сын бога, я и царь, я и врач...' ²⁴ См. еще пам. уйгурск. письма «Золотой блеск»: bu ärgür, — tip titi 'таково, — сказал Кю-тау' ²⁵ и т. д.

Итак, гипотетически мы допустили существование в пратюркской общности глагола-связки настоящего времени *ä-/e-/i-*, который с течением времени вытеснялся другими заменяющими его элементами, то есть разрушался под влиянием семантически однородных явлений. Подобный процесс известен языкам различного строя, так что здесь можно говорить об общей типологической линии развития. В немецком языке связка «есть» имеет различные основы: *ich bin, du bist, er ist*, где *bin, bist* восходят к основе *bhu*, а *ist* — к форме глагола *es* 'быть'. То же и в русском языке: «быть» восходит к *bhu*, а «есть» — к *es*. Это результат влияния семантически однородных явлений. Глаголы «являться» и «есть», «становиться» и «быть» могут конкурировать. Современный русский язык не сохранил архаичных форм «я есмь...» и пр.

Возникает вопрос, какие же явления, семантически родственные связке *ä-/e-/i-*, существовали в тюркских языках? Материал современных, а также и древних тюркских языков свидетельствует о существовании большого числа грамматических типов связки *ä-*, благодаря которым последняя и была постепенно вытеснена.

В тюркских языках существует значительный разнобой в способах выражения связки настоящего времени:

1. Широкое использование личных местоимений, которые, подчиняясь закону сингармонизма, фонетически трансформировались, переходя в разряд аффиксов (см. об этом выше). Для типологической структуры тюркских языков с последовательно выдержанной агглютинацией такой способ выражения предикативности оказался более приемлемым.

2. Наличие связки *tur-/turur*, обобщение 3-го лица и использование его показателя во всех лицах немало способствовало разрушению и вытеснению связки *ä-*.

3. Наличие связки *ši* 'есть, имеется' в саларском языке. Структура ее подобна китайской связке *ši*. Ее нет больше ни в одном из тюркских языков. Встречается она в дунсянском языке, несущем на себе, как и саларский язык, заметное китайское влияние. Ср. *Altijuli še ulli zamara'terra* 'Алтиюли — великая община' ²⁶.

4. В тувинском языке для выражения предикативности используются имена *кижи* 'человек', *чуже* 'вещь, предмет'; *Черле ындыг шын₁гыы киж* 'Он всегда такой серьезный' ²⁷.

5. Использование вспомогательного глагола *ol||bol* в качестве связки настоящего времени. Ср. туркм. *Хава, окалгада адам көп боляр* ²⁸ 'Да, в читальном зале много народу'.

6. В тюркских языках наблюдается тенденция разрушать сказуемое окончание в 3-м лице. Трудно сказать, чем вызвана эта тенденция, — влиянием ли иноязычной среды или какими-либо другими причинами. Правда, в одних языках, например в азербайджанском, опущение аффикса сказуемости в разговорной речи является жанрово-стилистическим

²⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 135.

²⁵ Там же, стр. 157.

²⁶ Э. Р. Тенишев. Саларский язык. М., 1963, стр. 43.

²⁷ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Указ. раб., стр. 223.

²⁸ Туркменский язык, ч. I. Ашхабад, 1964, стр. 11.

средством, а не грамматической нормой языка²⁹. В других же языках, например башкирском, аффикс 3-го лица почти всегда опускается³⁰. По аналогии с 3-м лицом аффиксы сказуемости могут отсутствовать и в других лицах. В живой речи, как указывал Н. К. Дмитриев, этими аффиксами почти не пользуются, лицо и число выражается личным местоимением субъекта, наличие которого в данном случае обязательно: ср. *Min jađuysu* 'Я — писатель'. Таким образом, в современном башкирском языке наблюдаются тенденции к замене категории сказуемости (морфологической) чисто синтаксическим сочетанием подлежащего и имени сказуемого, как, например, в русском языке. Однако, судя по данным башкирского фольклора, можно полагать, что в прошлом употребление аффиксов сказуемости было нормативным³¹. Отсутствие предикативных аффиксов у формы именного сказуемого наблюдается в алтайском, гагаузском, казахском, каракалпакском, киргизском, татарском, тувинском и в ряде других языков. Ср.: тув. *А. С. Пушкин — улуг орус чогаалчы* 'А. С. Пушкин — великий русский писатель'³², якут. *Кини саха* 'Он якут'³³.

Оформление аффикса сказуемости в 3-м лице ед. числа нередко вызывается стилистическими требованиями и имеет разнообразные модальные оттенки: недоверности действия, неуверенности говорящего в своих словах и пр. Например, туркм. *Бу гавун шириндир* 'Эта дыня (пожалуй) сладкая' (или 'должно быть, сладкая')³⁴. Стилистические случаи употребления аффикса -*дуг* в определенном жанре языка лишней раз свидетельствуют о его неустойчивости. Стремление 3-го лица к отсутствию оформления есть проявление общей тенденции разрушения аффиксальных связочных окончаний. Так что здесь дело не столько в иноязычном русском влиянии, сколько в самой непрочности связки.

7. Известным фактором, способствующим угасанию связки, была развитая в тюркских языках система притяжательных аффиксов, которые имплицитно содержали понятие связки. Ср. азерб. *Әжәр мал олса, мәним*³⁵ 'Если есть имущество — мое'. Притяжательные аффиксы способствовали образованию конструкций с *bar*: *k'itabım bar* 'У меня есть книга'. Ср. немецк. *Das ist mein Buch*.

8. Конструкции с *bar/jok* в тюркских языках являются одним из важных грамматических синонимов связки настоящего времени. Они распространены во всех тюркских языках и их ранних памятниках; видимо, их можно отнести к пратюркской языковой общности, поскольку возраст их значителен. *Bar/jok* создали особый тип именного сказуемого, в большинстве тюркских языков употребляющегося без аффиксов сказуемости. Сравните конструкции, выражающие местонахождение чего-либо где-либо, передающиеся во всех тюркских языках с помощью слов *bar/jok*: тувин. *Хуун, да суг бар* 'В ведре есть вода'³⁶; туркм. *Аудиторияда он студент бар*³⁷ 'В аудитории десять студентов' и т. д. Развившиеся у слов *bar/jok* синонимичные функции связки способствовали образованию в некоторых тюркских языках (слово *bar*) в сочетании с аффиксами сказуемости полной парадигмы. Так, например, в караимском языке *bar*

²⁹ См. об этом: З. Будагова. Простое предложение в современном азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963, стр. 26.

³⁰ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 53.

³¹ Там же, стр. 53—54.

³² Тувинско-русский словарь. М., 1955, стр. 715.

³³ Л. Н. Харитоноу. Указ. раб., стр. 92.

³⁴ А. П. Поцелуевский. Указ. раб., стр. 41.

³⁵ Азербайжан дастанлары, ч. II. Баку, 1966, стр. 32.

³⁶ Тувинско-русский словарь. М., 1955, стр. 645.

³⁷ Туркменский язык, ч. I. Ашхабад, 1964, стр. 86.

выступает на правах полноценной связки: *Мен бар-м(ен) карай, сен бар-с(ен) карай* 'Я (есмь) караим', 'ты (еси) караим'³⁸.

В гагаузском языке слово *var* в роли связки используется применительно к первым двум лицам: *Бән о куйдән варым, нереси онт дурэр* (ДК) 'Я из того села (являюсь), которое стоит на отшибе (в стороне)'; *Сән варсын ен ши екижи...* (ДК) 'Ты являешься самым лучшим сеятелем'³⁹.

Несмотря на все вышеперечисленные конкурирующие аналоги, связка настоящего времени поддерживалась в плоскости прошедшего времени развитой парадигмой. В большинстве современных тюркских языков распространен вариант ее от основы *i-*. Ср.: азерб. *Бирмәртәбәли даш эвин пәнчәрәләри тайбатай ачыг иди* (Н. Мехди. Сәһәр. Бақы, 1953, стр. 79) 'Оба окна одноэтажного каменного дома были раскрыты'; турец. *Evin sokak üstündeki odalarının hepsi karanlıktı* (Sabahattin Ali. İçimizdeki Şeytan. София, 1956, стр. 40) 'Все комнаты дома, выходящие на улицу, были во мраке'; туркм. *Эненин сонкы сөзлеринин маньсы Нурмырат үчин душнүклиди* (Гурбандурды Гурбансәхедов. Қырк теңіне. Ашгабат, 1961, стр. 219) 'Значение последних слов матери было ясно для Нурмырата' и т. д.

В ранних же памятниках тюркских языков распространена парадигма от основы *är-*. Ср. памятник в честь Тоньюкука: *Budun bozy toq ärtf* 'Горло народа было сыто'⁴⁰; или «Кутадгу билиг» *Jula ärdi xalqqa qa-gaп,уи tüpi* 'Он был светильник народа в темную ночь'⁴¹.

Встречается и вторая форма связки *imiš* (*ägmış* — вариант в старых памятниках). Ср.: туркм. *Кадыман икиси гардаш имишлер* 'В старые годы оба (племени) были братьями'⁴²; якут. *Кини биһикки биир нэһилиэк этибит* (КУДЪБЗ) 'Мы с ним были однонаследники'⁴³. Ср. памятник в честь Кюль-Тегина: *Біріјә табыач будун јабы әрміс...* 'Справа (т. е. на юге) народ табгач был (ему) врагом'⁴⁴.

У связки прошедшего времени синонимичных конкурентов и причин, способствующих ее вытеснению, оказалось меньше. Кстати, грамматически синонимичные ей явления в виде вспомогательных элементов *ol-/boi-* предполагают опять-таки употребление связок *idi/imiš*. Ср. алт. *Кар су-рекей дьаан болды* 'Снег был очень большой'⁴⁵.

Одним из доказательств неустойчивости, непрочности связки настоящего времени является наличие в отдельных тюркских языках и их памятниках контаминированных связочных средств.

Ср.: язык желтых уйгуров: *пар ер* 'есть', *йок, ер* 'не есть'⁴⁶; *Атейнын, паргы чак, (F) к, айда вар-ер?* 'Разве уже пришло время выдачи девушки в замужество?'⁴⁷; староузбекский язык *бар+турур*: *Так, и машрик, сар, бир шахар бар турур* 'На востоке есть один город'⁴⁸; тувинский язык *кижи мен: Ажылдаар кижин мен* 'Я работаю'⁴⁹; см. также приведенный

³⁸ К. М. Мусаев. Грамматика караимского языка. М., 1964, стр. 311.

³⁹ Л. А. Покровская. Указ. раб., стр. 154.

⁴⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 61.

⁴¹ Там же, стр. 240.

⁴² А. П. Поцелуевский. Указ. раб., стр. 42.

⁴³ Е. И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 99.

⁴⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 30.

⁴⁵ Н. П. Дыренкова. Указ. раб., стр. 238.

⁴⁶ С. Е. Малов. Язык желтых уйгуров. Алма-Ата, 1957, стр. 189.

⁴⁷ Там же, стр. 190.

⁴⁸ А. М. Шербак. Указ. раб., стр. 118.

⁴⁹ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Указ. раб., стр. 223.

выше пример из саларского языка $\check{s}i+tyr||-ter$: Altijuli še ulli зама-га'ttera 'Алтиюли — великая община'⁵⁰.

На основании изложенного нам представляется возможным предположить, что глагол-связка настоящего времени существовал в пратюркской языковой общности и, вероятно, имел полную парадигму. Однако с течением времени глагол-связка настоящего времени вытеснялся семантически однородными явлениями. В результате этого процесса как памятники тюркских языков, так и отдельные живые языки донесли до нас лишь следы его бывшего полноправного существования.

⁵⁰ Э. Р. Тенишев. Указ. раб., стр. 43.

А. АЗНАБАЕВ, В. ПСЯНЧИН

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АФФИКСА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА -lar В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Данная проблема давно привлекает внимание тюркологов. Об историческом пути развития аффикса -lar существует довольно много гипотез¹, которые можно разделить на две группы.

Одни ученые во главе с Г. И. Рамstedтом связывали -lar с самостоятельным словом, впоследствии потерявшим свое реальное значение и превратившимся в аффикс². Другие считают, что -lar представляет собой сложный аффикс, состоящий из двух древнейших показателей множественности или собирательности: -l- и -r³. Специфическую черту алтайских языков Н. Поппе усматривает в частой комбинации отдельных аффиксов множественного числа⁴. Нам представляется, что последняя гипотеза ближе к истине и более перспективна. Это подтверждается фактами как самих тюркских, так и других языков, входящих в алтайскую группу.

Во многих тюркских языках и их диалектах -lar часто заменяется аффиксом, состоящим из одного элемента (показателя). Так, в языке сибирских татар прошедшее очевидное время изъявительного наклонения представлено двумя параллельными формами: alduŋ-uz и alduŋ-par (-par — фонетический вариант -lar)⁵. В киргизском языке местоимение второго лица множественного числа также имеет несколько вариантов: siz/siler/sizder⁶. То же самое наблюдается и в ногайском: siz/senler.

А. Ализаде прямо указывает, что «в древности элемент -z выступал семантическим эквивалентом аффиксов -lar/-lär. Особенно четко проявляется это во втором лице множественного числа повелительного наклонения в форме типа bilinlär, где -lär полностью соответствует элементу -iz в форме типа biliniz»⁷. Н. К. Дмитриев утверждает, «что -uz равняется

¹ Наиболее полный анализ литературы по проблеме -lar можно найти в следующих работах: А. М. Шербак. *Формы числа у имен в тюркских языках*. — «Вопросы языкознания», 1970, № 3; Б. А. Серебrenников. *О некоторых частных деталях процесса образования аффикса множественного числа -lar в тюркских языках*. — «Советская тюркология», 1970, № 1.

² Г. И. Рамstedт. *Введение в алтайское языкознание*. М., 1957, стр. 27.

³ Б. А. Серебrenников. *Указ. раб.*, стр. 51; А. Н. Кононов. *Показатели собирательности—множественности в тюркских языках*. Л., 1969.

⁴ N. Poppe. *Plural Suffixes in the Altaic languages*. UAJ, XXIV, 3—4, 1952, стр. 65.

⁵ Д. Г. Тумашева. *Язык сибирских татар*. Ч. II. Казань, 1968, стр. 141.

⁶ И. А. Батманов. *Грамматика киргизского языка*. Вып. III. Имена. Фрунзе, 1940, стр. 17, 34.

⁷ А. Ализаде. *Категория числа в азербайджанском языке*. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966, стр. 19.

-lar/dar». Он пришел к данному выводу, основываясь на том, что турецкому повелительному наклонению *alıñ-iz* 'берите вы' соответствует казахское и узбекское *alıñ-dar* и *olıñ-lar*⁸. А тот факт, что показатель *-z* с древнейших времен является аффиксом множественного числа, можно считать уже доказанным. В. Котвич пишет: «...исследование древнейших памятников — орхонских надписей показало, что суффикс *-lar*, являющийся теперь единственным показателем множественного числа, раньше выступал реже; наряду с ним в языке использовалось еще несколько других суффиксов: *-t*, *-z*; *-ap/-āp*, *-γun/-gün*»⁹.

Т. А. Бертагаев утверждает, что «большинство аффиксов в монгольских языках состоит из двух некогда простых и первородных аффиксов, слитых в единый форматив»¹⁰. Причем «слагаемые аффиксы могут состоять не из повторных аффиксов, а из двух вариантов показателей того же значения. Например, в именах множественного числа *аханарнууд* 'старшие братья', *нохасууд* 'собаки' и т. д. слагаемый аффикс *-нарнууд* состоит из двух синонимичных или вариантных аффиксов: *-нар+нууд*, *-сууд* из *-с+ууд*»¹¹.

В монгольских языках продуктивны также сложные аффиксы множественного числа, образованные повторением одного и того же простого показателя множественности. «В двойном показателе *-duud* повторяется аффикс *-d*, образуя комплекс при помощи долгой гласной *-уу*»¹².

Сложные аффиксы множественного числа есть и в тунгусо-маньчжурских языках. Так, в эвенкийском языке «формы множественного числа с суффиксом *-сал*, *-сэл*, *-сол* употребляются параллельно с обычными формами (то есть с показателем *-г*. — А. А., В. П.), например: единственное число *орон* 'домашний олень', множественное число *орор/оросал*; единственное число *мурин* 'лошадь', множественное число *мурир/мурисал*»¹³. То же самое наблюдается в негидальском языке, в котором «формы множественного числа с суффиксами *-сал*, *-сэл*, *-сол* могут употребляться с основами всех классов наряду с обычной формой множественного числа (то есть с суффиксом *-л*, характерным для этого языка. — А. А., В. П.). Примеры: *зо* 'жилище', *зо:л/зо:сал* 'жилища', *адел* 'сеть', *адел-ил/адели-сал* 'сети'»¹⁴.

Таким образом, и в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках наблюдается явление, аналогичное тюркскому *bilin-iz/bilin-lär*, то есть полное семантическое равенство и взаимозаменяемость первичного простого аффикса множественного числа с новым сложным комплексом, составленным из двух древних показателей множественности. Отсюда следует, что в составе эвенкийского и негидальского *-сал* должны быть два показателя множественного числа: *-с* и *-л*, что подтверждается фактами самих алтайских языков. Г. И. Рамстедт писал, что «древнейшим образованием множественного числа в этих языках (алтайских. —

⁸ Н. К. Дмитриев. Категория числа. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Ч. II. М.—Л., 1956, стр. 67—68.

⁹ В. Л. Котвич. Исследование по алтайским языкам. М., 1962, стр. 336; см. также: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. М.—Л., 1958, стр. 128; *его же*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 83; А. Данияров. Категория множественности в современном казахском языке. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1965, стр. 9.

¹⁰ Т. А. Бертагаев. Морфологическая структура слова в монгольских языках. М., 1969, стр. 54.

¹¹ Там же, стр. 35.

¹² Там же, стр. 34—35.

¹³ В. И. Цинциус. Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках. — «Уч. зап. ЛГУ», серия филологическая, вып. 10. Л., 1946, стр. 81.

¹⁴ Там же, стр. 82.

А. А., В. П.) является, вероятно, монгольское образование на *-s* после основ на гласный и на *-t*, *-uʃ* или соответственно *-d*, *-ud* после основ на согласный. Примеры: *-s* в монг.: *emes* 'жёны', *ekes* 'матери', *eges* 'мужья'¹⁵. Что же касается сложных аффиксов в монгольском языке, то Г. И. Рамstedт указывал, что «они возникли здесь по аналогии с простейшими окончаниями, либо путем редупликации их (разрядка наша. — А. А., В. П.); примерами такого типа окончания могут служить *-d-ud*, *-s-ud*, *-d-nar*, *-d-nar-ud*, *-d-nud*...»¹⁶

В пользу утверждения, что эвенкийское и негидальское *-сал* является сложным суффиксом, состоящим по крайней мере из двух показателей множественного числа, говорят факты современного маньчжурского языка, в котором первичные элементы *-ca/-cə/-co/-cu* не потеряли своего значения множественности¹⁷.

Итак, почти во всех алтайских языках мы обнаруживаем аналогичное явление — контаминацию древнейших простых показателей множественного числа и образование сложных комплексов с тем же значением. При этом, однако, возникают следующие вопросы: во-первых, почему между древними контаминирующими аффиксами множественного числа оказались те или иные гласные, причем в абсолютном большинстве тюркских языков — широкие *-a/-ä*:-*lar/lär* (в якутском и алтайском наряду с *-a/-ä* могут следовать полуширокие *-o/-ö*:-*log/lög*); во-вторых, почему произошла контаминация двух показателей множественности?

В тюркских языках в составе слова, а тем более в составе аффиксов, не допускается стечение двух согласных (за исключением очень редких случаев типа башк. *kart* 'старый', *ant* 'клятва'). Однако исследования показывают, что в алтайских языках широкие и узкие гласные выполняют не только фонетические функции, но и выступают в роли грамматических средств: широкие гласные указывают на множественное, а узкие — на единственное число¹⁸. На эту особенность широких и узких гласных обратил внимание и Г. И. Рамstedт. Он считал, что «монгольский обнаруживает здесь (то есть при образовании множественного числа в сфере личных местоимений. — А. А., В. П.) совершенно своеобразное варьирование гласных: единственному числу **tip-*, **tip-*, **ip-* соответствуют формы множественного числа **tan-*, **tan-*, **an-*»¹⁹. Как видим, замена узкого гласного *-i-* широким *-a-* в местоимениях оказалась достаточной для образования множественного числа. Т. А. Бертагаев, очевидно, прав, когда пишет, что образование форм множественного числа местоимений «...путем спонтанного чередования звуков прослеживается почти во всех монгольских языках, что свидетельствует об общемонгольской принадлежности внутренней флексии, о ее древности и продуктивности... Особенно выдержано чередование огласовок личных местоимений единственного и множественного числа в дагурском языке.

Ед. число		Мн. число	
<i>би</i>	'я'	<i>баа</i>	'мы'
<i>ши</i>	'ты'	<i>таа</i>	'вы'
<i>шин</i>	'он'	<i>аан</i>	'они' ²⁰ .

¹⁵ Г. И. Рамstedт. Указ. раб., стр. 57.

¹⁶ Там же, стр. 58.

¹⁷ См.: Б. К. Пашков. Маньчжурский язык. М., 1963, стр. 19—20.

¹⁸ Д. Г. Киекбаев. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков». Уфа, 1967, стр. 22—23.

¹⁹ Г. И. Рамstedт. Указ. раб., стр. 71.

²⁰ Т. А. Бертагаев. Указ. раб., стр. 89—91.

Чередование узких и широких гласных наблюдается и в среде числительных: *долон* 'семь' — *далан* 'семьдесят'.

В тюркских языках образование множественного числа местоимений происходило не при помощи внутренней флексии, а путем прибавления к основе местоимения единственного числа древнего простого показателя *-z* (в некоторых языках — нового сложного аффикса *-lag/-lär*). Например, древнетюркское *bi* 'я' — *bi-z* 'мы'; *si* 'ты' — *si-z* 'вы'; *o* 'он' — *o-lag/a-lag* 'они'²¹. Однако влияние внутренней флексии обнаруживается в некоторых случаях образования формы множественного числа местоимений и в тюркских языках: тат. и башк. *ul* 'он' — *alag* 'они' ($u > a$). В туркменском и кумыкском языках местоимение *ŕu* указывает на близкий предмет, *ŕo* — на более дальний предмет²². Д. Г. Киекбаев отмечал, что «в определенном плане воспринимались те предметы и явления природы, которые были известны, близки говорящему... То, что было неизвестно, незнакомо, находилось на далеком расстоянии, было в большом количестве (разрядка наша. — А. А., В. П.), воспринималось в неопределенном плане»²³. А идея множественности тесно связана с понятием неопределенности²⁴, так как формы множественности не указывают на определенное количество: слово *atlar*, например, указывает на неопределенное число лошадей — от двух до бесконечности.

Тесная связь понятий множественности и неопределенности в алтайских языках проявляется и в чисто формально-грамматическом плане. Так, в языке тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана первая часть изафета, стоящая во множественном числе, «выступает в форме основного падежа»²⁵. Например: *taylar suyu akiŕdu* 'стекались горные воды'. В эвенкийском языке «прямое дополнение во множественном числе, как правило, также стоит в винительном неопределенном падеже, как и в прибалтийско-финских языках»²⁶.

Таким образом, в тюркских языках широкие гласные выступают как показатели множественности и неопределенности и поэтому участвуют в образовании аффикса множественного числа, а узкие гласные являются показателями единичности или определенности. Теперь можно объяснить, почему в башкирском и других тюркских языках губная гармония нарушается в аффиксах множественного числа и косвенных пространственных падежей, последовательно сохраняясь во всех остальных случаях: *besän* *u*пуң *bolonpoko* 'сено (это) с его луга'; *vodokloyo* 'его испорченность' — *bolondar* 'луга', *vodoktar* 'испорченные'. Если бы в последних двух примерах сохранялась губная гармония (в виде *bolondor*, *vodoktor*), они не могли бы выражать идею множественности, ибо в башкирском языке гласные *o*, *ö* являются узкими и указывают только на определенность. Пространственные падежи также связаны с понятием неопределенности, так как сфера распространения их действия не является определенной и предполагает обычно широкое пространство²⁷. Именно по этой причине местоимение *ŕu* (с узким гласным *u*) в туркменском и кумыкском языках указывает на близкий предмет, а местоимение *ŕo* (с широким или средним гласным) — на более дальний предмет. Во

²¹ Т. М. Гарипов. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959, стр. 143.

²² «Языки народов СССР», т. 2. М., 1966, стр. 100.

²³ Д. Г. Киекбаев. Указ. раб., стр. 6.

²⁴ Там же, стр. 23.

²⁵ А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1961, стр. 91.

²⁶ Д. Г. Киекбаев. Указ. раб., стр. 23.

²⁷ Там же, стр. 5.

многих тюркских языках личные местоимения в дательном-направительном падеже меняют свою огласовку: киргизский основной падеж *теп*, *сеп* — дательном-направительный падеж *тауа/таѳа*, *саѳа/саѳа*²⁸. Хакасский основной падеж *тiп* — дательном-направительный падеж *тауа*²⁹ и т. д.

В некоторых тюркских языках, а также в письменных памятниках мы наблюдаем прибавление к форме *таѳа/тауа/тiѳа* аффикса *-r*: татарск. *тiѳар/сiѳар*³⁰; В. М. Насилов пишет, что «дательном-направительный падеж личных местоимений в караханидских памятниках имеет две формы: *таѳа*, *таѳар* 'мне', *саѳа*, *саѳар* 'тебе'»³¹. Как уже было указано выше, аффикс *-r* является древнейшим показателем множественного числа. Присоединяясь к основе *тауа/таѳа/тiѳа*, он усиливает неопределенность дательном-направительного падежа, выступая в данном случае в роли показателя неопределенности. Это еще раз подчеркивает тесную связь понятий неопределенности и множественности, которая позволяет аффиксам множественного числа выступать в роли показателей неопределенности, и, наоборот, показателей неопределенности, то есть широким гласным и так называемому нулевому аффиксу³², участвовать в образовании множественного числа.

По сообщению М. М. Мирзаева, в кипчакском наречии узбекского языка местоимение 1-го лица множественного числа имеет форму *bizar*³³. В данном случае широкий гласный *-a-* употребляется в роли показателя множественного числа, ибо в узбекском литературном языке оформился другой вариант этого местоимения: *bizlar*.

Широкие гласные как показатели неопределенности участвовали и в образовании различных глагольных форм с неопределенным значением. Так, в современном азербайджанском языке глаголы настоящего времени изъявительного наклонения имеют аффиксы с узкими гласными *-y-/-i-/-u-/-ü-*: *alug* 'он берет', *g'älir* 'он идет'. Форма же настоящего будущего времени глагола образовалась путем замены узких гласных широкими *-a-/-ä-*: *alag* 'он будет брать', *g'älär* 'он придет'. Данное явление с точки зрения теории определенности—неопределенности вполне закономерно и понятно, так как будущее время глагола связано с понятием неопределенности³⁴ и «по существу выражает нереальное дей-

²⁸ «Языки народов СССР», т. 2, стр. 493.

²⁹ Там же, стр. 435.

³⁰ По сообщению Г. Х. Ахатова, это явление наблюдается в татарских диалектах.

³¹ В. М. Насилов. Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма. — «Вопросы языкознания», 1971, № 1, стр. 106.

³² О нулевом аффиксе как показателе неопределенности см.: Д. Г. Киекбаев. О грамматической категории определенности и неопределенности в урало-алтайских языках. — «Советское финно-угроведение», 1965, № 1; Т. А. Бертагеев. Указ. раб., стр. 48. В. А. Богородицкий первым из тюркологов правильно указал на роль нулевого аффикса как показателя неопределенности. Он писал, что «винительный падеж в именах применяется в двояком виде — без всякого окончания или же со специальным окончанием: в первом случае имеется в виду лишь простое название предмета, как объекта действия, а во втором — ему придается определенность, т. е. имеется в виду не вообще называемый предмет в любых представителях, но определенный представитель среди предметов данного наименования». (В. А. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1953, стр. 153). К сожалению, ценная мысль В. А. Богородицкого не была четко выражена и, видимо, поэтому не привлекла внимания многих; с другой стороны, сам автор при исследовании других падежных форм свою идею не развил дальше.

³³ См. выступление М. М. Мирзаева. В кн.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. III. Баку, 1963, стр. 257.

³⁴ Д. Г. Киекбаев. Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков», стр. 23.

стве»³⁵. В ногайском, башкирском, татарском и других языках формы будущего времени глагола образуются несколько иным, но сходным путем: к основе настоящего времени прибавляется древний аффикс множественного числа, выступающий здесь в роли показателя неопределенности, а не множественности: ногайск. *bağa* 'идет' — *bağa-г* 'пойдет'; татарск. *ġaġuğa* 'приглашает', *k'ılä* 'идет' — *ġaġuğa-г* 'пригласит', *k'ılä-г* 'придет'; башк. *sakuga* 'приглашает', *k'ılä* 'идет' — *sakuga-г* 'пригласит', *k'ılä-г* 'придет'. Подобный путь образования будущего времени в ногайском, татарском и башкирском языках, по-видимому, объясняется тем, что основа настоящего времени в своем первоначальном виде содержала широкие гласные *-a/-ä-*, и поэтому здесь использовался показатель множественности-неопределенности *-r*.

Известно, что условная форма глагола в тюркских языках выражает нереальное, неопределенное действие. Это объясняется тем, что при этой форме в составе аффикса во всех тюркских языках представлены показатели неопределенности — широкие гласные *-a/-ä-* (в алтайском *-a/-ä-/o/-ö-*). Даже в тех языках, где последовательно соблюдается губной сингармонизм, в форме условного наклонения он нарушается. Ср. башк. *totto* 'поймал', *totošto* 'помог поймать (кому-то)', *totoštoŋ* 'ты помог поймать' и т. д., но *totha* 'если поймает' вместо ожидаемой формы **totho*. Звук *-o-* в башкирском языке является узким и может служить только показателем определенности.

Итак, гласные в составе аффикса *-lağ/-läğ* являлись не просто «вставочными», а несли вполне определенную функцию в истории формирования тюркского сложного аффикса множественного числа как показателя неопределенности-множественности.

Теперь попытаемся ответить на вопрос, почему происходила контаминация или сращение нескольких (сейчас можно сказать — трех) показателей множественного числа? Б. А. Серебренников справедливо предполагает, что «предшественником современного аффикса множественного числа *-lağ* в тюркских языках был когда-то аффикс собирательной множественности *-la*, например: *agaġ-la* 'деревья', *kuz-la* 'девушки', *balyk-la* 'рыбы' и т. д.»³⁶.

Факты алтайских языков позволяют предположить, что в пратюркском языке и аффикс *-la* имел своего предшественника в виде *-l*, который не утратил своего значения множественного числа в тунгусо-маньчжурских языках: эвенкийск. и эвенск.: *mō* 'дерево' — *mō-l* 'деревья'; негидальск.: *ojoŋ* 'домашний олень' — *ojo-l* 'домашние олени' и т. д. По всей вероятности, и в пратюркском языке были формы множественного числа: **kadal* 'горы' от *kada* 'гора'; **üräl* 'горы' от *ürä* 'гора'; для основ с согласным: **atal* 'кони', **taɣal* 'горы'. Реальность данной гипотезы очевидна: во-первых, тенденция образования сложных аффиксов из простых, или первичных, путем контаминации характерна для всех алтайских языков; во-вторых, данные формы, как показано выше, сохранились в родственных тюркским тунгусо-маньчжурских языках. К сожалению, еще не обнаружены письменные памятники, где были бы зафиксированы подобные формы множественного числа. Они не сохранились ни в одном из тюркских языков или диалектов.

Почему же в тюркских языках исчезли формы **kadal*, *kadala*, *atla* (последняя форма удержалась, сохранив свое значение в балкарском

³⁵ Н. З. Гаджиева. Соотношение категорий времени и наклонения в тюркских языках. — «Краткие сообщения Института народов Азии», № 83. Монголоведение и тюркология. М., 1964, стр. 75.

³⁶ Б. А. Серебренников. Указ. раб., стр. 51.

языке и нескольких диалектах других языков)? Осложнение аффикса *-la* новым показателем *-r* Б. А. Серебрянников объясняет совпадением этого аффикса по форме с формантом совместного падежа, который, по его мнению, существовал в древнетюркском языке. Следовательно, «стремление устранить омонимию суффиксов, очевидно, и послужило главной причиной того, что к древнему аффиксу собирательной множественности присоединился второй аффикс собирательной множественности *-r*, откуда современный аффикс *-lar*»³⁷. Это утверждение не вполне верно потому, что совместный падеж с аффиксами *-la/-lä* возник гораздо позже, чем аффикс *-lar*. Ни один из исследователей орхон-енисейских памятников (С. Е. Малов, И. А. Батманов, В. В. Радлов, В. М. Насилов и др.) не находит в них совместного падежа, который появляется лишь в словаре Махмуда Кашгари, в текстах X—XIII веков из Восточного Туркестана и в других памятниках средних веков³⁸. Совместный (или орудный) падеж возник относительно недавно в результате слияния слова в основном падеже с послелогом *ila/la/birla* и так далее лишь в ряде тюркских языков. Например, в башкирском и татарском языках такого слияния существительного с послелогом *belän/төпән/ila* не произошло. Следует добавить, что сами послелогии в тюркских языках являются словами более позднего образования, возникновение которых было вызвано развитием сложных синтаксических отношений. В настоящее время доказано, что послелогии восходят к самостоятельным словам, которые перешли в разряд служебных в результате частичной или полной десемантизации. Этот процесс еще продолжается в современном башкирском языке, в котором есть разряд слов, употребляющихся как в роли послелогов, так и в качестве знаменательных частей речи³⁹. Следовательно, добавление к древнему аффиксу множественного числа *-la* второго показателя множественности *-r* произошло до появления совместного падежа и, видимо, в результате действия других факторов.

Наблюдение над алтайскими, в частности над тюркскими, языками показывает, что в них очень широко и результативно представлено явление плеоназма. Г. Ф. Благова пишет, что «в отдельных тюркских языках разобщенные, изолированно рассматриваемые факты плеонастического использования аффиксов обнаруживаются с давних пор, и число их все более увеличивается по мере углубления изучения как истории тюркских языков, так и современного состояния этих языков и их многочисленных диалектов»⁴⁰. Почему же возникает плеоназм в языке вообще, и в тюркских языках в частности? Г. Ф. Благова совершенно справедливо утверждает, что плеоназм в тюркских языках возникает «на основе полного стирания первоначального грамматического значения устаревшего аффикса и вытекающего отсюда переразложения основы»⁴¹. В том случае, когда тот или иной аффикс начинает терять свое первоначальное значение и срастается с корнем или основой слова, к данной форме может присоединиться новый аффикс с тем же значением. Этот процесс наблюдается поныне во всех тюркских языках. Так, в разговорной речи башкир существует двойное употребление аффиксов разделительного

³⁷ Б. А. Серебрянников. Указ. раб., стр. 52.

³⁸ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 89.

³⁹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 229; Б. С. Саяргалиев. Служебные слова в башкирском языке. Уфа, 1960, стр. 29 (на башкирском языке).

⁴⁰ Г. Ф. Благова. Плеонастическое использование аффиксов в тюркских языках в историческом освещении. — «Вопросы языкознания», 1968, № 6, стр. 83.

⁴¹ Там же, стр. 89.

числительного (ber-är-eşär 'по одному') и местоимений (kaj-hu-hu 'какой из них', tege-pe-he-n 'того из них', tege-pe-he-pe-k'e 'у того из них', min-e-k'e-pe-k'e 'у моего')⁴². Исследователи татарского языка и его диалектов также отмечают распространенность плеоназма. Д. Г. Киекбаев и Г. Х. Ахатов обнаружили в диалектах башкирского и татарского языков двойное употребление окончания дательно-направительного падежа в именах существительных с аффиксами принадлежности 1-го лица множественного числа: inäm-a-lär-gä 'к родителям', jeŋk'äm-ä-lär-gä 'к семье брата и снохи' (вместо ожидаемых форм: inäm-lär-gä, jeŋk'äm-lär-gä)⁴³. В мензелинском говоре татарского языка аффикс принадлежности 3-го лица также удваивается: äjber-e-se bar (вместо äjber-e bar 'у его есть вещь'), itäg-e-se-belän (вместо itäg-e belän 'подолом')⁴⁴. Такое же удвоение аффикса принадлежности наблюдается в языке тюрков, проживающих в г. Видин (Болгария): sähib-i-si, bir-i-si⁴⁵.

Почти во всех тюркских языках в области личных местоимений широко представлен плеоназм, так как «стирание архаического показателя множественного числа -z и ответное стремление языка выравнять числовую дифференциацию личных местоимений по аналогии с именами, имевшими в качестве форманта множественности -lar/-ler, явилось той основой, на которой стало возможно плеонастическое... присоединение аффикса -lar к местоимениям siz, biz»⁴⁶. Во многих случаях первые части плеонастических сложных комплексов не полностью утратили свое грамматическое значение. Причиной такого типа плеоназма может быть стремление выразить различные дополнительные оттенки значения. Н. К. Дмитриев отмечал, что двойное множественное число в местоимениях употребляется также для передачи нарочитой вежливости⁴⁷. Именно этим объясняется параллельное функционирование следующих местоимений в тюркских языках: siz, sizlär, sizder, senlär, seslär, selär, silerler 'вы'. А. М. Щербак подчеркивает, что «с местоимениями män, sän аффикс -lar выражает собственно множественность, с местоимениями biz, siz передает особые оттенки»⁴⁸.

Плеоназм широко представлен и в сфере глагола: башк. alajyk/alajyklar/alajyууд⁴⁹; кирг. zarsaŋyz/zarsaŋyzdar, k'eldiniz/k'eldinizder⁵⁰. К. Брокельман отмечал, что формант inizlär появился как комбинация имевших различное ареальное распространение показателей множества -iz (у огузов и кипчаков) и -lar (у остальных тюрков)⁵¹.

П. М. Мелиоранский указал на причину плеонастического употребления двух синонимичных аффиксов в предикативных показателях лица на примере казахского языка, отметив употребление форм на -уŋyz, -suz «по отношению к одному лицу, которое говорящий считает выше себя по

⁴² Г. Ф. Благова в указ. раб. приводит много примеров плеоназма из башкирского и татарского языков.

⁴³ Д. Г. Киекбаев. О диалектах башкирского языка. — В кн.: «В помощь учителям башкирского языка». Уфа, 1960, стр. 16 (на башкирском языке); Г. Х. Ахатов. Диалект западно-сибирских татар. Уфа, 1963, стр. 155.

⁴⁴ Л. Т. Махмутова. Мензелинский говор. — «Материалы по татарской диалектологии». Казань, 1962, стр. 67.

⁴⁵ А. Н. Кононов. Рец.: J. Németh. Die Türken von Vidin. Budapest, 1965. — «Вопросы языкознания», 1966, № 2, стр. 162.

⁴⁶ Г. Ф. Благова. Указ. раб., стр. 89.

⁴⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка, стр. 220.

⁴⁸ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 124.

⁴⁹ С. Ф. Миржанова. Материалы экспедиции 1958 года. — «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959, стр. 199.

⁵⁰ И. А. Батманов. Указ. раб., стр. 40.

⁵¹ С. Brockelmann. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mit-telasiens. Leiden, 1951—1954, стр. 226.

общественному положению», и на -уңыздар, -сыздар при обращении «к нескольким лицам, которых считает выше себя»⁵². В разговорной речи башкир повелительное наклонение 2-го лица единственного числа имеет две параллельные формы: баг/багуң 'иди'. Последняя аффиксальная форма употребляется при вежливом обращении к уважаемому человеку.

Следовательно, на возникновение плеоназма влияет два параллельно действующих фактора: во-первых, «стирание первоначального грамматического значения устарелого аффикса»⁵³ или его «затухание»⁵⁴; вследствие чего аффикс может повторяться в составе того же слова⁵⁴; во-вторых, стремление выразить различные оттенки одного и того же значения, попытка дифференцировать его в соответствии с отношениями между людьми в обществе.

Плеоназм широко распространен и в монгольских языках, где «большинство аффиксов состоит из двух некогда простых и первородных аффиксов, слитых в единый форматив»⁵⁵. Например, «двойное множественное число, как и двойное склонение — довольно распространенное явление... В двойном показателе -дид повторяется аффикс -d, образуя комплекс при помощи долгой -и-. Двоичность такого показателя, очевидно, объясняется тем, что в первом формативе -d- значение множественности несколько сдвинулось, претерпело чуть заметную аберрацию»⁵⁶.

Таким образом, с достаточной уверенностью можно сделать вывод, что тюркский аффикс -lag прошел сложный многоступенчатый исторический путь развития. В пратюркском языке и в эпоху алтайской языковой общности аффикс множественного числа состоял из одного показателя⁵⁷, что подтверждается фактами тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, в которых древнейший простой показатель множественного числа не утратил и ныне своего значения множественности. Об этом же свидетельствуют факты самих тюркских языков, где простой показатель множественного числа в сфере имен существительных полностью исчез, осложнившись плеонастическим наращением других синонимичных показателей. Однако в местоимениях и некоторых разрядах глагола, а также в категориях принадлежности и сказуемости он продолжает функционировать в своем первоначальном значении, хотя и в затухавшем виде: др.-тюрк. bi 'я' — bi-z 'мы'; si 'ты' — si-z 'вы'; татарск. багасы-ң 'идешь' — багасы-z 'идете'; каз. ату-ң 'твой конь' — ату-ң-уз 'ваш конь' и т. д.

Итак, как было отмечено выше, множественное число имен существительных имело следующую древнейшую форму: *kadal 'горы', *ıgal/ıgāl 'горы'⁵⁸, *at-a-l 'кони' и т. д. С течением времени подобные формы стали утрачивать значение множественности, воспринимаясь как корневое слово. Этим объясняется появление нового показателя множественности-неопределенности — широких гласных -a-/ā- (в отдельных тюркских языках под влиянием губной гармонии — -o-/ö-). Образованный

⁵² Г. Ф. Благова. Указ. раб., стр. 90.

⁵³ Там же, стр. 89.

⁵⁴ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1960, стр. 223.

⁵⁵ Т. А. Бергагаев. Указ. раб., стр. 54.

⁵⁶ Там же, стр. 34—35.

⁵⁷ См.: Г. И. Рамstedt. Указ. раб., стр. 57—59; В. Л. Котвич. Указ. раб., стр. 336; В. Г. Кондратьев в «Очерке грамматики древнетюркского языка» (Л., 1970) отмечает ограниченное употребление -lag в древнетюркском языке, а это «позволяет предположить, что в памятниках категория множественного числа еще не оформилась окончательно» (стр. 7—8).

⁵⁸ Например, этимологию топонима Урал можно представить следующим образом: башк. үг 'маленькая гора', эвенк. үгä 'гора' — үгä-l 'горы'.

таким образом комплекс *-la/-lā*, по всей вероятности, продолжал служить показателем множественности и после распада общетюркского единства. А. Ализаде указывает, что в письменных памятниках XIV—XIX вв. аффикс множественного числа выступает иногда в виде *-la/-lā*⁵⁹. Далее аффикс *-la* также начал терять свою функцию показателя множественного числа и присоединил к себе новый показатель множественности *-r*. Только в балкарском, уйгурском и кумыкском языках (видимо, по причине их обособленного развития и функционирования) он сохранил свое прежнее значение. В других же тюркских языках следы аффикса *-la* со значением множественности можно обнаружить лишь в отдельных диалектах и говорах (кумыкского, уйгурского и узбекского языков), а также топонимах⁶⁰.

Весьма интересен с точки зрения употребления аффиксов *-lag* и *-la* кумыкский язык, в котором *-lag* употребляется в основном падеже имен существительных, а в косвенных падежах эти аффиксы имеют форму *-la*; например, *jyllag* (основной падеж), *jyllany* (род. падеж), *jyllaya* (дат. падеж)⁶¹. Все это еще раз убеждает нас в том, что *-lag* — это явление позднейшее, и его в этом языке, в период формирования падежного склонения, не было. Вместо *-lag* функционировал аффикс *-la*, который и закрепился в косвенных падежных формах, а в форме основного падежа к аффиксу *-la* в более позднее время присоединился показатель *-r*. Реликты аффикса *-la* обнаружены в башкирском орониме *Обон кугла* (название продолговатой горы) и в номенклатурном термине *jajla* 'плоскогорье'. Эти названия завели в тулик башкирских исследователей-диалектологов и топонимистов, ибо корни *куг* и *жай* отчетливо выделяются и употребляются как отдельные самостоятельные слова⁶². Однако формант *-la* среди аффиксов именного словообразования не значится⁶³. У. М. Яруллина связывает этимологию *-la* в орониме *Обон кугла* с непродуктивным аффиксом *-lak*⁶⁴, однако без аргументации выпадения *-k*. Известно, что оронимы, так же как и топонимы, отличаются исключительным консерватизмом. Остается предположить, что аффикс *-la*, закрепленный в топонимах *кугла* и *жайла*, является древнейшим показателем множественного числа, впоследствии потерявшим свое первоначальное значение. Употребление названий гор с аффиксом множественного числа в условиях Урала вполне естественно и понятно, так как горы здесь обычно имеют продолговатую форму и тянутся на многие километры. Изредка их цепь пересекают глубокие ущелья и впадины. Поэтому ороним *кугла* всегда выступает в сочетании с прилагательным *Обон* 'длинный, продолговатый', отражающий своеобразие Уральских гор.

⁵⁹ А. Ализаде. Указ. раб., стр. 17—18.

⁶⁰ См.: А. Ализаде. Указ. раб., стр. 17—18; Э. Р. Тенишев. Об уйгурских диалектах Синьцзяна. — В сб.: «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 145. А. Ализаде и Э. Р. Тенишев говорят о «выпадении» или «опускании» конечного *-r*, с чем нельзя согласиться. Сказанное выше подтверждает мнение Б. А. Серебrenникова о первичности *-la*. Гипотеза о «выпадении» *-r* не подтверждается фактами алтайских, в том числе и тюркских языков. Ее сторонники никак не обосновывают свою точку зрения.

⁶¹ «Языки народов СССР», т. 2, стр. 199. Исследователи кумыкского языка объясняют данное явление выпадением *-r*, однако без указаний на его причину.

⁶² См.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 445, где слово *куг* зафиксировано со значением «гора».

⁶³ Т. М. Гарипов. Указ. раб.

⁶⁴ У. М. Яруллина. О лексическом своеобразии демского говора. — В сб.: «Башкирская диалектология». Уфа, 1963, стр. 203.

В. Г. ГУЗЕВ, Д. М. НАСИЛОВ

КОНКРЕТНО-ПРЕДМЕТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ТЮРКСКОГО ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО КАК ЗОНА РЕЛЕВАНТНОСТИ КАТЕГОРИЙ ЧИСЛА И ОПРЕДЕЛЕННОСТИ—НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ*

Языковеды-тюркологи все чаще от описания материала тюркских языков переходят к попыткам анализа причинной связи и внутренней основы языковых явлений.

Поскольку причинные связи в языке обнаруживаются с большим трудом, исследователю обычно удается описать лишь фрагменты таких связей, то есть их отдельные звенья в языке.

Разные языки, представляя собой явления одного порядка, обнаруживают сходные закономерности своей организации и функционирования. Видимо, этим объясняется то обстоятельство, что в работах, посвященных различным, даже не родственным языкам, мы нередко встречаем сходные или тождественные наблюдения.

В лингвистической литературе отмечается, что имя существительное не только может обозначать конкретный, реально воспринимаемый предмет, имеющий пространственно-временные характеристики, но может также называть этот предмет абстрактно, выражать идею, понятие предмета или указывать на его качественные особенности.

Эту мысль мы находим, например, у В. В. Виноградова в его высказываниях «о качественных оттенках имен существительных» в русском языке или об ослаблении в них «самого оттенка предметности»¹; это же отмечают на материале английского языка А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова², на материале немецкого языка — В. М. Павлов³, на материале славянских языков — И. И. Ревзин⁴.

* Подготовленный для печати текст доклада, прочитанного авторами на VI годичной научной сессии ЛО ИВ АН СССР, см.: В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. О нулевых формах тюркского имени существительного в различных грамматических категориях. — В сб.: «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Краткие сообщения и автоаннотации». М., 1970, стр. 142—144.

¹ См.: В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1947, стр. 186, 189, 417—420.

² См.: А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова. Образования типа stone wall, speech sound в английском языке. — «Доклады и сообщения ИЯ АН СССР», № 2. М.—Л., 1952, стр. 97—116; А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959, стр. 110—123; ср. также: С. И. Собаршова. Сопоставление признаков имени прилагательного и имени существительного в современном английском языке. — «Уч. записки Орловского ГПИ», серия филологических наук, т. XVI, вып. 1. Орел, 1959, стр. 59—81.

³ См.: В. М. Павлов. Развитие определительного сложного существительного (с первым компонентом — существительным) в немецком языке. Автореф. канд. дисс. Л., 1958, стр. 9—12; его же. Семантика имен собственных и их роль в словосложении в современном немецком языке. — «Уч. записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 217. Л., 1960, стр. 128—134.

⁴ См.: И. И. Ревзин. Об иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного). — «Советское славяноведение», 1969, № 3, стр. 66—78.

В применении к одному из тюркских языков — староузбекскому — интересующие нас свойства имени существительного в наиболее законченном виде были охарактеризованы С. Н. Ивановым⁵.

Условимся вслед за С. Н. Ивановым значение имени существительного, обозначающего конкретный предмет с пространственно-временными характеристиками, именовать конкретно-предметным значением, абстрактное же значение имени — отвлеченно-предметным, или предметно-качественным⁶. Иные авторы говорят в данном случае о предметном и качественном значении имени существительного или о его номинативной и сигнификативной функциях и т. п.

Ряд авторов намечает также связь между грамматическими особенностями имени существительного и его способностью употребляться в этих разных значениях. А. И. Смирницкий указывает, что со значением «предметности» связано наличие у имени существительного категорий числа и склонения. «Понятие количества, — пишет он, — являющееся содержанием категории числа, естественно сочетается с понятием предметности, поскольку реальные предметы в самой жизни существуют в разном количестве»⁷. Он также считает, что «когда данное понятие мыслится как таковое наиболее абстрактно, в отвлечении от конкретных предметов, их восприятия или представления, различия в категории числа оказываются несущественными»⁸.

И. И. Ревзин пишет, что в русском языке в случаях типа «сытый голодного не разумеет», «в этих лесах растут сосна, ель, береза» имя «существительное выступает не в обычном значении предмета как точки или области, имеющей определенные пространственно-временные координаты, а выражает определенную совокупность свойств, и именно поэтому противопоставление по принципу единственности—множественности оказывается столь мало существенным»⁹. Далее он замечает: «...там, где предметность отступает на второй план, число становится ненужным, а его употребление вполне факультативным»¹⁰.

С конкретно-предметным значением существительного языковедами связывается и категория определенности—неопределенности. Можно, в частности, указать на замечание В. М. Павлова об «определенности—неопределенности, теснейшим образом связанной с различными аспектами предметной отнесенности существительного»¹¹, и наблюдения И. И. Ревзина, который отмечает: «Неслучайно, по-видимому, что в тех славянских языках, где падежная система разрушена, идея предметности подкрепляется специально выраженной категорией определенности»¹².

Итак, категории числа и определенности—неопределенности связываются с конкретно-предметными значениями имени существительного. Причем из приведенных высказываний следует, что конкретно-предметные значения являются зоной релевантности категории числа, а в случаях актуализации отвлеченно-предметных значений существительного категория числа должна быть признана иррелевантной, ненужной, неприме-

⁵ С. Н. Иванов. «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, стр. 31—113.

⁶ Там же, стр. 192. Заметим, что вопрос о том, следует ли проводить различие между отвлеченно-предметными и предметно-качественными значениями в настоящей статье не рассматривается.

⁷ А. И. Смирницкий. Морфология английского языка, стр. 110.

⁸ Там же, стр. 113.

⁹ И. И. Ревзин. Указ. раб., стр. 76.

¹⁰ Там же.

¹¹ В. М. Павлов. Развитие определительного сложного существительного..., стр. 11.

¹² И. И. Ревзин. Указ. раб., стр. 77.

нимой. То же, вероятно, справедливо и в отношении категории определенности—неопределенности, если она способна «подкреплять» «идею предметности».

Если грамматические категории могут иметь сферы или зоны своей релевантности, то, очевидно, существует опасность за какой-либо формой слова (особенно не имеющей материальных морфологических показателей) видеть категорию, с которой слово при данном конкретном использовании не может быть связано, то есть в случаях, когда слово функционирует за пределами зоны релевантности. Например, не следует говорить о форме числа при актуализации отвлеченно-предметного или качественного значения имени.

В тюркских языках имя существительное в целом ряде синтаксических функций выступает без морфологических показателей грамматических категорий: в функции подлежащего, сказуемого, прямого дополнения, определения, обстоятельства. При этом оно, участвуя в различных категориях, противостоит разным формам с морфологическими показателями, или, другими словами, имеет нулевые показатели различных категорий. Например, в предложении тур. *(bu) kitap iyidir* 'книга хорошая' слово *kitap*, вне всякого сомнения, имеет нулевой показатель единственного числа, противостоя форме *kitaplar* 'книги' в такой же конструкции. А в случае *ben kitaplar okuyorum* 'я читаю книги' такое значащее отсутствие мы имеем в форме *kitaplar* (неопределенное дополнение), противостоящей форме *kitapları* (определенное дополнение). Смешение же грамматических категорий, выражаемых нулевой формой данного слова в данной функции, приводит к неверным формулировкам типа: «Значение единственного числа передается именительным падежом»¹³.

Так же ошибочно видеть категорию там, где она иррелевантна. I-й тип изафета *taş bina* 'каменное здание', где слово *taş* выступает в отвлеченно-предметном, а точнее, видимо, в «предметно-качественном» (С. Н. Иванов) значении, представляет собою наиболее яркий случай иррелевантности категории числа и категории определенности—неопределенности. С точки зрения семантики это следует из того, что первый компонент указанной конструкции не имеет конкретно-предметного значения, а с морфологической точки зрения об этом свидетельствует невозможность подстановки к нему какого-нибудь аффикса.

Если наличие зоны релевантности является свойством некоторых грамматических категорий, то, вероятно, учет этого обстоятельства может привести к более глубокому и верному пониманию особенностей функционирования некоторых грамматических форм. Обратимся к конкретному примеру.

С. Н. Иванов показал, что способность совмещать в себе конкретно-предметные и отвлеченно-предметные, предметно-качественные значения является наиболее важным свойством тюркского имени, определяющим особенности функционирования таких категорий, как склонение, категория принадлежности, число. В частности, он считает, что винительный падеж примыкающего дополнения актуализует конкретно-предметное значение имени существительного, основной же падеж в этой функции выступает как форма отвлеченно-предметного дополнения¹⁴.

С другой стороны, употребление основного и винительного падежей в дополнениях связывается в тюркологии с категорией определенности—неопределенности: основной падеж оформляет прямое дополнение, выра-

¹³ Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962, стр. 134.

¹⁴ С. Н. Иванов. Указ. раб., стр. 62—63.

жающее неопределенный предмет (ср. тур. *ben kitap okuyorum* 'я читаю книгу', *ben bir kitap okuyorum* 'я читаю какую-то книгу'), а винительный падеж оформляет дополнение, передающее определенный предмет (тур. *ben [bu] kitabı okuyorum* 'я читаю эту книгу').

На первый взгляд, позиция С. Н. Иванова противоречит изложенной традиционной точке зрения.

Категория определенности—неопределенности, хотя она еще и не получила в тюркологии развернутого доказательства, представляется нам существующей¹⁵. В подтверждение можно было бы привести ряд фактов, в частности **обязательность** постановки показателя *bir* при выражении неопределенности, его безударность в этой функции (в отличие от числительного *bir* 'один') и др.

Как же разрешить указанное противоречие? По-видимому, как раз путем уточнения релевантности категории определенности—неопределенности. Обратимся к анализу пяти простейших турецких предложений:

I.	<i>ben</i>		<i>kitap</i>	<i>okuyorum</i>	} зона отвлеченно-предметных значений
II.	<i>ben</i>	(<i>bir</i>)	<i>kitap</i>	<i>okuyorum</i>	
III.	<i>ben</i>	*[<i>bir</i>]	<i>kitaplar</i>	<i>okuyorum</i>	} зона конкретно-предметных значений
IV.	<i>ben</i>	(<i>bu</i>)	<i>kitabı</i>	<i>okuyorum</i>	
V.	<i>ben</i>	(<i>bu</i>)	<i>kitapları</i>	<i>okuyorum</i>	

Сравним употребление существительного в I примере с конструкцией изафета II: *kitap mağazası* 'книжный магазин', в которой 1-й компонент чаще всего выступает без аффиксов, выполняя функцию определения, в связи с чем актуализуется, по мнению С. Н. Иванова, отвлеченно-предметное, предметно-качественное значение существительного и уж во всяком случае отсутствует его соотнесенность с конкретным предметом. Можно полагать, что существительное и в примере I выступает скорее в функции приглагольного определения в отвлеченно-предметном значении. Правомерность сближения функций имени в I примере и в изафете II можно подкрепить указанием на то, что в обоих случаях конструкции проявляют способность к лексикализации (имеются в виду сложные глаголы типа *yardım etmek* 'помогать', которыми богаты тюркские языки, и имена типа тур. *ayakkabı* 'обувь', *binbaşı* 'майор').

Таким образом, можно говорить о том, что в I примере имя существительное, выступая в отвлеченно-предметном, предметно-качественном значении, функционирует вне категорий числа и определенности—неопределенности.

Обе категории релевантны в зоне конкретно-предметных значений, которая в действительности охватывает случаи II—V, причем II и IV противостоят III и V в рамках категории числа (первая пара имеет нулевые формы), II и III противопоставлены IV и V как формы категории определенности—неопределенности.

Следует подчеркнуть, что мы здесь оставляем в стороне вопрос, какими показателями действительно выражается категория определенности—неопределенности. В связи с тем, что есть случаи противоречивого с точки зрения современных знаний сочетания этих показателей

¹⁵ См.: С. С. Майзель. Категория дефинитивности в турецком языке. — В сб.: «Акад. В. А. Гордлевскому. К его 75-летию». М., 1953, стр. 168—186; *его же*. Изафет в турецком языке. М.—Л., 1957; Н. К. Дмитриев. Детали простого предложения. — В сб.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». III. Синтаксис. М., 1961, стр. 31—34; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956; *его же*. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.

(*bir*+имя в винительном падеже), вопрос нуждается в специальной разработке.

В качестве рабочей гипотезы, исходя из предполагаемого значения категории определенности—неопределенности, можно предложить следующее объяснение изложенных фактов: в случаях II—V действие обязательно соотносится с реальным или воспринимаемым как реальный предметом, причем формы категории определенности—неопределенности сигнализируют об осведомленности (неосведомленности) кого-либо из участников данного акта коммуникации об этом предмете (значение, соотнесенное с денотатом, «вещественное» значение) или о том, впервые или не впервые упомянут предмет в речи (отвлеченное значение категории). В примере I связь действия с каким-либо конкретным денотатом представляется невыраженной.

Установление сфер релевантности грамматических категорий является задачей большой важности¹⁶. Ведь исследователь, не знающий границ значений категорий, может оказаться перед неразрешимой задачей поиска инварианта (независимо от того, что под ним понимается) несоместимых, разнородных грамматических форм. Без учета изложенной особенности категорий факты языка в ряде случаев не могут получить убедительной интерпретации.

¹⁶ См.: А. Мартине. Нейтрализация и синкретизм. — «Вопросы языкознания», 1969, № 2, стр. 96—109; И. Б. Хлебникова. Оппозиции в морфологии. М., 1969, стр. 43—54.

А. Х. ФАТЫХОВ

О ПЕРСПЕКТИВАХ УПОТРЕБЛЕНИЯ СОЮЗОВ И НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ БЕССОЮЗНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

(НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Бессоюзная связь относится к наиболее характерным особенностям сложных предложений в башкирском и татарском языках.

Союзы, имеющие в обычных предложениях факультативный характер, в художественной литературе последних лет используются как скрепляющий элемент сложных предложений, осложненных различными оборотами. Они часто употребляются и в так называемых парцелляционных конструкциях, например, тат. Brigadir atyna atlandy häm, çabyñlyk zir-lärne karap kajtuğa dip, tuğajya kittē¹ 'Бригадир сел на своего коня и, намереваясь осмотреть покосные угодья, поскакал на пойму'. Эта конструкция представляет собой простое предложение, однородные сказуемые которого соединены сочинительным союзом häm 'и'. Однако союз häm используется в подобных конструкциях не столько для соединения однородных сказуемых, сколько для введения в конструкцию новой основы высказывания в форме деепричастного оборота, и потому такой союз ставится, как правило, в начале оборота. Достаточно убрать деепричастный оборот, чтобы отпала необходимость и в союзе. В этом случае первое из однородных сказуемых принимает форму *verbum infinitum* на -ур для выражения предшествующего действия, например: Brigadir atyna atanur, tuğajya kittē 'Бригадир сел на своего коня и поскакал на пойму'.

В сложных предложениях смешанного типа придаточное, находясь вместе с союзом häm в интерпозиции, выполняет в плане актуального членения сложного предложения функцию вводящей основы, например, башк.: Bolondar uğa tanyš, häm, ayaһy otpuskaya kajtkas, unyng menän bolonda besän saba toğajny² 'Луга ему знакомы; когда брат приезжал в отпуск, он вместе с ним косил на лугах сено'.

Союз häm употребляется в сложносочиненных конструкциях не только с деепричастным оборотом, но и в составе вводного предложения, например, тат.: Xalyk, bilgele, üzeneng predsedatelen bērençe tapkyr yuna tynglyj ide, häm, döresen äjtergä kiräk, Söläymanow üzen osta söläüçe itep tanytur ölgergän ide³ 'Народ, надо полагать, впервые слушает своего председателя, и, по правде говоря, Сулейманов уже успел показать себя хорошим оратором'.

¹ Әмирхан Еники. Сайланма әсәрләр. Казан, 1958.

² Қирәй Мәргән. Шифалы айран. Өфө, 1967.

³ Әмирхан Еники. Указ. соч.

Употребление союза *häm* без вводного предложения в приведенной сложносочиненной конструкции невозможно.

Сочинительные союзы *häm* 'и', *ämta* 'но', 'однако', *läkin* 'однако', 'но' и так далее, занимая начальную позицию в парцелляционных конструкциях, также употребляются вместе с оборотами, придаточными и вводными предложениями, выполняющими функцию вводящей основы, например, тат.: *Häm, ijlä birep, jartylaš ačyk išekneng tupsa jaryyupnan eč kâ karady*⁴ 'И, натнувшись, он заглянул вовнутрь через полукрытую дверь';

*Ämma, kuju äramälekkä kergäč, bik küp kyjynlyklarny ütargä tury kilde*⁵ 'Но когда начался густой кустарник, пришлось преодолеть немало трудностей';

*Läkin, nilär genä kičermäsen, bötenesen dä ul üzeneng änä šul yörgulyy belän žingärgä tyryšty bulsa kiräk*⁶ 'Однако, что бы он ни переживал, он старался победить все своей гордостью'.

Таким образом, союзы, не употребляясь в обязательном порядке в обычных сложных предложениях, часто используются в осложненных конструкциях, где они выполняют функцию на уровне актуального членения предложения. Такую же картину мы наблюдаем в употреблении подчинительных союзов в сложноподчиненных предложениях башкирского и татарского языков. См., например, башк.: *Tik üdeneng janynda häder serläšep höjläšergä Wasäneng bulmauy yna šur kämselek bulyp este bošora ine. Sönki Ajbulat russa bik jakšy höjläšä...* *Läkin šulaj da hüddärdeŋ bötä mäyanä täränlegen anglap jetä almaj, kajhy sakta adäšyp, tarkalyp kitä ine*⁷ 'Только отсутствие Васи, с которым он мог говорить по душам, болью отзывалось в его душе. Потому что Айбулат говорил по-русски уже совсем хорошо... Хотя при чтении не мог еще полностью осмыслить все слова и иногда путался'; тат.: *Bieklekkä baram dip äjtüneng hičber mäynäse juk ide. Čönki, berenčedän, anda komandir žibärmjäčäk, ikenčedän, anda baryp ni ešliseng*⁸ 'Не было никакого смысла говорить «пойду брать высоту». Потому что, во-первых, туда командир не пустит, во-вторых, это ничего не даст'.

Eškä, auyly, malajlary, ätiseneng, ačulanyp čemetep alylaryna, nihajat', akça az töügä ijäläšep betkä kenä, bu auyldan kitärgä tury kilde. Čönki, Korbanjali abzyjnyng üz süzläre belän äjtkändä, «iläk belän jakty tašyp, öjne jaktyrtyp bulmyj ide»⁹ 'Когда он уже совсем свыкся с работой, деревней, деревенскими мальчишками, сердитым характером отца и малым заработком, ему пришлось уехать из этой деревни. Потому что, говоря словами дяди Курбангаля, «таская свет ситом, избы не осветишь»'.

Такова перспектива употребления союзов в предложениях, осложненных различными оборотами, и сложных предложениях парцелляционного типа.

⁴ *Әмирхан Еники.* Указ. соч.

⁵ *Там же.*

⁶ *Там же.*

⁷ *Һәзиә Дәүләтшина.* БРҗыз, Өфө, 1961.

⁸ *Г. Әпсәләмов.* Алтын йолдыз. Казан, 1953.

⁹ *Ф. Хәсни.* Жәяүле кеше сукмагы. Казан, 1959.

Обычные сложноподчиненные предложения, неосложненные различными оборотами, представлены в современных башкирском и татарском языках в основном бессоюзными типами. Каждый из них отличается особыми структурными способами связи между главным и придаточным предложениями, семантико-синтаксическими отношениями между непосредственно составляющими частями, строевым назначением отдельных компонентов и стилистическими возможностями. Так, например, в бессоюзных сложноподчиненных предложениях¹⁰, скрепленных коррелирующими элементами¹¹, семантико-синтаксические отношения между частями бывают односторонними и двусторонними. В башкирском примере: *Kem ešlāmāj, šul ašamaĵ* 'Кто не работает, тот не ест' — семантико-синтаксические отношения с точки зрения как придаточного, так и главного предложений тождественны, являясь субъектно-подлежащими. В другом примере — *Beṛäü genä aly̆a sykha, šul jetä* 'Если даже один вырвется вперед, то достаточно' — указанные отношения не тождественны, а билатеральны: главное предложение — субъектно-подлежащее, а придаточное выражает условие.

Независимо от того, выражены ли в придаточной и главной частях аналогичные или различные отношения, автосемантична придаточная часть или десемантична¹², строевое назначение ее определяется по синтаксической функции коррелята главного предложения, что всегда придает придаточному предложению строго определенный смысл.

Это ясно видно из следующих примеров на башкирском языке:

<i>Семантические отношения придаточного предложения (различные):</i>	<i>Семантические отношения главного предложения (одинаковые — субъектно- подлежащие):</i>
а) Подлежащее: <i>Kem belä, šul kăberle</i>	подлежащее
	'Кто знает, тот дорог';
б) Определительное: <i>Kemdeng beleme bar, šul kăberle</i>	подлежащее
	'У кого есть знание, тот дорог';
в) Места: <i>Kemdä belem bar, šul kăberle</i>	подлежащее
	'У кого есть знание, тот дорог';
г) Условное: <i>Kemdä belem bulha, šul kăberle</i>	подлежащее
	'Если у кого есть знание, тот дорог'.

Достаточно изменить синтаксическую функцию коррелята, например, *šul keše kăberle* 'тот человек дорог', и придаточные, сохраняя указанные выше формы и отношения, будут выражать определительные значения.

¹⁰ В данной статье мы рассмотрим только два типа бессоюзного сложноподчиненного предложения.

¹¹ Коррелятивная связь рассматривается нами не в качестве разновидности одного из таких типов связи, как союзная, деривативная, комплетивная или комитативная (см.: А. Б. Шапиро. О принципах классификации подчиненных предложений. — «Русский язык в школе», 1937, № 2; Е. В. Кротевиц. Структура сложноподчиненного предложения. — В сб.: «Вопросы славянского языкознания», кн. 3. Харьков — Львов, 1953; Н. С. Креленштейн. О природе коррелятивной функции в сложноподчиненном предложении (на материале современного немецкого языка). — «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ», т. XXVI, 1961; И. П. Распопов. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961), а как бессоюзный структурный тип, об особенностях которого будет сказано ниже.

¹² Е. В. Гулыга. Структурно-семантическая классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного немецкого языка). — «Научные доклады высшей школы», серия «Филологические науки», 1958, № 3.

При одинаковом же характере семантических отношений и оформления придаточного предложения его значение в различной форме и функции будет определяться тем же коррелятом главной части:

*Семантические отношения
придаточного предложения
(одинаковые):*

*Семантические отношения
главного предложения
(различные):*

а) подлежащее:	Kem belā, šul kāberle	субъектно-подлежащее
б) подлежащее:	Kem belā, šul keše kāberle	определятельное
в) подлежащее:	Kem belā, šungarḁa kāber bar	объектное
г) подлежащее:	Kem belā, šunda kāber	места

В другом бессоюзном типе сложноподчиненного предложения, где придаточные связаны с главным не коррелирующими элементами, а формой глагола, отношения между непосредственно составляющими определяются не синтаксической функцией детерминативных членов главного предложения, а соотношением их со сказуемым придаточного. Придаточное предложение, введенное условной формой глагола, может иметь различные значения. Например, тат.: *Zäjeng rätle bulsa, šajeng tatly bulyr* (посл.) 'Если лето будет погожим, то и угощение — на столе' (значение придаточного условного); башк.: *Jeget übe kartajmaha, puža kartajta ikän* (песня) 'Хотя джигит сам не стареет, его нужда старит' (уступительное значение); тат.: *Ak külmägēm ike par, bērsen kisām, bērsē bar* (песня) 'Белых платьев два у меня, одно ношу, другое есть' (сочинительная связь, соотносительная одновременность); башк.: *Kis bulha, bul и groupa iōšā syktar*¹³ 'Когда наступает вечер, здесь выпадает роса' (подчинительное отношение, значение времени); тат.: *Newod ike mār-tābā salyna, žil bulyr, dinggēz dulkynlanyp kitsā, bēr belān dā kalyna ide*¹⁴ 'Невод закидывали по два раза, если же море беспокойно, довольствовались одним' (причинно-условное отношение); башк.: *Ägär dā hin bōloṭ bulhang, min uny telgän jāšen*¹⁵ 'Если ты будешь тучей, я — молния, рассекающая ее' (условно-сравнительное отношение).

Коррелятивная связь отличается и тем, что при абстрактно-обобщающем характере коррелята (такую функцию выполняют обычно вопросительные местоимения) возможно построение бесчисленного множества вариантов придаточной части. Эта бессоюзная сложноподчиненная конструкция используется для выражения сложнейших мыслей и обладает значительными стилистическими возможностями. При сохранении конструкции главного предложения придаточная часть может быть трансформирована соответственно различным моделям простых и сложных предложений, включая и всевозможные формы периода. Например, тат.: *Šunusy karakterly, bezdā atom energijäse tormyş fajdasyna kullanyla*¹⁶ 'Характерно то, что атомная энергия у нас используется в мирных целях' (придаточное подлежащее выражено двусоставным предложением). Возможны и другие варианты придаточного: *...atom energijäsen tormyş fajdasyna kullanabyz* (односоставное определенно-личное);

¹³ *Мэжит Гафури*. Гайланма эсэрзэр, т. 2. Өфө, 1953.

¹⁴ *Шәриф Камал*. Сайланма эсәрләр. Казан, 1934.

¹⁵ *Мостай Кәрим*. Гайланма эсәрзэр. Өфө, 1966.

¹⁶ Газета «Кызыл тан», 1971, № 1.

...tormyş fajdasyna kullanalar (односоставное неопределенно-личное); ...tormyş fajdasyna kullanasyng (односоставное обобщенно-личное); ...tormyş fajdasyna kullanyrğa bula (односоставное безличное); ...imperialistlar atom bombalary şartlatkanda, bezdä atom energijäse tormyş fajdasyna kullanyla (сложноподчиненное предложение выступает как придаточное подлежащее) и т. д.

Рассмотренные примеры показывают потенциальные возможности развития сложных предложений с коррелятивной связью. В татарском и башкирском языках могут одновременно совмещаться в главной части два коррелята, причем в различной функции, например, в функции обстояательства меры и степени и в функции определения: тат. Açuym şul-kädär köçle, saynuym şundyj tatly, min tüzimim žyrlap žibäräm¹⁷ 'Ненависть [к врагам] столь велика, а душа такой тоской полна, что нельзя не запеть'.

В бессоюзных сложноподчиненных предложениях, конструктивная завершенность которых подчеркивается единой семантикой всей конструкции и спаянностью составных частей, а придаточные вводятся формой *verbum infinitum*, отношения между частями в отличие от коррелятивной связи могут быть моносемантическими, бисемантическими и полисемантическими, то есть или только временными, условными, или же причинно-временными, условно-временными и даже условно-причинно-временными. Например, башк.: Mart aju tuуyas, köndär maturlana başlaј 'Когда наступает март, дни становятся ясными (погожими, солнечными)'; тат.: Aty tartmaуаç, tärtäsen kyjnyj (погов.) 'Когда лошадь не тянет, оглобли не виноваты'; тат.: Läkin kart sälamätlängäç tä säbäplär tabylyp torđy¹⁸ 'Хотя (когда, если даже) старик и выздоровел, причины [болезни] то и дело находились'. Придаточная часть в таких конструкциях, находясь в препозиции, выполняет функцию вводящей основы, ограничивая сообщение местными, временными, причинными и другими значениями. Эта же часть, занимая интерпозицию, может служить новой основой для продолжения сообщения, причем такую функцию выполняют, как уже было сказано, не только придаточные предложения, но и обособленные обороты и вводные предложения. При этом они нередко снабжаются дополнительным средством — различными союзами сочинительного или подчинительного типа.

Когда сообщение, выражаемое главной частью, мыслится ситуативно, придаточные предложения в функции вводящей основы могут употребляться самостоятельно, без главного предложения. В таком случае последние обычно бывают бинарными, например, тат.: Eş uzуаç, tuj tuzуаç 'Когда с делами покончено, свадьба сыграна (к шапочному разбору)'.

В татарском и башкирском языках есть такие сложные конструкции, в которых придаточные ограничительного значения могут быть опущены. Соотнесенность временных значений сказуемых предполагает такое опущение ситуативно, например, тат.: Какма keşe kapkasyn, üz kapkangny кауаrlar¹⁹ (погов.) 'Не бей в чужие ворота [плетью], будут бить в твои [дубиной]'; башк.: Үмер түгелдер күпер: ul суур kitergä genä түгел бötähen дә күрäheng (погов.) 'Жизнь прожить — не поле перейти',

¹⁷ *Гадел Кутуй. Сайланма әсәрләр. Казан, 1965.*

¹⁸ *Г. Әпсәләмов. Указ. соч.*

¹⁹ *Н. Б. Борханова, Л. Т. Мәхмүтова. Русча-татарча фразеологик сүзлек. Казан, 1959, стр. 68.*

досл.: 'Жизнь — не мост: она не для перехода; [когда жизнь проживешь], все увидишь'. В первом примере опущено интерпозиционное придаточное условия *ägär kaksang* 'если будешь бить', во втором — интерпозиционное придаточное ограничительного типа со значением времени *yümeḡ itkändä* 'когда жизнь проживешь'.

Добавим также, что форма с *verbum infinitum* в качестве структурного типа бессоюзной связи придаточных предложений с главными используется в тюркских языках как характерное (если не единственное) средство ступенчатого подчинения синтаксических рядов.

Хотя изучение структуры предложения в тюркских языках имеет длительную историю, остается еще очень много малоизученных лингвистами конструкций. Так, в башкирском и татарском языках есть такие бессоюзные сложноподчиненные конструкции синтетического типа, в которых связь между непосредственно составляющими или между основой высказывания и предизируемой частью выражается не с помощью сказуемого придаточного предложения в форме *verbum infinitum*, а детерминативным дополнением²⁰ или определением главного предложения, например, тат.: *Leningradka kilgäç, bezne jakşy karşyaldylar* 'Когда приехали [мы] в Ленинград, нас встретили хорошо'; башк.: *Bynda kilgäs, beḡḡe irken jorttarğa uryñlaştırdylar*²¹ 'Когда [мы] приехали сюда, нас разместили в просторных домах'. Следует сказать, что такие сложноподчиненные предложения объяснимы при анализе на уровне актуального членения. Придаточная часть в этих конструкциях выражает основу высказывания, ограничивая ее рамками временных значений, тогда как главное предложение выражает предизируемую часть высказывания. Связь между частями актуального членения осуществляется двоякой функцией дополнения *bezne* или *beḡḡe* 'нас', которое по отношению к придаточной части указывает на субъект действия, одновременно являясь дополнением в составе главного предложения. Подобные бессоюзные сращенные конструкции нельзя переводить на языки других систем в форме простого предложения с деепричастным оборотом («Приехали сюда, нас разместили в просторных домах»), а следует передавать только сложной конструкцией, например, немец.: *Als wir hierher gekommen waren, hat man uns in geräumigen Häusern untergebracht*.

В плане структурного скрепления указанные бессоюзные сложноподчиненные конструкции можно было бы сравнить с бессоюзными сложносочиненными предложениями сращенного типа, например, башк.: *Keşene eş bötörmäj, kajyu-xäsrät bötörä* (погов.) 'Человека изнашивает не работа, а горе-забота'; тат.: *Jylannyng ayy da julan, karasy da julan* (погов.) 'Из змей и белая — змея и черная — змея'. Препозитивный второстепенный член в данных предложениях (в первом — *keşene* — дополнение, во втором — *jylannyng* — определение) выражает основу высказывания и одновременно является общим элементом, структурно скрепляющим две предикативные единицы. Эти общие второстепенные члены по отношению к предикативным единицам выполняют равнозначные синтаксические функции, тогда как в вышеуказанных сложноподчиненных конструкциях сращенного типа они при той же функции связую-

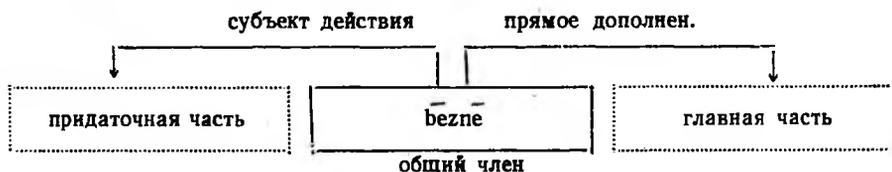
²⁰ Дауыт Юлтый. Найланма эсэрзэр, т. II. Өфө, 1957.

²¹ Н. Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — «Вопросы языкознания», 1964, № 6 (там же см. литературу вопроса).

щего элемента выражают различные значения: субъект действия и прямое дополнение.

Сказанное можно пояснить с помощью следующих схем:

1. Схема бессоюзного сложноподчиненного предложения

2. Схема бессоюзного сложносочиненного предложения

В. С. ХИДИРОВ

К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ТОЖДЕСТВ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

(НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ ГЛАГОЛА
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ И В ЯЗЫКАХ ЛЕЗГИНСКОЙ ГРУППЫ)

Изучение фактов языков только одной семьи недостаточно для установления общих критериев (типологических универсалий) трансформации различных словосочетаний в аналитические формы.

Типологический анализ словообразования и словоизменения разносистемных языков дает возможность выявить общие свойства морфологических структур, определить специфику различных особенностей в парадигматическом ряду, выяснить соотношения средств их выражения, последовательно и системно анализировать их грамматический строй. «С точки зрения сравнительно-типологического изучения структуры слова в языках разных систем возникает вопрос: применимы ли это понятие, этот термин к языкам других лингвистических групп, а главное — других типов морфологической структуры — так называемых изолирующих, агглютинирующих, инкорпорирующих — и если «анализ» в этих языках существует, то каковы его типологические особенности?»¹.

Глаголы в языках лезгинской группы значительно отличаются от глагола в азербайджанском языке как по характеру, так и по количеству грамматических категорий.

В языках лезгинской группы глаголу присуща категория грамматических классов (рода). В связи с этим в морфологический состав глагольных форм включаются классные показатели: крызск. $\overset{w}{g}\overset{v}{a}g\overset{w}{y}ul$ (I кл.), $\overset{w}{g}\overset{v}{a}b\overset{v}{y}ul$ (II кл.), $\overset{w}{g}\overset{v}{a}z\overset{v}{y}ul$ (III кл.), $\overset{w}{g}\overset{v}{a}d\overset{v}{y}ul$ (IV кл.) 'пусти [его, ее, животное], проглотил [кусочек хлеба]'.

В отличие от азербайджанского глагола в языках лезгинской группы глагол не имеет синтетической формы спряжения по лицам². Отношение действия к его производителю выражается описательно. Ср.:

Азербайджанский язык

jazugam	'пишу'
jazygsan	'пишешь'
jazug	'пишет'

Крызский язык

čisni	zup	букв.: 'пишет я'
čisni	vup	букв.: 'пишет ты'
čisni	änyg	букв.: 'пишет он'

В морфологический состав глагольных форм включаются также глагольные превербы, выражающие направительные и пространственные отклонения.

¹ В. М. Жирмунский. Об аналитических конструкциях. — В сб.: «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., 1965, стр. 5.

² Исключение составляют табасаранский, агульский и удинский языки.

См., например, крызские глаголы:

^w sāšā	'иди сверху вниз'	^{w v} zāzi	'находится внутри'
^w kāšā	'иди снизу вверх'	^v kızı	'находится под...'
^w sušā	'иди с других сторон'	^v vāzi	'находится у...'

В азербайджанском же языке подобные отношения выражаются описательно: *juxarıdan g'äl, aşağıdan g'äl, jandan g'äl; içində var, altında var, yanında var.*

В языках лезгинской группы глагол устанавливает особые типы отношения между компонентами, входящими в состав более сложных структурных образований. Это прежде всего зависит от семантики глагола, вступающего в известный тип синтаксических отношений.

Например, в крызском языке в переходном предложении классный глагол-сказуемое согласуется в грамматическом классе с прямым дополнением, а в непереходном предложении — с подлежащим.

При переходных глаголах подлежащее ставится в эргативном (активном) падеже: ^vVäjir ^{w w wv}zigäh ^wkığägzi 'Отец поле (место) пашет'.

Представленные в них глагольные компоненты определяют выбор типа синтаксической конструкции, обуславливая эргативную конструкцию предложения.

Подлежащее при непереходных глаголах выступает в именительном (номинативном) падеже: ^wVäj axijägä 'Отец спит'. В этом предложении уже представлена ярко выраженная номинативная конструкция.

Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) развивают дативную конструкцию предложения: ^vZäs že däj rağa iközü 'Я свою бабушку очень люблю'.

В азербайджанском языке глагол, хотя и дифференцируется на ряд семантических групп, однако последние не находятся в связи с особыми синтаксическими структурами (номинативными, эргативными конструкциями), что свойственно языкам лезгинской группы.

Глагольное словообразование во всех языках лезгинской группы обуславливается фонетическими процессами, часто не входящими в систему регулярных звуковых соответствий.

Значительные изменения возникают при слиянии грамматических морфем в составе более сложных основ, появляются различные детерминанты или тематические гласные, в результате чего происходит наращение, пределом которого является сложная аналитическая конструкция.

В отличие от литературных тюркских языков постоянно подвижный материал бесписьменных и младописьменных языков Дагестана позволяет выделить любой уровень языка, увязать его с другими уровнями и проследить их взаимообусловленность и взаимосвязь, определить типы качественных и количественных отношений, заданных фактическим материалом.

Например, многие типы глагольных конструкций, характерные для современных лезгинских языков, в азербайджанском языке считаются фактами исторического прошлого. Это, в частности, касается таких структурно сложных образований, компонентом которых является глагольная связка *есть*.

Связка *есть* фактически составляет типологическую основу многих типов аналитических конструкций в языках разных систем.

Такая типологическая основа возможна при однородных формах ее проявления в парадигматическом ряду:

а) во многих языках связка *есть* представляет супплетивную форму глагола *быть*;

б) глагольная связка *есть* не имеет в языках инфинитивной формы;

в) связка *есть* в различных языках в разной степени образует форму недостаточного спряжения (общетюрк. u^3 , крызск. $gäzi$ 'находится в...', $kizi$ 'находится на...', si^3 'находится в (массе)', su^3 'находится внутри', $kizi$ 'находится под...', $väzi$ 'находится у...');

г) глагольная связка почти во всех языках используется при деепричастных и причастных формах как основном компоненте сложных форм.

Структуру аналитических форм и в тюркских языках и в языках лезгинской группы позволит яснее выявить анализ другого вспомогательного глагола *eg-||et-* 'делать'.

Сложные образования с указанными выше компонентами с точки зрения их структуры и места в системе языка не являются однородными. Они могут быть сложными свободными образованиями не морфологического, а синтаксического уровня, или аналитическими формами глагола, то есть сложными единицами морфологического уровня, и, наконец, — фразеологическими единицами.

В данном случае мы ставим перед собой задачу определить критерии выявления аналитических форм и отграничения их от других типов сложных образований.

В языках лезгинской группы форма настоящего времени почти во всех случаях образуется от глагольных основ деепричастий с помощью вспомогательного глагола *делать*. Изменение аналитических форм по временам и числам и их связь с другими грамматическими категориями обусловлены спряжением вспомогательных глаголов *делать* и *быть*.

Очень часто многие авторы, отбирая критерии для выделения аналитических форм, основываются на таких свойствах языка, которые являются лишь сопутствующими признаками аналитических образований.

Так, например, противопоставление⁴ в рамках одной грамматической категории аналитическим формам собственно морфологических форм является критерием более узкого плана.

Безусловно, возможность включения аналитических форм в единую систему грамматических противопоставлений с синтетическими формами слова остается критерием желательным, но отнюдь не обязательным.

Переименование аналитических форм с синтетическими в рамках одной грамматической категории даже в одном и том же языке прослеживается лишь в отдельных случаях.

Что касается тюркских и дагестанских языков, то в них отсутствуют такого рода аналитические образования, регулярно соотносимые с простыми их формами в рамках одной грамматической категории. «Никто не станет отрицать того очевидного факта, что многие аналитические формы имеют во многих языках чисто словообразовательное назначение. Как известно, словообразовательные формы вне зависимости от своего строения не входят в число коррелирующих категорий...»⁵ Поэтому сама

³ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 144.

⁴ Н. Д. Арутюнова. О критерии выделения аналитических форм. — В сб.: «Аналитические конструкции в языках различных типов». М.—Л., 1965, стр. 90.

⁵ А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965, стр. 24.

по себе возможность противопоставления тех или иных сложных образований простым по дифференциальным признакам какой-либо грамматической категории еще не дает оснований относить простые и сложные образования к системе элементов одной парадигмы и рассматривать их как типы словоформы одного слова.

М. М. Гухман в своей обширной статье о глагольной аналитической конструкции⁶ выделяет критерий, в равной мере касающийся языков различных систем — устойчивую неразложимость сочетания частичного и полного слова. Неразложимость рассматривается автором в двух планах: лексическом и грамматическом.

Большое значение имеет грамматическая неразложимость, обусловленная процессом сцепления входящих в сочетание компонентов. Что касается лексической неразложимости, то она не может служить надежным критерием для отграничения аналитических форм от других типов структурно сложных образований. Такая неразложимость, будучи немаловажным признаком при выделении аналитических форм, не может служить надежным фактором возникновения явления аналитизма, ибо «семантический подход... представляет широкую возможность субъективизму при установлении степени утраты вспомогательным глаголом его исходного лексического значения»⁷.

В языках различных систем по-разному реализуется связь между компонентами аналитических форм, при этом особенно важно учитывать их взаимное расположение, например контактное или дистантное. И если такие типы связи обнаруживаются, то следует учесть, в какой степени каждый из них характеризует грамматический строй рассматриваемых языков.

Очень часто сочетающиеся между собою компоненты перемещаются, однако такие их перемещения не во всех языках возможны.

Проблема аналитических форм глагола в языках лезгинской группы почти не разработана. Не предприняты даже попытки отбора аналитических форм из огромного количества структурно сложных образований, которыми так богаты современные лезгинские языки. Не разработана эта проблема в должной мере и в азербайджанском языке.

В языках лезгинской группы особую роль в глагольном словообразовании играют вспомогательные глаголы. Они образуют как сложные, так и аналитические формы. Среди вспомогательных глаголов особо выделяется связка *есть*, которая чаще всего присоединяется к деепричастию, образуя аналитическую форму настоящего времени: крызск.

ихгä + jägä 'читает' (букв.: 'читая есть'). Ср.: лезгинск. kelz + ava, будухск. čaɣaɣa + vi 'идет' (букв.: 'идя есть'). Ср.: хиналугск. lakı + ja, цахурск. jıäjhi + vod (vob, vov) и т. д.

Связка *есть* в языках лезгинской группы присоединяется к деепричастию и в усеченной форме: крызск. lugä + zıi 'говорит', лезгинск. luhuz + va (от luhuz + ava), рутульск. jıxɣa 'а.

Связка *есть* очень часто присоединяется и к именным основам: крызск. admi + ji, fıri + ji, mäɣlim + i 'является (есть) человеком', 'муж-

⁶ М. М. Гухман. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова. — В сб.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 345.

⁷ А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 22.

чиной', 'учителем'. Ср.: лезгинск. $\text{admi} + \text{ja}$, $\text{it\bar{e}m} + \text{ja}$, $\text{m\bar{a}\check{z}lim} + \text{ja}$; будухск. $\text{admi} + \text{vi}$, $\text{furi} + \text{vi}$, $\text{m\bar{a}\check{z}lim} + \text{vi}$; цахурск. $\text{insan} + \text{vogna}$ (vobna , vodna) и т. д.

Характеризуя процесс фонетических изменений и полной утраты лексического значения связки, Ю. Д. Дешериев пишет: «В составном сказуемом глагольная связка остается самостоятельной лексически и фонетически, хотя и выступает исключительно в грамматическом значении. В дальнейшем она начинает утрачивать свою фонетическую самостоятельность, становясь энклитикой... В результате углубления данного процесса связка окончательно утрачивает свое лексическое значение и фонетическую самостоятельность, превращается в форматив причастия с грамматической функцией настоящего времени»⁸.

Связка *есть* в языках лезгинской группы представляет супплетивные формы глагола *быть*.

Представленные супплетивные формы в рамках парадигматического ряда вступают между собою в известные типы отношений:

крызск.	$\overset{w}{j\check{a}\check{a}}$ 'есть';	$\overset{v}{s\check{a}x}$ 'будь'; $\overset{v}{xijiz}$ 'быть'; $\overset{v}{s\check{a}r\check{a}}$ 'будет';
лезгинск.	ava 'есть';	$\overset{v}{xux}$ 'будь'; $\overset{v}{xun}$ 'быть'; $\overset{v}{\check{z}eda}$ 'будет';
будухск.	vi 'есть';	$\overset{v}{sox}$ 'будь'; $\overset{v}{jix\check{a}gi}$ 'быть'; $\overset{v}{\check{c}\check{a}r\check{a}}$ 'будет';
табасаранск.	vu (za) 'есть';	$\overset{v}{jix}$ 'будь'; $\overset{v}{xus}$ 'быть'; $\overset{v}{\check{s}ul}$ 'будет';
агульск.	vu 'есть';	$\overset{v}{ux}$ 'будь'; $\overset{v}{xas}$ 'быть';
цахурск.	vog (vob , vod) 'есть'; $\overset{v}{jixe}$ 'будь'; $\overset{v}{jixa's}$ 'быть'; $\overset{v}{jixa'syn}$ 'будет';	
рутульск.	ani'i 'есть';	$\overset{v}{jix}$ 'будь'; $\overset{v}{jix\check{s}in}$ 'быть'; $\overset{v}{ru'uti}$ 'будет'.

Приведенные выше классные формы связки развивают самостоятельные парадигматические ряды благодаря замещению грамматических экспонентов (классных показателей и глагольных превербов) и чередованию корневых морфем.

Связка *есть* как компонент аналитических конструкций по своей грамматической роли ничем не отличается от других грамматических средств.

В тюркских языках большой интерес представляет конструкция «деепричастие настоящего времени и связка *есть*» типа азербайджанского: $\text{g'äl\check{a}} + \text{var}$ 'идет' ('идя есть'), $\text{oxu}\check{j}\check{a} + \text{var}$ 'читает' ('читая есть'), $\text{ot}\check{r}\check{a} + \text{var}$ 'сидит' ('сидя есть') и т. д.

Во многих современных тюркских языках в таких же конструкциях в качестве связки используют формы глагола *стоять*: узбекск. *турмок*, *тура туринг* 'подождите'⁹; карач.-балк. *келе тур* 'приходи'¹⁰ и т. д.

В азербайджанском языке эта конструкция, встречающаяся в самых ранних памятниках, в настоящее время присуща только кубинскому диалекту. Р. Рустамов, исследовавший кубинский диалект, совершенно правильно замечает, что конструкция типа ala var , $\text{ged\check{a} var}$ относится к древним формам и использовалась наряду с такими конструкциями, как ala turur 'берет' ('беря становится'), $\text{gäl\check{a} turur}$ 'идет' ('идя становится').

⁸ Ю. Д. Дешериев. Грамматика хиналугского языка. М., 1965, стр. 101.

⁹ Языки народов СССР, т. II. М., 1966, стр. 354.

¹⁰ Там же, стр. 223.

По-видимому, Р. Рустамов прав и в том, что такие конструкции использовались прежде, чем оформились соотносящиеся ныне с ними аффиксы настоящего времени¹¹.

М. Ш. Ширалиев, основываясь на данных азербайджанских диалектов (в том числе и кубинского), раскрывает этимологию многих деепричастных форм и совершенно правильно замечает, что диалектная форма может послужить отправным пунктом для выяснения истории таких образований¹².

Г. К. Багиров, проследив формирование сложного глагола в азербайджанском языке по древним письменным памятникам, фиксирует связку *вар* (*var*) и отрицание *йох* (*jox*) (из «Асрарнаме»)¹³.

А. М. Щербак утверждает, что «в древних тюркских памятниках «деепричастие» на *-а*, *-ä*, выступая в качестве основы личных глагольных форм, часто сопровождается связкой, ср. Л₀ОК: *күлә туруп 'смеется'*»¹⁴. Такая конструкция обнаруживается и в башкирском языке:

at+um var *досл.*: 'мой конь наличен';
at+um juk *досл.*: 'мой конь отсутствующ';
alʏan+um var *досл.*: 'факт моего взятия имеется'¹⁵.

Н. К. Дмитриев относительно рассматриваемой конструкции приходит к следующему выводу: «Синтаксически эти формы, как и всякие формы принадлежности, могли реализоваться в предложении при посредстве специфических слов *бар*, *юк* ... В дальнейшем произошло, очевидно, отбрасывание *бар* и *юк* и таким образом возникло *алдым* (от *алдым+бар*. — В. Х.), *килдем* (от *килдем+бар*. — В. Х.)»¹⁶.

В башкирском языке так же, как и в других тюркских языках, недостаточный глагол *и-* связан с башкирской формой *ине*, восходящей к общетюркскому элементу — *э-(эр-)*.

Что касается настоящего времени, то в его основе лежит деепричастие с аффиксами *-а(й)*, *-э(и)*. В современном башкирском языке в форме настоящего времени это деепричастие повторяется *һуға-һуға* 'колотя-колотя', *саба-саба* 'гоня-гоня'. При спряжении таких конструкций получается *ала+мын* или *алам* 'беря я (есмы)' или *алаһын* 'беря ты (еси)'¹⁷.

Ю. Д. Джанмавов специально выделяет в кумыкском литературном языке в особый раздел аналитические формы, образованные от деепричастия при помощи вспомогательных глаголов¹⁸. Отмечая связку *турмакъ*, как компонент аналитических форм, автор ссылается на Н. К. Дмитриева и приводит в качестве примера аналитическую форму со связкой *турмакъ*, соответствующей азербайджанскому *var* 'есть': *jatyr turmak* (*досл.*: 'лежа стоять'). Ср. азербайджанскую диалектную форму *jatybbar* (*досл.*: 'лежа есть') (от *jatyb+var*).

Аналогичные изменения происходят и в составе вспомогательного глагола *делать*. При помощи вспомогательного глагола *делать* от имен-

¹¹ Р. Рустамов. Губа диалекти. Баку, 1961, стр. 152.

¹² М. Ш. Ширалиев. Об этимологии деепричастной формы на *-ыбан*, *-ибән*, *-убач*, *-убән*. — «Вопросы языкознания», 1960, № 3.

¹³ Г. К. Багиров. Лексико-семантическое развитие глагола в азербайджанском языке. Автореф. докт. дисс. Баку, 1966, стр. 117.

¹⁴ А. М. Щербак. «Деепричастие» на *-а* ~ *-ä(j)* в тюркских языках. — В сб.: «Вопросы грамматики. К 75-летию акад. И. И. Мещанинова». М.—Л., 1960, стр. 228.

¹⁵ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 139.

¹⁶ Там же, стр. 141.

¹⁷ См. там же, стр. 144—146.

¹⁸ Ю. Д. Джанмавов. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967, стр. 205.

ных и глагольных основ образуются новые глагольные формы: крызск. *ixariz* 'говорить' (от *ix+jeriz*), *gafariz* 'беседовать' (от *gaf+vāriz*). Ср.: лезгинск. *kelun* (от *kel+avun*) и *gafarun* (от *gafar+avun*).

Наиболее наглядную картину образования аналитических форм посредством глагола *делать* представляют материалы рутульского языка. В зависимости от типа основ, входящих в аналитическое сочетание, глагол *делать* утрачивает свою структурную целостность в разной степени. Чем последовательней глагол *делать* используется для словообразования, тем полнее он воспроизводит свою исходную структуру: *suga* 'рви' (от *suga+ha*'), *suga'as* 'рвать' (от *suga+ha'as*), *suga+hy'ug* 'порвав', *suga+hy'ud* 'порванный', *suga+hy'ugi* 'порвал', *suga+ha'asi* 'порвет', *suga+ha'aga'a* 'рвет' и т. д.

Совершенно очевидно, что эти аналитические формы должны быть разграничены со встречающимися в крызском языке образованиями типа: *ibg kijāz* 'слушать' (букв.: 'ухо положить'), *tyg kijāz* 'назвать' (букв.: 'имя положить'), *xāb kitxāz* 'ласкать' (букв.: 'руку провести'), *parigos jipiz* 'курить' (букв.: 'папиросу тянуть'). Ср. азерб. *gulag asmağ* 'ухо повесить', *parigos čakmāk* 'папиросу тянуть', *ad gojtağ* 'имя положить' и др.

Второй компонент этих сочетаний в рамках парадигматического ряда почти не трансформируется в аффикс. Но если даже под влиянием различных факторов подобного рода трансформация и произошла, то возникший аффикс в этом парадигматическом ряду никогда не воспроизводит свою исходную структуру. Источник, к которому восходит подобный аффикс, может быть обнаружен либо на пересечениях языковых уровней, либо же в системе соотносимых форм в диалектах или родственных языках.

Поэтому «...мы не имеем никаких лингвистических оснований к тому, чтобы считать сложными глаголами производно-составные глаголы типа *māhv etmāk*, *jox olmağ* и т. п., потому что вспомогательные глаголы *etmāk*, *olmağ* являются лишь грамматическим средством»¹⁹.

В грамматике азербайджанского языка²⁰ приводится большое количество сложных глаголов, образованных посредством вспомогательных глаголов типа: *бахыб дурмаğ* 'заглядеться', *донуб галмаğ* 'удивиться', *жалиб чыхмаğ* 'прибыть', *ахыб кетмаğ* 'утекать', *өлчүб бичмаğ* 'раздумывать', *кэзиб доланмаğ* 'прогуливаться'²¹.

Значительное количество сложных глаголов приводится и с именными основами: *баш вурмаğ* 'проведать', *дэрд чэкмаğ* 'переживать', *мат галмаğ* 'удивляться', *өмүр сүрмәğ* 'прожить'²². Количество таких вспомогательных глаголов достигает двадцати.

Не случайно те же глагольные сочетания в другой работе квалифицируются как фразеологические: *өмүр сүрмәğ*, *баш вурмаğ*, *мат галмаğ*, *дэрд чэкмаğ*²³.

Вспомогательные же глаголы *etmāk||elāmāk*, исторически восходящие к *-er||-et* и формы *-idi*, *-imiš*, происшедшие от *итәк*²⁴, так же как и

¹⁹ А. К. Алекперов. Сложные глаголы в современном азербайджанском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1961, стр. 6.

²⁰ Азербайжан дилинин грамматикасы. I hissə (морфологија). Баку, 1960.

²¹ Там же, стр. 154.

²² Там же, стр. 94, 119, 128, 129.

²³ А. Гурбанов. Мүасир Азербайжан әдәби дили. Баку, 1967, стр. 222, 224, 228.

²⁴ М. Г. Гусейнзаде. Категории времени и наклонения глагола в современном азербайджанском языке. — В сб.: «Вопросы категории времени и наклонений глагола в тюркских языках». Баку, 1968, стр. 67.

связка *vağ* и *olmaq* при глагольном словообразовании, будучи компонентами аналитических образований, не выражают того лексического значения, которым они обладают как лексемы языка.

Учитывая вытекающие из рассмотренного нами выше материала выводы, а также исходя из общей теории грамматики, мы попытаемся установить ряд критериев для отграничения аналитических форм глагола от всех остальных структурно сложных образований.

Элементы аналитизма наряду с синтетическими формами выступают в языке как необходимые и в принципе равноправные средства выражения.

При отборе критериев, необходимых для выделения аналитических форм в языке, следует исходить из двух постоянно действующих и тесно связанных между собою лингвистических факторов:

1) особенностей функционирования аналитических форм в системе соотносимых с ними грамматических средств языка в целом;

2) характера трансформации аналитических образований в синтетические и наоборот.

Эти два аспекта (функциональный и процессуальный) непременно предполагают:

а) интенсивный процесс грамматикизации словосочетаний, трансформирующихся в аналитические образования;

б) комплекс звуковых изменений, сопровождающий, а порою и обуславливающий, трансформацию аналитических образований в синтетические;

в) грамматически ограниченный выбор (избирательность) тех служебных слов, которые могут выступать в качестве компонента аналитических форм.

Такая методика исследования аналитических форм значительно облегчит разграничение их со сложными словами, а тем более с фразеологическими сочетаниями.

Фразеологические сочетания в языке выполняют функцию, отличную от функции аналитических форм, а, следовательно, процесс становления и развития фразеологизма обуславливается факторами скорее семантического порядка.

Формирование и развитие фразеологизма в языке, с одной стороны, и процесс становления и развития аналитических форм — с другой, осуществляются на разной основе и отличаются качественным своеобразием динамики.

Мы считаем, что десемантизация сочетаемых между собою компонентов, идиоматичность таких сочетаний или относительно свободная связь между ними и многие другие моменты, которые ряд авторов возводит в критерии аналитизма, являются логическим следствием первых двух постоянно действующих в языке факторов.

Какими бы внешне сходными ни были предопределяемые типы структурно сложных образований — по характеру трансформации, по движущим причинам более интенсивно развивающегося процесса становления образующихся единиц, по функциональной значимости — они непременно окажутся различными.

Вспомогательные глаголы, входящие в аналитические конструкции, в зависимости от функциональных изменений в процессе грамматикизации, подвергаются десемантизации в различной степени. В одном случае, фонетически модифицируясь, они превращаются в аффиксы, в другом же — выполняют функцию аффиксов.

Десемантизация вспомогательных глаголов еще в большей степени зависит от характера трансформации словосочетаний в аналитические формы. В этом отношении прав В. В. Виноградов, который особо выделяет глагол *быть*, утверждая, что конструкция типа *буду+инфинитив* (*буду читать*) значительно отличается от свободных словосочетаний (*начну читать, хочу читать, могу читать*), компоненты которых более раздельны и относительно самостоятельны²⁵.

Очевидно, не все вспомогательные глаголы могут выступать в качестве активных средств вербализации, выражаемых в языке грамматических значений. Следует оговориться, что в отдельных языках, а тем более в языках различных систем, удельный вес аналитических образований зависит от эмпирического коэффициента соотносительных с ними грамматических средств и от формы выражения грамматических значений разных типов в структурно сложных конструкциях, присущих данному разряду слов.

В этом плане большой интерес представляют глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*), которые, будучи в языках лезгинской группы основными средствами выражения субъектно-объектных отношений, наиболее наглядно иллюстрируют процесс развития аналитических конструкций классных глаголов. Подобный лексико-семантический разряд глаголов в азербайджанском языке не находит себе соответствия в рассматриваемом плане.

Однако, отбирая пригодные для этой цели лексико-семантические разряды слов и включая в сферу наблюдения почти все классы и подклассы основообразующих рядов, можно посредством статистического метода достигнуть самых высоких результатов при определении уровня переменного коэффициента аналитических форм в общей системе словообразования.

Например, в отличие от азербайджанского языка в лезгинских языках таким вспомогательным глаголом может быть и глагол *дать*. Почти во всех языках лезгинской группы глагол *дать*, как и связка *есть*, вступая в аналитическое сочетание, выражает супплетивную форму, последовательно утрачивает структурную цельность или, наоборот, подвергается дальнейшему наращению.

Наращение удельного веса аналитических конструкций, происходящее за счет других вспомогательных глаголов, обнаруживается и в тюркских языках. Например, в тувинском языке наиболее четко выраженные типы аналитических конструкций в системе структурно сложных сочетаний образуются группой вспомогательных глаголов, выражающих значение *бытия* (*тур-* 'стоять', *чор(у)-* 'ехать', 'идти', *олур-* 'сидеть', *чит-* 'лежать'): *ажылдап турар* 'работающий' (*букв.:* 'работая стоящий'); *ан,нап чорур* 'охотящийся' (*букв.:* 'охотясь ходящий'); *бижип олурар* 'пишущий' (*букв.:* 'пиша сидящий'); *аарып чыдыр* 'болеющий' (*букв.:* 'болея лежащий')²⁶. «В тувинском языке выделяются основные четыре вспомогательных глагола (*тур-, чит-, чор(у)-, олур-*) в силу чрезвычайной абстрактности их лексического значения и особой важности выполняемой ими грамматической функции: без них невозможно в тувинском языке образование формы настоящего времени изъявительного наклонения от какого бы то ни было другого глагола»²⁷.

²⁵ В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947, стр. 569—570.

²⁶ Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. Грамматика тувинского языка. М., 1961, стр. 314.

²⁷ Там же, стр. 412.

Что касается проявления характерных особенностей аналитических форм в грамматической системе языка, то они могут реализоваться и через дистантное расположение компонентов, входящих в аналитические сочетания.

Ср. в немецком языке: *ich habe erst gestern dieses Buch gelesen*²⁸ (выделяется конструкция *ich habe gelesen*).

Такой процесс грамматизации словосочетаний, порождающий аналитические конструкции, не может послужить критерием более общего характера. Дистантное расположение компонентов, входящих в аналитические сочетания, замедляет процесс грамматизации и находится вне прямой зависимости от связи с синтетическими образованиями, постоянно составляющими линейное перекрещивание в общей системе соотносимых между собою грамматических средств, то есть, говоря о синтетических формах глагольного словообразования как об этапе эволюции, следует увязать его с аналитическими образованиями, которые характеризуют другой этап развития системы средств грамматических выражений.

Кроме того, дистантное расположение компонентов, входящих в аналитическое сочетание, снижает уровень восприятия функциональной взаимозависимости.

В результате такие формы с чисто внешней стороны приближаются к лексически неразложимым сочетаниям. Именно поэтому возникают случаи, когда компоненты аналитических форм и других типов сложных образований неправомерно отождествляются и в ходе анализа бывает невозможно определить степень сочетаемости соотносящихся друг с другом типов сложных единиц. Аналитическую форму всегда следует рассматривать в связи с синтетическими формами, так как они являются двумя крайними точками одной цепи, постоянно находящимися в состоянии переменного смещения. Такая тесная связь между двумя формами грамматического построения обнаруживается при выражении пространственных и направительных отношений. Обычно в системе глагола в языках лезгинской группы пространственные и направительные отношения выражаются провербами, а также послелогоми, заменяющими падежные флексии в системе местных падежей.

Фактически провербы и послелогои по своей функциональной характеристике и звуковому составу генетически восходят к одному источнику²⁹. Анализ взаимосвязи послелогов и провербов показывает возможность развития одной из этих двух систем за счет другой. На это указывает А. С. Чикобава. «Любопытно отметить, — говорит он, — что в мигрельском и в чанском диалектах при обилии провербов наблюдается слабое развитие системы послеложных падежей; оба явления тесно связаны между собою, — недостаточное развитие одного из них компенсируется богатством другого явления»³⁰.

Что касается сложных глаголов, то они в известной степени семантически обособляются, и между такими однородными образованиями не происходит никакого линейного перемещения.

²⁸ В. М. Жирмунский. Указ. раб., стр. 9.

²⁹ В. С. Хидиров. Об эволюционных и типологических особенностях глагольной основы крызского языка. — «Ученые записки Азербайджанского педагогического института языков им. М. Ф. Ахундова». Серия XII. Баку, 1968, № 4, стр. 93.

³⁰ А. С. Чикобава. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. — «Известия Института языка и материальной культуры АН Груз. ССР», т. 12, 1942, стр. 149.

На другом типологическом уровне — по типам отношений к существующим абстракциям (грамматической и лексической) можно выделить еще один критерий, разграничивающий, с одной стороны, аналитические формы, и с другой — сложные глаголы и фразеологические сочетания, что находит особенно яркое проявление в языках лезгинской группы.

Например, сложные глаголы, в особенности фразеологические сочетания, на основе постоянной и все более нарастающей лексикализации семантически абстрагируются. Поэтому целый ряд однородных сочетаний семантически обособляется, требует однотипных окружений. В связи с этим рассматриваются формы комбинаций сочетаемых между собою компонентов, составляющих известный тип окружений и могущих предопределить особенности развивающейся дистрибуции.

Что касается аналитических форм, то они целиком связаны с грамматической абстракцией. Чем устойчивее связь между компонентами аналитических форм³¹, тем шире образованный от них парадигматический ряд, и тем активнее участвуют они в дальнейшем словообразовании. Семантически такой ряд все больше и больше ослабевает. Чем слабее связь между компонентами аналитических форм, тем уже круг их сочетаемости и больше вероятность расхождений между словоформами в парадигматическом ряду.

Степень грамматической абстракции зависит от отмеченных выше условий, стабилизирующих класс или подкласс парадигматических рядов. Так или иначе роль аналитических форм как грамматических средств возрастает двояко. С одной стороны (если связь устойчивая), любая аналитическая форма, выражая как грамматическое средство конкретное отношение, уточняет его в системе более сложных типов отношений. С другой стороны, аналитические формы чаще всего обобщают однородные типы отношений в системе различных грамматических категорий. Тем самым степень грамматической абстракции возрастает и вместе с тем обобщается большое количество признаков, объединяющих разнородные типы отношений.

Таким образом, развитие языка в известном смысле обуславливается большей степенью грамматической абстракции. Грамматическая абстракция уточняется тем же морфологическим процессом и стабилизирующими условиями парадигматических рядов, о которых говорилось выше. Грамматическая абстракция реализуется примерно нижеследующим образом.

При аналитических формах компонент, вступающий в сочетание с основным глаголом, претерпевая звуковые изменения (супплетивизм, чередование и т. д.), превращается в аффикс, а в сложных глаголах состав второго компонента такому интенсивному изменению не подвергается.

Бывает и наоборот, когда аффиксы утрачивают свою конкретную грамматическую функцию и, абстрагируясь, превращаются в аффиксальные омонимы. В таких случаях выполняемая ими грамматическая функция уточняется за счет контекста. Например, омонимичный характер аффиксальных морфем наиболее ярко проявляется в составе следующих будухских глаголов: *säsip* 'взвесь', *väväs* 'подпусти', *jijip* 'сними'.

Для определения выполняемой каждым из этих внешне одинаковых морфологических компонентов грамматической функции следует приве-

³¹ Уровень сочетаемости входящих в аналитическое образование компонентов определяется не семантическими признаками, а постоянным совершенствованием выполняемой ими грамматической функции.

сти либо все возможные классные формы последних, либо же использовать их в сочетании с существительным, в котором выражается соответствующий тип классного согласования. В обратном случае вполне возможно смещение разных грамматических компонентов — глагольных превербов с классными показателями. См., например:

<i>I класс</i>	<i>II класс</i>	<i>III класс</i>	<i>Инфинитив</i>
sās ^w in 'взвесь его'	sā ^w rin 'взвесь её'	sā ^w bin 'взвесь животное'	sons ^w u 'взвесить'
vā ^w g 'подпусти его'	vā ^w gāz 'подпусти её'	vā ^w vāz 'подпусти животное'	var ^w gī 'подпустить'
jī ^w jin 'сними его'	jī ^w rin 'сними её'	jī ^w bin 'сними животное'	jū ^w pu 'снять'

Экспоненты *s*, *v*, *j* в начале этих основ выступают как глагольные превербы, а в середине используются как классные показатели. Эти же внешне одинаковые компоненты в составе словоформы могут слиться в один аффикс. Функциональная значимость таких аффиксов определяется лишь путем включения их в серию соотносимых аффиксов, составляющих семантически обособленную группу глагольных основ. Таким образом в грамматическом строе языков лезгинской группы усиливается тенденция к аналитизму.

Необходимо учитывать особенности первого компонента аналитической формы. Нужно выяснить, насколько такой компонент является «удобной» основой с грамматической точки зрения и каковы его потенциальные возможности в области дальнейшего образования аналитических форм. В аналитической конструкции ее первый компонент в общем парадигматическом ряду сохраняет определенную стабильную форму. В ряде случаев такая стабильность формы способствует перерастанию структурно сложных образований (аналитических) в синтетические.

Например, деепричастные и причастные формы основного компонента почти во всех разносистемных языках служат основой для развития синтетических временных форм. Таким образом, перерастание аналитических форм в синтетические (и наоборот) зависит от следующих чисто лингвистических факторов, в равной мере касающихся обоих компонентов:

а) соответствующего типа конструкта, служащего удобной основой для присоединения второго компонента, часто позволяющего последнему полностью перейти в аффикс;

б) наличия некоторого соответствия между сочетаемыми компонентами (именная или глагольная основа, однородные классы основ, входящих в один и тот же разряд слов, и т. д.);

в) отбора стабильных форм из морфологически ограниченного числа сочетаний, могущих перерасти через аналитические образования в синтетические;

г) отбора регулярных звуковых соответствий, способствующих слиянию сочетаемых между собою компонентов (гармония сочетаемых компонентов, чередование, супплетивизм, характер ударения и т. п.).

Следует также учитывать степень утраты лексической значимости вторым компонентом, или, наоборот, учитывать, в какой степени воспроизводится лексическое значение в рамках одного парадигматического ряда. В аналитических формах второй компонент, выступая как активное средство вербализации, в дальнейшем никакого лексического значения,

не воспроизводит. Например, если взять два парадигматических ряда сложных образований типа азербайджанского:

oturmuş imiş	'сидел'	donub galmyş	'замер'
oturmuş idi	'сидел'	donub galdy	'замер'
oturmuş olar	'сядет'	donub galar	'замрет'
oturmuş olazag	'сядет'	donub galazag	'замрет'

то, как нам кажется, представленные здесь компоненты первого и второго ряда в отношении лексической воспроизводимости совершенно различны.

В первом ряду вспомогательные глаголы *imiş*, *idi*, *olmag* выполняют роль аффиксов и не создают новых оттенков лексического значения, тогда как во втором ряду глагол *galmag* воспроизводит дополнительные лексические признаки, и тем самым в последнем ряду как бы происходит семантическое напластование. Сочетание *donub galdy* в большей мере может быть отнесено к фразеологическим типам сочетаний, нежели все остальные формы, употребление которых исключает всякую метафоричность.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. С. ДЖИДАЛАЕВ

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКЕ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Лакский язык — один из языков центральной части Дагестана, издавна существующий в окружении других родственных дагестанских языков: аварского, даргинского, лезгинского, агульского, рутульского, арчинского,—испытал сильнейшее воздействие азербайджанского языка. Результаты этого воздействия сказались на всех уровнях языка — фонетическом, морфологическом и особенно синтаксическом и лексическом. О глубине и длительности этого влияния, особенно усиленного существовавшим у лаков лакско-азербайджанским двуязычием, свидетельствует наличие в лакском языке большого количества современных азербайджанских союзов, союзных слов, частиц и множества лексических, фразеологических и других калек.

Существование у лаков лакско-азербайджанского двуязычия подтверждается как собственно языковым материалом, так и экстралингвистическими данными. Это двуязычие объясняется историческими, политическими и главным образом географическими и экономическими условиями. В то же время в лакском языке представлено определенное количество тюркских элементов и слов, которые нельзя отнести ни к азербайджанским заимствованиям, ни к заимствованиям из других современных тюркских языков Кавказа.

Это обстоятельство заставляет предположить существование в отдаленном прошлом доазербайджанских контактов лакского языка с тюркскими языками и локализовать их носителей на той территории, где исторически могли возникнуть условия для таких контактов.

В настоящей статье делается попытка представить на основе данных лакского языка фонетическую и лексическую характеристики языков восточнокавказских тюрков.

Подобная практика использования фактов других языков с целью получения информации о неизвестных или малоизвестных тюркских языках не нова.

М. Ряснен, устанавливая наличие в древнетюркских языках анлаутного п, опирается на предполагаемые древнейшие тюркские заимствования в венгерском языке. Можно указать и на его разыскания в самодийском языке¹. Множество важных сведений о языке булгар почерпнуто из

¹ М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 25—26.

венгерских хроник, славяно-болгарского именника², из венгерского языка, сохранившего, как полагают, болгарские заимствования³.

Для восстановления искомых лексических единиц и установления их фонетического облика мы пользуемся данными современного разговорного лакского языка⁴, исходя при этом из следующих априорных положений:

а) проникшие в лакский язык тюркские лексические элементы трансформировались (адаптировались) сообразно фонетической системе лакского языка;

б) звукотрансформация должна была заключаться в замене тюркского звука ближайшим его лакским эквивалентом (коррелятом).

Тюркское происхождение того или иного привлекаемого нами лакского слова доказывается на основе присущих тюркским языкам звукосоответствий. Таким образом, процедуры установления тюркского происхождения слова и восстановления его первоначальной тюркской формы совпадают⁵. Говоря о первоначальной форме, мы в данном случае имеем в виду в основном только анлаутный звук, ибо о фонетической форме всего слова говорить с достоверностью вообще не приходится. При установлении конкретного источника заимствования нами используется метод исключения с привлечением экстралингвистических данных.

Tüvä (tüva) 'дом, очаг, кухня, хозяйство, пристанище, местожительство'; **tüvaxalu (tüva-x-alu)** букв.: 'место около tüva', то есть 'очаг, кухня'; **tüva dan** букв.: 'tüva сделать', то есть 'построить дом, обосноваться, обзавестись хозяйством, начать новую жизнь'.

Ср. азерб. *jüva* 'гнездо', перен. 'дом, домоводство, местожительство' (АзТСл.), общетюрк. *jüva* 'гнездо' (Ряс. Мат).

Tul 'поступок, проступок, поведение, привычка', мн. число — **tullu tulda₁k₁** и букв.: 'tul неимеющий', то есть 'шалун, проказник; не соблюдающий порядка, правил приличия'; **tulu₁n usin** — букв.: 'привести к tul', то есть 'перевоспитать; призвать к порядку; наказать'; **tul—täbijat** в значении **tul**.

Ср. др.-тюрк. *jüriy* 'поведение, образ жизни; поступь, походка; поступок; ход, вращение, обращение' (ДТС). В качестве предполагаемого тюркского прототипа можно указать (если только это не случайное созвучие) др.-тюрк. *tögü* 'обычай' (МК); каракалп. *tursiz* 'не имеющий вида' (Баск.).

Tuga. Данное слово в лакском языке представлено в составе определенных словосочетаний: **lagx₁x₁u tuga** букв.: 'выученная, привыкшая tuga', то есть 'привычка, характер, повадка, поступок, обычай, порядок, свойственный кому-либо'; таким образом, само слово **tuga** имеет приведенные значения.

² Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 162, 231.

³ М. Ряснен. Указ. раб., стр. 26.

⁴ Разговорный язык используется нами в данном случае лишь потому, что старых письменных памятников на лакском языке очень мало, а более или менее обширные из них, представляющие для нас интерес, как, например, «Дербент-наме», относятся только к началу XVIII в.

⁵ См. об этом подробнее: Н. С. Джидалаев. О диахронии тюрко-дагестанских языковых контактов. — «Советская тюркология», 1970, № 3.

Ср. др.-тюрк. *jögīq* 'поведение, образ жизни; поступь, походка, поступок; ход, вращение, обращение' (ДТС). Видимо, в этом же ряду стоит тюркское слово *törü* 'порядок, правило, закон; обычай, обряд', *tögä* 'закон, обычай' (ДТС).

Tturu обозначает в лакском языке цвет: 'блондин', 'белобрый', 'серый' и т. п. Конкретное значение выявляется в контексте речи.

Ср. др.-тюрк. *jügüq* 'белый', 'светлый' (ДТС).

Uttu. Данная основа вместе с изменяемым по грамматическим классам глаголом (выполняющим в данном случае функцию вспомогательного глагола) образует сложный глагол *uttu išin* 'лечь; лечь спать'; *išin* имеет значение 'спать, лечь спать' (ср. в аракульском диалекте лакского языка *išin* 'спать, положить, уложить'). Значит, *uttu išin* представляет собой случай редупликации тюркского и лакского глагола. В разговорной речи: *uttu ban* б у к в.: 'uttu сделать', то есть 'лечь спать, спать'.

Ср. др.-тюрк. *udī-||udī-||uju-* 'спать' (ДТС).

Ближайшим эквивалентом лакского абруптива *t*, глухого *t* и усиленного *tt* во внутритюркском соответствии *g||d||t||z||δ||j*⁶ является или звонкий *d*, или его глухой вариант *t*, которые соответствуют, например, азербайджанскому анлаутному *j*. Эти звуки (*d*-, *t*-) в приведенном звукосоответствии представлены в азербайджанских диалектах⁷, балкарском, казахском, каракалпакском языках⁸.

Можно допустить трансформацию тюркского звонкого *d* на лакской почве в абруптив *t* с промежуточным оглушением *d > t*. Однако при этом нельзя объяснить его дальнейшую абруптивизацию. Если же предположить проникновение в лакский язык глухого *t*, то следовало бы ожидать, что он трансформируется и в усиленный, и в абруптив, оставаясь при этом в том же качестве.

В данном случае скорее можно предположить трансформацию звонкого *d* в *tt* усиленный, так как усиленный звук (гемината) в лакском, как и в других родственных дагестанских языках, включает в себе момент полувзвонкости⁹. Допуская переход тюркского глухого *t* и в абруптив *t* и в глухой *t*, мы предполагаем наличие двух диахронических уровней заимствования (усвоения) тюркского глухого¹⁰.

Cal 'эпидемия; эпидемическая, заразная болезнь; тяжелое заболевание, болезнь'; *callil k₁k₁ašajšiv* б у к в.: 'заболевание *cal*', то есть в том же значении что и *cal*; *callil dijivuj* 'чтоб заболел!' (прокл.); **ūcalu** 'оспа', б у к в.: 'злая, страшная болезнь' (*ū* в лакск. краткая форма прилаг.; *ūssa* 'злой, страшный, плохой'); видимо, это слово первоначально употреблялось как табу «злая болезнь»; *k₁ak₁i cuncal* 'желтуха'.

Ср. уйг. *jal* 'грипп, воспаление, рак' (Уйг. Сл.).

⁶ Об этом см.: Н. К. Дмитриев. Соответствие *g||d||t||z||δ||j*. — В сб. «Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков», I. Фонетика. М., 1955, стр. 326; М. Ряснен. Указ. раб., стр. 160 и след.

⁷ М. Ш. Ширәлијев. Азербайжан диалектолокијасынын әсаслары. Бақы, 1962, стр. 85; С. Бехбудов. Зангеланский говор азербайджанского языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1966, стр. 9.

⁸ М. Ряснен. Указ. раб., стр. 141, 162—163.

⁹ См.: Л. И. Жирков. Лакский язык. М., 1955, стр. 106; Ю. Д. Дешериев. Хиналугский язык. М., 1955, стр. 14.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Н. С. Джидалаев. Указ. раб.

Сак: — ‘закрепить, прикрепить, сделать плотным’; **сак₁** ‘закрепленный, крепкий; мощь, крепость’.

Ср. др.-тюрк. **јақ** — ‘прикладывать, мазать, примыкать, присоединяться’ (ДТС).

Сува: употребляется только в словосочетании **к₁к₁атта** — **сувај** ‘в доме, хозяйстве’; **к₁к₁атта** (<тюркск.) лакск. ‘дом, комната’. Это случай редупликации.

Ср. азерб. **јува** ‘гнездо’; перен.: ‘дом, домохозяйство, местожительство’ (АзТсл.); общетюркск. **јува** ‘гнездо’ (Ряс. Мат.).

Сихла ‘обыск (вообще); люди, пришедшие для обыска’; **сихла бишп** — букв.: ‘сихла положить’, то есть ‘обыскать, учинить обыск; пошарить, обшарить’.

Ср. азерб. **јохла** — ‘проверить, разузнать, ревизовать’ и т. п. (АзТсл.).

Суні ‘снова, заново; опять, еще, вдобавок’. Форма род. пад. от несохранившегося в современном языке **сапа** с аблаутом **а > и**, обычная для лакского склонения.

Ср. др.-тюрк. **јап** ‘снова, опять; еще’ (ДТС); азерб. **јепä** ‘снова, еще раз, повторно’ (АзТсл.).

Сүи ‘веник, метла; связка; растение, из которого связывают веник’.

Ср. туркм. **јуш** ‘гумай, тростник дикий’ (Туркм. Сл.);

Сүгххä ‘вертлявый, ловкий, беспокойный (о чел.)’, **сүгххäни** ‘наречие’.

Ср. азерб. **јүгүх** ‘ловкий, вертлявый, проворный; ловко, проворно, вертляво’ (Зап. гр.).

Ближайшим эквивалентом лакской абруптивной свистящей аффрикаты (**с**) в ряду звукосоответствий **г||д||з||δ||ј** является **δ**. Значит, в тюркском источнике заимствования лексические эквиваленты вышеприведенных лакских тюркизмов с анлаутным абруптивом (**с**) должны были быть с анлаутной свистящей аффрикатой: звонкой **δ** или глухой **с**. Если говорить о возможности перехода тюркск. **д||т** в лакские **т||т**, то в данном случае следует допустить в источнике заимствования глухую свистящую аффрикату **с**, хотя в принципе возможно и наличие звонкой аффрикаты **dz**.

Однако ни в одном из современных тюркских языков в анлауте слова не представлены ни **δ**, ни **с**, соответствующие древнетюркскому, азербайджанскому, туркменскому, уйгурскому анлаутному **ј**. Отсутствовали эти звуки в том же ряду соответствий и в более ранний период истории тюркских языков¹¹. (Как видно из примеров, лакский абруптив **с** соответствует анлаутному **ј** вышеприведенных языков). Правда, Н. Ф. Катанов принимал башкирский межзубный **δ** за **z**, что, по мнению Н. К. Дмитриева, было неверно¹².

Допустить проникновение интересующих нас тюркских слов в лакский язык с анлаутным **т** с последующей аффрикатизацией и абруптивизацией последнего на лакской почве было бы большой натяжкой. Если

¹¹ См.: Н. К. Дмитриев. Согласные **ф** и **δ** в тюркских языках. — В сб.: «Исследования по сравнительной фонетике тюркских языков». М., 1955, стр. 249—253.

¹² Там же, стр. 250.

же предположить наличие в источнике заимствования ζ (мягкого s) типа чувашского, соответствующего $j||z||\zeta$ в других тюркских языках¹³, то это все равно не позволит объяснить дальнейшую его аффрикатизацию на лакской почве. В ряду звукосоответствия j более или менее близким эквивалентом лакскому абруптиву можно считать межзубные спиранты z , ζ , которые представлены в туркменском и башкирском языках (хотя их присутствие в этих языках не имеет достаточно ясного объяснения)¹⁴. По установившемуся мнению, межзубный z являлся непосредственным предшественником хакасского z , якутского t , древнетюрк. j или z ($z > j$), сам же восходит к d ¹⁵.

На основании изложенного вероятнее всего допустить наличие в предполагаемом для лакского языка источнике заимствования межзубного θ (или звонкого δ), который реализовался в лакском в аффрикату, так как лакскому языку межзубный звук не свойствен.

Ĉĉal 'соревнование, состязание; принцип; спор'; **ĉĉal vap-** 'соревноваться, состязаться; пойти на спор'; **bāš- ĉĉal** (редуплик.) в том же значении, что и **ĉĉal**; **bāš** лакск. имеет значение **ĉĉal**, которое органически образует форму инфинитива, что уникально для заимствованных основ: **ĉĉal-ap**, а также имеет спряжение: **ĉĉal-ap-na** 'я буду спорить', **ĉĉal-ap-ssa-ga** 'ты будешь спорить', **ĉĉal-ap-ssa-g** 'он будет спорить'.

Ср. др.-тюрк. **jarīš** 'состязание, скачки'; **jarsim** 'забер'; **bir jarsim jег** 'забег на скачках' (ДТС); также **ĉal** 'бороться, сходиться в рукопашную' (ДТС); азерб. **jarīš** 'соревнование, состязание, турнир' (Азизб. Сл.).

Ĉĉag- 'разгромить, развеять, разбить, расколоть; учинить погром; смешать'; имеет также специфическое значение: **ĉĉag dap** б у к в.: 'ĉĉag-сделать', то есть 'раскрошить, размельчить разложенные снопы так, чтобы отделить пшеницу от мякины'; субстант. **ĉĉag** 1. 'мешанина, хаос, нечто смешанное, разложенное'; 2. 'разложенная солома на площадке; разложенная, размельченная солома на гумне' (ср. азерб. **xigman**).

Ср. древнетюрк. **jaг-** 'рассекать, расщеплять'; **jaгта** 'крупя' (ДТС); азерб. **jaг-** 'рубить, рассекать, раскалывать' (Азизб. Сл.).

Ĉĉix- 'поскользнуться; упасть, свалиться, пойти юзом; устроить каток'; **ĉĉix ivkup ahıppı** 'поскользнувшись, упал; свалился'; **ĉĉiga ĉĉix bivkuppi** 'стена развалилась, упала'; субстант. **ĉĉix** 'каток на льду, на снегу'.

Ср. азерб. **jux-** 'столкнуть, сильно ударив, сбросить на землю; низвергнуть, опрокинуть, свалить, удариться об землю, пол; развалиться, разрушиться' (АзТСл.); др.-тюрк. **jik-** 'валить, разрушить'; **adak jikiyliу** 'припадающий на ногу, хромящий' (ДТС).

Ĉĉaga встречается в составе сложного слова (устойчивого словосочетания) **ĉĉigul ššip** б у к в.: 'вода ĉĉага', то есть 'гноистая, желтоватая жидкость, сочащаяся из раны, язвы'; здесь выступает один из обычных в лакском языке способов образования сложных слов: определение—имя в род. падеже; в слове **ĉĉага** в род. падеже корневой $a > u$ (распространенное явление в лакском склонении); то есть **ĉĉig-ul**.

Ср. азерб. **jaга** 'рана (ножевая, пулевая и т. д.)' (АзТСл.).

¹³ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык. Чебоксары, 1954, стр. 220; Н. А. Баскаков. Введение..., стр. 233.

¹⁴ В. Г. Егоров. Указ. раб., стр. 251.

¹⁵ Н. К. Дмитриев. Соответствия..., стр. 328.

Ėari 'лист (дерева, растения, бумаги)', мн. число *Ėariv*.

Ср. др.-тюрк. *jar* (< кит. *jixb*) 'лист'; *jarigʻak||jarigʻak* 'лист' (ДТС).

Ėäk, 'дягиль'.

Ср. др.-тюрк. *jekap* 'разновидность камыша' (ДТС); узб. *jekap* 'растение' (Узб. Сл.).

Ėuk, а — краткая форма прилагательного; *Ėuk₁assa* 'нежирный, худой, сухой', перен.: 'бедный, голодный'; *Ėuk₁a ukkap-* 'исхудать'; перен.: 'стать неимущим, обеднеть'.

Ср. др.-тюрк. *juka* (*jujka*, *juvva*) 'тонкий, слабый, тщедушный' (ДТС); азерб. *juxa* 'тонкие лепешки', перен.: 'тонкий, мягкий' (АзТСл.).

Ėiku 'кусочек палочки или кости, который применяется для закручивания веревки, аркана с целью затягивания завязки (например, на тюке, вьюке сена)'.

Ėiku *van* букв.: 'Ėiku сделать', то есть с помощью *Ėiku* 'закрутить, уплотнить, сделать тугую завязку тюка, вьюка. С этой же основой связан глагол *Ėiku Ėin* букв.: 'Ėik- сказать', *Ėik bitan* букв.: 'Ėik- положить, оставить', то есть 'крепко связать, обвязать; туго натянуть веревку'; *Ėik-Ėiktun* 'быть туго обвязанным, туго натянутой (о веревке); крепко ухватиться, зацепиться (за что-л., кого-л.)'.

Ср. др.-тюрк. *jigtur-* 'сжимать, сдавливать' (ДТС); *jigi* 'плотно сидящий шов' (МК); *zig* ~ *jig* 'крепкий шов' (Ряс. Мат.).

(См. другие лакские слова, восходящие к основе *jig* ~ *zig* : *zig*, *zigu*).

Ėula представлено в составе устойчивого словосочетания — составного глагола *Ėula van* букв.: 'Ėula- сделать', то есть 'уйти, убраться восвояси'; *Ėula va!* 'убирайся, отправляйся, проваливай отсюда!'. Отдельного значения *Ėula* лакцы не знают. Глагол употребляется в просторечии. (Ср. аналогичное же образование *xullu vusa-* букв.: 'измерь или возьми дорогу', то есть 'убирайся, отправляйся').

Ср. др.-тюрк. *jol* 'дорога, нахождение в пути' (ДТС).

Ėut представлено в составе составного глагола *Ėut van* букв.: 'Ėut- сделать', то есть 'ускакать, убежать, исчезнуть, унести'. Глагол (вспомогательный) *van-* относится к III грамматическому классу (показатель *b-* — постоянный в данном составном глаголе), *Ėut* является грамматически прямым объектом при переходном глаголе *van-* 'сделать'. Налицо случай народной этимологии: лакск. *Ėut* 'клин', относящийся к III грамматическому классу, *Ėut van* по народной этимологии означает 'клин сделать'.

Ср. др.-тюрк. *jit-||jut-*, *öt-*, *üt-* 'загонять; проходить (сквозь, мимо, через что-либо)' (ДТС).

Ближайшим эквивалентом лакской усиленной шипящей аффрикаты *ĖĖ* и абруптивной шипящей аффрикаты *Ė* в тюркских языках в ряду соответствия *j||ž||z||d'||Ė* является звонкая шипящая аффриката *z* и ее глухой

вариант — аффриката \check{c} . Как известно, во многих тюркских языках в анлауте представлен \check{z} или \check{c} , соответствующий азербайджанскому, уйгурскому, древнетюркскому анлаутному среднеязычному спиранту j^{16} .

В источнике заимствования могли быть или звонкий z или глухой \check{c} . В принципе каждый из них в отдельности мог в лакском языке трансформироваться и в геминату $\check{c}\check{c}$ и в абруптив \check{c} , тем более, что особой разницы между произношением звонкого z и глухого \check{c} в разговорной речи могло и не быть. Однако в нашем случае будет точнее считать тюркским кор-
релятом для лакского усиленного $\check{c}\check{c}$ его звонкий тюркский вариант z а для абруптива \check{c} — глухой \check{c} . Как уже было сказано по поводу $d > tt$ и $t > t$, тюркский звонкий на лакской почве скорее может перейти в геминату (хотя строгой системы в этом и не наблюдается). Тем более важно учесть, что звонкий z занимает в других языках¹⁷ среднее положение между глухим и звонким, усиленный (гемината) в лакском языке, как и в ряде дагестанских языков, он характеризуется своей полувзвонкостью¹⁸,

Žigu 'сборка на платье, юбке'; мн. число *žigurdu*; *žigu buvtssa huk*, а 'платье (сорочка) со сборкой'; *žigu han* букв.: 'žigu сделать', то есть 'сделать сборку (на чем-либо)'.

Žig atin- 'сморщиться, покрыться морщинками'; перен.: 'рассердиться, быть не в настроении; постареть, сморщиться, собраться (о вещах, растении)'; *žigratlu* — имя существ. 'сборка, морщинистость'; *žigratin* букв.: 'žig- собраться'; если учесть тюркское значение основы, то налицо случай редупликации 'собрать, сборка + собраться'; ср. азерб. *juy-* 'собирать'; др.-тюрк. *jig. žig uĉin* — устойчивое словосочетание-глагол: «когда шьют обувь, заготовку (верх) натягивают на колодку и пришивают к ней стельку или же делают сборку грубыми нитками»; *šakta žig uĉin* 'собрать сапог на колодку, пришить к стельке'.

Ср. др.-тюрк. *jigtur-* 'сжимать, сдавливать'; *jigla-* 'мять' (ДТС); *žigi* ~ *jigi* 'крепкий шов' (Ряс. Мат.), азерб. *juy-* 'собрать, копить, набирать, накапливать' (Азизб. Сл.).

См. также лакск. *lākɨn*.

Ближайшим эквивалентом лакского звонкого шипящего спиранта \check{z} в тюркских языках может быть и звонкая аффриката \check{z} , и звонкий спирант \check{z} . Вполне возможно, что аффриката \check{z} на лакской почве спирантизировалась: лакскому языку аффриката не присуща, и поныне все заимствования на \check{z} в лакском реализуются через спирант \check{z} . (Кстати, в лакском языке все слова или почти все слова с анлаутным \check{z} ($\check{z} < z$) являются заимствованными). Вполне возможно также, что вышеприведенные слова в предполагаемом источнике заимствования были с начальным спирантом \check{z} ¹⁹.

Zukka 'веретено', мн. число — *zukri*.

¹⁶ См.: М. Ряснен. Указ. раб., стр. 161 и след.

¹⁷ См.: Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 233.

¹⁸ См.: Л. И. Жирков. Указ. раб.

¹⁹ О соответствиях в тюркских языках $j||z||z$ см.: М. Ряснен. Указ. раб., стр. 161 и след.

Ср. уйг. $zig\|žik$ 'веретено' (Уйг. Сл.); узб. duk 'веретено' (Узб. Сл.); др.-тюрк. $jig\|jik$ 'веретено' (ДТС).

Ближайшим эквивалентом лакского звонкого свистящего спиранта z в тюркских языках в ряду соответствия $d\|t\|z\|d\|j$ является свистящая аффриката δ или свистящий спирант z , который представлен, например, в балкарском диалекте карачаево-балкарского языка и в нескольких словах джебраильского говора азербайджанского языка²⁰.

Zapa представлена в составе сложных глагольных и именных (субстантивированных) образований. **Zapa** $ikap-$ 'вернуться, возвратиться, ответить, ответить грубостью, наругать'; **zapa** $ap-$ 'вернуть, вернуть, перевернуть, перелицевать, ответить, наругать, ответить тем же; отказаться от своего слова'. **Zapabiku** 'обратный путь, место возвращения' состоит из **zapa** и имени, образованного с помощью словообразовательного аффикса $-i$ от глагола $bik-$ 'быть'; окаменение классного показателя b вызвано, видимо, тем, что наиболее вероятный аналог $xhullu$ 'дорога' относится к III грамматическому классу. **Zapabikulij** 'на обратном пути, на месте, где имеется возвращение'.

Ср. др.-тюрк. $janut$ 'ответ, ответное действие'; $jan-$ 'возвращаться', $janpak$ 'возвращение' (ДТС); алт. $jan-$ 'возвращаться домой' (Мал. Пам.); кыпч. $jana kaldi-$ 'возвратился' (Кыпч. Сл.).

(По поводу возможного анлаутного звука в вероятном источнике заимствования см. выше замечания к слову $zikka$).

Lak₁avu (lak_1 + лакский словообразовательный аффикс $-avu$); (ср. лакск. аналогичное образование: $u\check{c}-$ 'прийти', 'спуститься', $u\check{c}-avu$ 'приход', 'спуск') 'плата, вознаграждение за что-либо, кого-либо; возмещение убытка'.

Ср. др.-тюрк. $jaka$ 'плата, аренда, вознаграждение' (ДТС).

Lanttu 'край головного платка'.

Ср. тат. $jan\check{t}$ 'край, берег, бок' (Тат. Сл.).

Lal 'гной'.

Ср. др.-тюрк. $ja\check{g}$ 'гной' (ДТС).

Läk₁in 'родня, родственники; род; близкие'.

Ср. др.-тюрк. $ja\check{kup}$ 'близкий, ближний, свой, родственник'; чув. $jox\|ja\check{x}$ 'род, потомство'; азерб. $ja\check{xup}$ 'рядом, близко'. (Возможно, в самих тюркских языках существовали две основы, подвергшиеся впоследствии контаминации: ср. азерб. $ja\check{xup}$ 'близкий; недавно' и чув. $jox\|ja\check{x}$ 'род, потомство').

Läk₁in. Данная основа сохранилась в устойчивом словосочетании — составном глаголе $läk_1in\ batin$ — букв.: 'läk₁in- собраться', то есть 'собраться, сморщиться коже обуви' (когда обувь сушат у огня, кожа обуви сморщивается). Если слово $läk_1in$ понимать, как «родня, родственники»,

²⁰ М. Ряснен. Указ. раб., стр. 161; М. Ш. Ширалиев. Кыпчакские элементы в азербайджанском языке (по материалам диалектов и говоров). — В сб.: «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков». Ташкент, 1965, стр. 12; Т. И. Гаджиев. Джебраильский говор азербайджанского языка. Автореф. канд. дисс. Баку, 1962, стр. 10.

то само устойчивое словосочетание — глагол лишится внутренней (семантической) логики. Очевидно, здесь налицо случай народной этимологии: близкое по внешним признакам совершенно иное тюркское слово видоизменилось и совпало со словом *lāk₁ip*, тем более, что *lāk₁ip* в качестве глагола со значением 'сморщиться' в лакском языке не имеет семантической определенности. *Lāk₁ip*- 'сморщиться' восходит к тюркской основе, соответствующей древнетюркскому *jīyin||jīyim* 'куча, груда', *jīy*- 'собраться, накапливаться' (ДТС), азербайджанскому *jīy*- 'собрать, копить', *jīy₁pağ* 'сборище'; *jīy₁zət* 'сжатый, сокращенный' (Азизб. Сл.). Из сказанного ясно, что первоначально в лакском наблюдался случай редупликации: тюркское «сбор», «сжимание» и лакское «сбор», «сжимание» (ср. также другие лакские слова, восходящие к этой же тюркской основе *žig-žigu*).

Lizu 'способ временной укладки снопов для сушки'; *lizu dan* — б у к в.: 'сделать *lizu*-', то есть 'поставить, сложить снопы для сушки'.

Ср. тат. *jezek* — способ временной укладки снопов для сушки (Тат. Сл.).

Lazuni 'корм, приготовленный на зиму для скота', например сено, солома, сухая трава, мякина; приготовленная на зиму сухая трава (обычно грубая) для топки, или топливо, кизяк'. Возможно, что в данном слове выделяется ныне непродуктивный лакский словообразовательный аффикс *-uni*; ср. лакск. *lak₁uni* 'упрек, выражение, напоминание старой обиды' и *kkağsı lak₁-* (инфинит. *lak₁an*) б у к в.: 'зуб *lak₁-*', то есть 'сплетничать; сказать о ком-либо обидное; упрекнуть кого-либо за глаза'.

Ср. др.-тюрк. *jazuk* 'вяленый, сушеный' (ДТС).

Luxči 'земля; угодье, выгон, пастбище'; мн. число — *luxčiv*.

Ср. азерб. *joxış* 'подъем, возвышенность' (Азизб. Сл.).

Lakija 'топливо'. Здесь выделяется ныне непродуктивный лакский словообразовательный аффикс *-ija* (ср. *duk-* (инфинит. *dukan*) 'есть, покушать' и *duk-ija* 'пища').

Ср. тат. *jagu-* 'зажигать'; *jakmuş* 'то, чем топят, отапливают печи, дрова' (Тат. Сл.).

См. также *laç-* и *lak₁-*.

Lissu 'полоска, узкий кусочек, лента, вырезанная из материи, шкуры, бумаги; вырезка, полоска'; мн. число — *lisri*.

Ср. тат. диал. *jezelü-* 'оборваться'; *jezü-* 'оторвать, разорвать, сорвать' (Тат. Сл.).

См. также *liss-*.

Luläk₁k₁ü 'поговорка, прибаутка, анекдот, загадка'; мн. число — *luläk₁k₁urdu*.

Ср. тат. диал. *jo* 'загадка' (Тат. Сл.) и тур. *lakygdy* 'разговор, беседа' (Радл.).

Lultturassa 'взятка, выкуп'; мн. число — *lultturasri*. Данное слово в лакском языке не имеет семантической (этимологической) ясности, соответствующей его лексическому значению, если, конечно, не считать народной этимологии: лакск. *lulttu* 'снизу по' (*lu* 'внизу'); ср. лакск. *jalttu*

‘сверху по’, ‘сверху через’; -га- — классный слог, показатель II грамматического класса и -ssa- — аффикс прилагательного. Согласно народной этимологии, это означает «то, что снизу, по», и лакцы полагают, что данное слово имеет такое значение потому, что взятка дается *снизу, скрыто*. Если это так, то нельзя объяснить наличие классного слога (II грамматического класса) -га-. Обычно в аналогичных образованиях классный слог не участвует, а если и участвует, то выполняет иную функцию в другого рода образованиях. Это типичный случай народной этимологии. Благодаря которой заимствованное тюркское слово видоизменилось, и установить его первоначальный облик в лакском языке не представляется возможным.

Ср. др.-тюрк. *joluγ-* ‘выкупать, вызволять, спасать’ (ДТС).

Lak₁. Данная основа в лакском языке служит для образования нескольких близких по значению прилагательных. *Lak₁* — краткая форма прилагательного *lak₁ssa* ‘высокий, возвышенный’, перен.: иногда ‘громадный, величественный’; *lak₁i* — краткая форма прилагательного *lak₁i_{ssa}* ‘длинный’, перен.: ‘долгий; большой, высокий (о человеке)’; ср. словосочетание: *lak₁i-k₁alassa* ‘крупный, высокий (о человеке)’; лакск. *k₁alassa* ‘крупный, грубый, немелкий’; в значении «большой», «увеличенный» сохранилось в словосочетании — глаголе: *lak₁a-k₁up* *baṇ-* ‘преувеличивать, раздуть (о вести, событии)’; лакск. *k₁up* ‘большой’. Возможно, эта основа представлена в лакском топониме *lak₁azap* — название горы, пастбища; лакск. *zap* ‘место, угодь’ часто в лакском языке выполняло своеобразную словообразовательную функцию.

Ср. азерб. *jekə* ‘большой, крупный, громадный’ (Азизб. Сл.).

Lahmak dan — устойчивое словосочетание — глагол, букв.: ‘lahmak- сделать’, то есть ‘закусить; жить впроголодь; обойтись малым’; *lahmakraj ikaṇ* ‘жить экономно, мало расходовать; влачить полуголодное существование’.

Ср. азерб. *jemək-* ‘кушать, есть’ (Азизб. Сл.).

Lak₁- ‘возместить убыток, убытки; вернуть долг деньгами, натурой’.

Ср. др.-тюрк. *ja_{ka}* ‘плата, вознаграждение’ (ДТС).

См. также *lak₁avu*.

Lak₁- ‘воспламенеть, загореться; разгореться; топить, зажечь’.

Ср. тат. диал. *jak₁tuš* ‘то, чем топят, отапливают печи’; *jak₁tyγylu-* ‘светать’; *jagu-* ‘зажигать’ (Тат. Сл.).

См. также *lak₁i_a* и *lač-*.

Laxx- ‘надеть, нанизать на что-л., что-л.’

Ср. др.-тюрк. *ja_{ka}* ‘ворот, воротник’ (ДТС).

Lazi-lak₁i dan букв.: ‘lazi-lak₁i- сделать’, то есть ‘прибрать, привести в порядок что-либо, кого-либо (одежду, прическу, человека); собрать, сложить, упрятать, спрятать’; перен.: ‘присвоить, украсть’. Значение первого компонента составной глагольной основы *lazi* в лакском языке неизвестно; второй компонент глагольной основы *lak₁i-* ‘закрывать, собрать, привести в порядок, сложить вместе’ и т. п.

Ср. *buza lak₁iṇ-* ‘навести порядок, сложить, собрать вещи’.

Обычно, когда основа глагола или имени состоит из двух компонентов, особенно, если один из них заимствованный, то эти компоненты или редуцируются по значению, или же представляют собой антонимы. Ср. в лакск. *uxxu—ukku* букв.: ‘тот, кто входит — тот, кто выходит’. то есть ‘посетитель, посетители’. И в случае *lazi-lak₁i* противопоставля-

ются по значению два компонента: лакск. lak₁- 'собрать' и тюрк. laz- 'распустить'.

Ср. др.-тюрк. jaz- 'развязывать; распускать (о косах, волосах); распускаться, растекаться'; jazı 'распростертый, открытый'; jazıl- 'распускаться (о цветке)' (ДТС).

Lıxh- 'стереться, стереть'; перен.: 'выгнать, вывести, исключить (например, из списков)'.

Ср. древнетюрк. jıŋ- 'отстранять, устранять' (ДТС).

Lık₁- 'разрушиться; свалиться; упасть; разрушить, свалить, опрокинуть'.

Ср. древнетюрк. juk- 'валить, разрушать' (ДТС); азерб. jux- 'валить, повалить, свалить; разрушить, сносить' (Азизб. Сл.).

Lıss- 'вырезать; исполосовать; разрезать'; kous lıssup б у к в.: 'целину исполосовать, вырезать', то есть 'поднять целину'; in lıssup устойчив. словосочет. б у к в.: 'полоску кожи вырезать', то есть 'подвергнуть страшной казни, наказанию; потребовать строго ответа, заставить ответить головой'.

Ср. тат. диал. jezelü- 'оборваться'; jezü- 'оторваться, разорвать' (Тат. Сл.); древнетюрк. ez- 'сдирать (о шкуре)'; ezit-, eztür- 'побудить' от ez- (ДТС).

Тюркское происхождение того или иного слова, как и предполагаемая первоначальная форма (точнее анлаутный согласный), в вероятном для лакского языка источнике заимствования, во всех случаях устанавливались на основе существующих внутри тюркских языков рядов звукосоответствий. Однако этого нельзя сказать о лакских тюркизмах с анлаутным латералом l. (Правда, тюркское происхождение приведенных слов подтверждается самой системностью соответствия лакского l тюркскому спиранту j).

Как известно, в пратюркском в начале слова l отсутствовал. Отсутствует он и в исконно тюркских словах в современных тюркских языках. Исключение составляют только звукоподражательные слова и слова, в которых начальный гласный выпал²¹. Поэтому нет никаких оснований предполагать, что указанные лакские тюркизмы в лакский язык могли проникнуть с анлаутным l.

Нет также оснований считать, что l является результатом звуко-трансформации на лакской почве его ближайшего тюркского эквивалента j, ибо в лакском языке представлено большое количество тюркских и нетюркских заимствований с анлаутным j; причем в таких лакских заимствованиях наличие j, точно так же как и наличие l, не обусловлено позиционно²². Из сказанного следует, что тенденция j > l не присуща лакскому языку. Об этом же свидетельствуют и новейшие проникновения в лакский язык с анлаутным j, а также наблюдения над азербайджанской и русской речью лаков, плохо владеющих этими языками. Кроме того, у нас нет никаких оснований полагать, что исторически тенденция j > l была присуща лакскому языку.

Можно говорить лишь об относительной хронологии проникновения интересующих нас слов в лакский язык.

²¹ См.: М. Ряснен. Указ. раб., стр. 182.

²² См.: примеры на анлаутный j. Н. С. Джидалаев. Указ. раб.

Лакские тюркизмы на анлаутный *j* (за редкими исключениями) являются азербайджанскими заимствованиями. Все они имеют лексические эквиваленты в азербайджанском языке. О том, что эти заимствования являются относительно поздними, свидетельствует следующее обстоятельство. Некоторые лакские тюркизмы на анлаутный *j* имеют свои тюрко-этимологические пары. По всем данным, эти пары заимствованы из тех тюркских языков, с которыми лакский язык имел контакты, предшествовавшие его контактам с азербайджанским языком. Например: в лакском *jaŋta* 'крупа, отруби' и *šsaŋ* 'размельчать, молотить'; у обоих слов тюркская основа. Ср. азерб. *jaŋta* 'крупа, отруби' и *jaŋ* 'рубить, рассекать, раскалывать'. Слово *jaŋta*, безусловно, собственно азербайджанское проникновение в лакский язык, а *šsaŋ* — нет.

В этой связи обращает на себя внимание одно весьма редкое явление. Среди тюркизмов на анлаутный *j* нет ни одной основы, которая бы органически образовывала в лакском языке глагольную форму. Если даже такие слова участвуют в образовании глагола, то только как смысловой (именной) компонент при глаголе, выступающий в функции вспомогательного глагола. (Кстати, в лакском языке любое слово, вплоть до междометия, может быть смысловым компонентом при вспомогательном глаголе). Напротив, все тюркизмы с анлаутным *l* органически образуют глагольную форму, спрягаемую как обычная лакская глагольная основа, если только в источнике заимствования она также является глагольной основой. (Это можно установить по данным других тюркских языков).

В лакском языке образование органически спрягаемой глагольной основы теснейшим образом связано с самой глагольной основой. При этом как образование, так и функционирование последней немислимо без изменяющегося в зависимости от грамматического класса субъекта или прямого объекта — показателя грамматического класса²³.

Среди так называемых классных глаголов значительную группу составляют глагольные основы, состоящие из префикса *l*+*гласный* (-а, -i-) +*корневой согласный*. В таких основах показатель грамматического класса выступает между префиксом и корневым согласным, но только в формах прошедшего времени, образованных от деепричастий прошедшего времени.

По аналогии с подобными лакскими глагольными основами (*l*+*гласный*+*корневой согласный*) структурно совпадающие заимствованные тюркские глагольные основы (*l*+*гласный*+*согласный*) также стали изменяться по грамматическим классам, т. е. по единому образцу, принятому в лакском языке. Например:

lak₁- 'воспламенеть, загореться, разгореться, топить, зажечь';

cu la-g-k₁unni 'огонь разгорелся';

cu 'огонь' субъект — имя II грамматического класса, показателем которого является *g* в ед. и мн. числе;

k₁k₁avti la-v-k₁unni 'костер разгорелся';

k₁k₁avti 'костер' субъект — имя III грамматического класса, показателем которого является *v* в ед. и мн. числе;

tanal bisä la-g-k₁unni 'он зажег коптилку', *bisä* 'коптилка' прямой объект — имя II грамматического класса;

²³ В лакском языке представлено несколько глагольных основ, не принимающих показателя грамматического класса. См.: И. Х. Абдуллаев. Категория грамматического класса в лакском языке. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1964.

tanal čirak₁ la-v-k₁unni 'он зажег плошку'; irak₁ 'плошка' прямой объект — имя III грамматического класса.

Лакское оформление заимствованных глагольных основ неразрывно связано с приобретением последними показателя грамматического класса.

Вообще процесс проникновения в лакский язык «чистых» тюркских глагольных основ и преобразование их на лакской почве требуют специального и подробного объяснения. Здесь ограничимся только необходимыми замечаниями. В лакском языке много азербайджанских глаголов, но все они, заимствованные в форме азербайджанского масдара, функционируют, как смысловый компонент сложного глагола — сказуемого и выступают или с лакским вспомогательным глаголом, или с каким-ни будь другим глаголом в функции вспомогательного. Азербайджанские глаголы в некоторых языках лезгинской подгруппы дагестанских языков функционируют в форме на -miş. Наряду с азербайджанскими заимствованиями в лакском языке имеются многочисленные заимствования из арабского и русского языков.

Подытоживая вышеизложенное, можно заключить, что интересующие нас тюркские лексические элементы в тюркском источнике заимствования имели в анлауте t-, d- (или t-||d-); θ-, δ- (или θ-||δ-); з-, č- (или з-||č-); ž (или ž-||з-).

Ближайшим тюркским эквивалентом лакского абруптива t, придыхательного t, усиленного tt, как уже было сказано, в ряду внутритюркского соответствия d||t||r||z||δ||j является d||t. По сохранившимся данным, d из этого ряда был представлен в языке болгар, на что указывает, например, болгарское название года Змеи dilom (<dylan)²⁴. Как известно, в различных тюркских языках и диалектах d и t варьируются²⁵. Это можно отнести и к языку болгар, так как последний вообще характеризовался смешанностью на тюркском и нетюркском уровне.

Ближайшим тюркским эквивалентом лакских усиленного čč и абруптива č, в ряду соответствия j||z||ž||č||š является з||č. Звонкая аффриката з из этого ряда была представлена в языке болгар. Например, зіл 'год', зуг 'сто', зіг (i)m 'двадцать'²⁶. Имеются некоторые основания допустить наличие такого же з и в языке хазар, на что указывает имя хазарского кагана забгу²⁷. Кроме того, считается, что языки хазар и болгар наиболее близки между собою.

Так как в тюркских языках вполне возможно варьирование по звонкости и глухости з||č²⁸, то естественно допустить аналогичное явление и в языке болгар — хазар, контактировавших с лаками.

²⁴ См.: Н. А. Баскаков. Введение., стр. 235; М. Ряснен. Указ. раб., стр. 160.

²⁵ См.: М. Ряснен. Указ. раб., стр. 161—163; Н. К. Дмитриев. О соответствии., стр. 326—327.

²⁶ См.: Н. А. Баскаков. Введение., стр. 234; М. Ряснен. Указ. раб., стр. 160 и след.

²⁷ На этот факт обратил наше внимание В. Л. Гукасян, который считает, что имя хазарского забгу в древних армяноязычных и грузинских источниках зафиксировано е анлаутным з, то есть в соответствии с собственно хазарским произношением. См. также: В. Л. Гукасян. Тюркизмы в «Истории албан» Моисея Утийского. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971.

²⁸ См.: М. Ряснен. Указ. раб., стр. 160 и след.

Ближайшим тюркским эквивалентом лакской свистящей абруптивной аффрикаты s в тюркских языках в ряду соответствия $d||t||z||\delta||j$ является только δ . Внутритюркское соответствие $j : \delta$ (в приведенных выше примерах лакск. s регулярно соответствует j) — весьма редкое явление²⁹.

(О существовании такого соответствия равно и о наличии межзубного δ в тюркских языках стало известно только после издания Словаря Махмуда Кашгари)³⁰. Закономерность же $\delta||j$, иногда $\delta||z||j$ (как считает Н. К. Дмитриев, исходя из возможности перехода $z > j$ в енисейско-орхонскую эпоху) отмечается обычно в середине и конце слова, реже — в абсолютном начале слова³¹. Факты языка показывают, что лакские тюркизмы с анлаутным абруптивом s не являются следами реликтового или редкого явления. По-видимому, в источнике заимствования слова с анлаутным соответствием лакскому абруптиву s были представлены в достаточно большом количестве, благодаря чему значительная их часть могла проникнуть в лакский язык.

Более или менее близким тюркским эквивалентом лакского абруптива s является чувашский ζ (мягкий s). При этом характерно следующее: во-первых, мягкий s представлен в анлауте, во-вторых, он регулярно соответствует j в других тюркских языках, и, в-третьих, это соответствие наблюдается в древних чувашских (тюркских) словах. Например:

чув.	тат.	тур.	шор.	ойрот.	кирг.	
sul	jul	jol	čol	d'ol	žol	'дорога' ³² .

Если учесть, что чувашский язык входит в так называемую болгарскую группу близких по своим особенностям тюркских языков и отличается своими архаичными чертами, можно предположить, что среди тюрков Восточного Кавказа были представлены и те, в языке (диалекте) которых имелся анлаутный межзубный $\delta||\theta$, соответствующий j в других тюркских языках и мягкому s в чувашском языке. Факт соответствия (или трансформации) тюркского межзубного δ лакскому абруптиву подтверждается другими конкретными примерами: др.-тюрк. $jubcu$ 'кара', 'возмездие' (ДТС), лакск. $visix$ 'наказать', 'проучить'³³.

В контактировавшем языке (диалекте), по всей вероятности, был представлен глухой вариант межзубного $\delta—\theta$. Если бы в источнике заимствования был звонкий δ , то он остался бы в звонком же качестве как z или перешел в глухой как s . Глухой же θ на лакской почве мог остаться в том же качестве, но как обычный s , или же абруптивизироваться.

Факт проникновения тюркизмов с анлаутным l в лакский язык в доазербайджанский период тюрко-дагестанских языковых контактов подтверждается и без ссылок на ряды звукосоответствий, наблюдаемых внутри тюркских языков. По поводу же анлаутного согласного, соответствующего в источнике заимствования лакскому l , можно сделать следующее вполне допустимое предположение:

²⁹ Так называемые туркменские и башкирские δ и θ , наличие которых пока что не имеет своего научного объяснения, не входят в ряд соответствий $d||t||z||\delta||j$, представляя собой обычные аналоги, скажем, азербайджанскому спиранту z в слове gaz 'гусь'. (см. об этом: Н. К. Дмитриев. Согласные θ и δ в тюркских языках..., стр. 249—253).

³⁰ Н. К. Дмитриев. Согласные..., стр. 250.

³¹ Н. К. Дмитриев. Соответствия..., стр. 328.

³² В. Г. Егоров. Современный литературный чувашский язык. Чебоксары, 1954, стр. 112, 220.

³³ Н. С. Джидалаев. Указ. раб.

Как свидетельствуют примеры, в лакских тюркизмах *l* в анлауте регулярно соответствует спиранту *j* в некоторых тюркских языках, скажем, в азербайджанском, древнетюркском. В языке болгар этому же *j* в анлауте соответствует *p*³⁴. Так как возможность трансформации тюркского *j* > *l* исключается (см. выше), а из ряда соответствия *j* наиболее близким эквивалентом *l* может быть единственно *p*, то можно допустить трансформацию болгарского *p* > *l* на лакской почве.

Какому же тюркскому языку или языкам принадлежат приведенные выше лексические единицы? Ответим вкратце на этот вопрос.

По формальным фонетическим признакам все привлеченные тюркизмы свидетельствуют о болгарском источнике заимствования. С другой стороны, эти тюркизмы не могут считаться только болгарскими, так как адекватные анлаутные фонетические признаки имеют и другие родственные языки.

Экстралингвистические данные указывают на то, что, кроме болгар, с лаками контактировали смешанные в этническом и языковом отношении различные тюркские племена: хазары, сабиры, тюркюты и т. д., языки которых не дошли до нас (зафиксировано лишь несколько хазарских слов).

Поэтому, устанавливая языковую принадлежность вышеприведенных тюркизмов, справедливо употребить общее название — языки тюрков Хазарского каганата, или языки хазарских тюрков.

Список сокращений

1. *Азизб. Сл.* — Азербайджанско-русский словарь. Составитель Х. А. Азизбеков. Баку, 1965.
2. *АзТСл.* — Толковый словарь азербайджанского языка. Машинопись.
3. *Баск.* — Н. А. Баскаков. — К вопросу о происхождении условной формы *na sa||se* в тюркских языках. — В сб.: «Академику В. А. Гордлевскому». М., 1953.
4. *ДТС* — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
5. *Зап. гр.* — Азербайжан дилинин гәрб групу диалект вә шивәләри, I, 1967.
6. *Кыпч. Сл.* — Аттухфатуз закияту филлуғатит туркия. [Туркий тил (кыпчок, тили) хякүинда нөбәб туфхүа]. Тошкент, 1968.
7. *Мал. Пам.* — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
8. *Радл.* — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893—1911.
9. *Ряс. Мат.* — М. Ряснен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955.
10. *Тат. Сл.* — Татар телениң диалектологик сүзлеге. Казан, 1969.
11. *ТСл.* — Татарско-русский словарь. М., 1966.
12. *Туркм. Сл.* — Туркменско-русский словарь. М., 1968.
13. *Узб. Сл.* — Узбекско-русский словарь.
14. *Уйг. Сл.* — Уйгурско-русский словарь. М., 1968.

³⁴ М. Ряснен. Указ. раб., стр. 25, 160.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

М. А. УНГВИЦКАЯ

ПАМЯТНИКИ ЕНИСЕЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР ХАКАСОВ

Изучение древней эпитафийной поэзии енисейских тюрков началось после обнаружения в 1721 г. посланником Петра I ученым Д. Г. Мессершмидтом в бассейне реки Уйбат¹ (на территории современной Хакасской автономной области) каменной стелы с высеченным на ней руническим текстом. В дальнейшем на протяжении XVIII—XIX вв. учеными были обнаружены новые рунические письменные памятники по течению среднего и верхнего Енисея (получившие названия «енисейских»), а также в бассейнах рек Орхона и Селенги на современной территории Монгольской Народной Республики (вошедшие в науку под названием «орхонских»). В середине 90-х гг. XIX в. В. Томсен расшифровал тексты этих памятников, а В. В. Радлов транскрибировал и перевел их на немецкий и русский языки, вводя, таким образом, в научный обиход тридцать два образца енисейских и орхонских памятников². П. М. Мелиоранский, а затем Ф. Е. Корш, изучавшие литературную форму этих памятников, высказали по этому поводу различные суждения. Так, например, надгробную надпись в честь Кюль-Тегина П. М. Мелиоранский считал образцом эпитафийной прозы³, а Ф. Е. Корш — поэзией⁴. Изучение орхоно-енисейской эпитафийной литературы поставило в дореволюционный период ряд спорных вопросов, не нашедших разрешения поныне. Причем орхонским памятникам было уделено несколько большее внимание, нежели енисейским.

Осведомленность тюркологов в области енисейских рунических надписей намного расширилась в советскую эпоху. В настоящее время исследованием рунических текстов занимаются ученые различных профилей: лингвисты и историки, фольклористы и литературоведы. В их трудах обращает на себя внимание тенденция к сопоставлению памятников орхонской и енисейской письменности. В данной статье мы будем рассматривать рунические памятники, найденные в районе среднего и верхнего Енисея, то есть на территории нынешней Хакасской автономной области и Тувинской АССР.

¹ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 61—62. «Третий памятник с Уйбата».

² W. W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, вып. I—III. СПб., 1894—1895.

³ П. М. Мелиоранский. Об орхонских и енисейских памятниках с надписями. — «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 317, 1898, отд. 2, стр. 280.

⁴ Ф. Е. Корш. Древнейший народный стих турецких племен. — ЗВОРАО, т. XIX, вып. I. СПб., 1909, стр. 139—140.

Советскими тюркологами проделана значительная работа по датировке орхоно-енисейских памятников. Наиболее определенно, в границах VI—VIII вв. (период существования каганата тюрков Тугю)⁵, датируются орхонские надписи на территории Монголии, посвященные Бильге-кагану, Кюль-Тегину, Могилян-хану и Тоньюкуку.

Вопрос о времени создания памятников енисейской письменности является спорным. С. Е. Малов относит енисейские памятники к V веку⁶, М. И. Богданова — к VII—IX вв.⁷, Л. Р. Кызласов — к еще более позднему периоду: «В результате проделанного нами исследования оказалось, что памятники енисейской письменности в целом относятся отчасти к уйгурскому (VIII—IX вв.) и в большинстве своем к древнехакасскому (IX—XII вв.) периодам в истории тувинской земли»⁸. К этому выводу Л. Р. Кызласов приходит на основе изучения генеалогии личных тамг хакасской феодальной знати, обнаруженных на территории Тувы, и археологических данных⁹. Благодаря убедительной научной аргументации эта точка зрения в настоящее время стала общепринятой.

Литературоведческий анализ древнеенисейских текстов показывает, что в них нашли отражение черты эпохи складывавшихся феодальных отношений в Древне-Хакасском государстве, в состав которого входила в IX—XII вв. и Тува.

Литературоведческое исследование енисейских текстов стало в настоящее время одной из важнейших задач. Эта работа проводится как в Советском Союзе, так и за рубежом. Большое значение при этом приобретает решение вопроса об их жанре. Большинство исследователей, в том числе М. И. Богданова¹⁰, С. Е. Малов¹¹, А. Н. Бернштам¹², Л. Р. Кызласов¹³, И. В. Стеблева¹⁴, считают енисейские тексты образцами совершенной для своего времени древнетюркской поэзии, создававшейся в большинстве случаев безымянными авторами и восходящей прежде всего к фольклору. Из опубликованных С. Е. Маловым 51 эпитафии только в одной упоминается автор — Аннгин, причем имя его лишено всяких титулов¹⁵.

Исследователи енисейских надписей обычно сопоставляют их с различными фольклорными жанрами и сравнивают с орхонскими текстами. М. И. Богданова указывает на близость енисейских эпитафий с народно-поэтическим творчеством киргизов. Такое утверждение имеет под собой вполне реальную почву, так как территория среднего и верхнего Енисея была одним из мест первоначального расселения современных (тяньшаньских) киргизов: «Енисейские ... надписи все построены в духе устных народных причётов, поминальных песен, а также прижизненных од и

⁵ С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964, стр. 47.

⁶ С. Е. Малов. Указ. раб. Предисловие, стр. 7—8.

⁷ М. Богданова. Киргизская литература. М., 1947, стр. 8.

⁸ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. М., 1969, стр. 43.

⁹ Л. Р. Кызласов. Новая датировка памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1960, № 3; его же. О датировке памятников енисейской письменности. — «Советская археология», 1965, № 3.

¹⁰ М. Богданова. Указ. раб., стр. 8—11.

¹¹ С. Е. Малов. Указ. раб. Предисловие, стр. 8.

¹² А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков. М.—Л., 1946, стр. 79.

¹³ Л. Р. Кызласов. О датировке памятников енисейской письменности., стр. 9.

¹⁴ И. В. Стеблева. Поэзия тюрков VI—VIII вв. М., 1965, стр. 47.

¹⁵ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 44.

других панегирических жанров народного поэтического творчества»¹⁶. К аналогичным выводам пришел и М. Ауэзов, сопоставлявший памятники орхонской письменности с киргизским фольклором: «Надписи составлены или в стиле керез, от лица умирающего, или в виде кошока, от лица ближайшего родственника — отца, матери»¹⁷. Это верное наблюдение, к сожалению, не нашло дальнейшей детальной разработки.

Лирическая основа енисейских эпитафий была раскрыта М. И. Богдановой¹⁸ и А. Н. Бернштамом¹⁹, настаивавшими на их принадлежности к жанру поэзии. При этом М. И. Богданова говорит об элическом характере отдельных образцов, в частности, памятника в честь Эренг-Улуга: «Среди остальных надгробных надписей она выделяется художественностью, оригинальностью структуры и, главное, широкой эпичностью»²⁰.

Известно, что в определенных случаях лирическое произведение может приобретать эпический характер. Примером может служить эволюция хакасской народной лирической песни — *тахнаха*. Развиваясь постепенно в своеобразную художественную энциклопедию жизни трудящегося хакаса, она закономерно приобрела эпические черты.

Решая вопрос о жанровой принадлежности орхонских и енисейских надписей, И. В. Стеблева эпитафии Кюль-Тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука относит к историко-героическим поэмам²¹, то есть к эпосу, а енисейские рунические тексты характеризует как «первые по времени образцы тюркоязычной эпитафийной лирики»²².

Особенностью как орхонских, так и енисейских эпитафий является их дидактический характер, отмеченный многими исследователями (М. И. Богдановой, А. Н. Бернштамом, И. В. Стеблевой, Л. Базном и другими). «Героическая биография батыра-бега, воспетая в народной песне или восславленная надгробной надписью, — пишет М. И. Богданова, — должна была служить высоким образцом для рядовых членов племени»²³. Вопрос о дидактическом характере эпитафий требует дальнейшего, более углубленного исследования и сопоставления с произведениями фольклора.

Как уже упоминалось выше, спор о жанровой принадлежности эпитафий до сих пор еще до конца не разрешен.

Широкое признание в науке получило данное С. Е. Маловым определение енисейских эпитафий как «кладбищенской поэзии»²⁴. М. И. Богданова и А. Н. Бернштам придерживаются того же мнения. И. В. Стеблева подробно рассматривает орхонские тексты как образцы стихотворной речи с характерными для тюркской поэзии особенностями: параллелизмом, аллитерацией, древними видами рифмы, определенными размерами тонико-темпорального стиха. Автор отмечает также своеобразие стиля (наличие постоянных словесных формул, эмфатической интонации, обилие риторических вопросов, обращений, восклицаний) и вообще богатство художественных приемов, свойственных рунической орхонской поэзии²⁵.

¹⁶ М. Богданова. Указ. раб., стр. 12.

¹⁷ М. Ауэзов. Киргизская народная героическая поэма «Манас». — В сб.: «Киргизский героический эпос „Манас“». М., 1961, стр. 58.

¹⁸ М. Богданова. Указ. раб., стр. 9.

¹⁹ А. Н. Бернштам. Указ. раб., стр. 33.

²⁰ М. Богданова. Указ. раб., стр. 10.

²¹ И. В. Стеблева. Указ. раб., стр. 61.

²² Там же.

²³ М. Богданова. Указ. раб., стр. 13.

²⁴ С. Е. Малов. Указ. раб. Предисловие, стр. 8.

²⁵ И. В. Стеблева. Указ. раб., стр. 27—49.

Положения, выдвинутые И. В. Стеблевой, вызвали полемику. В. И. Жирмунский оспаривал тезис о стихотворной форме орхонских надписей, определяя их как ритмическую прозу²⁶. В ответной статье И. В. Стеблева дала развернутую аргументацию ранее созданной ею теории о наличии в орхонских эпитафиях моделей тонико-темпорального логического стиха²⁷.

Наблюдения автора статьи над текстами енисейских эпитафий позволяют говорить о наличии стихотворной формы, основанной в ряде случаев на синтаксическом параллелизме и глагольных рифмах.

Кök tän,riđä кун аи азыдым
Järimä жыта сизимä адырылтым²⁸

‘От солнца и луны на голубом небе я отрешился,
От земли моей, горя, и от вас моих я отделился’.

Синтаксический параллелизм наблюдается не во всех образцах, иногда выступают иные, оригинальные формы древнего стиха. Однако последние ждут своих исследователей.

Решая проблему жанра рунических эпитафий, отдельные ученые противопоставляют две группы памятников. Л. Базэнэ это противопоставление приводит в итоге к спорным выводам: «Несколько надписей с Енисея (Бегре, Элегеш, Уйбат III) эстетически более оформлены, чем другие, содержат определенные исторические сведения и кажутся содержащими мысль более развитую, никоим образом не приближаясь к достаточно высокому уровню логической композиции, который характеризует, главным образом, эпитафии монгольской группы»²⁹. Такое заключение нельзя считать правильным. Произведения любого рода поэзии, будь то эпос или лирика, — имеют соответствующую своеобразную «логическую композицию», которую вряд ли можно определять как «примитивную» (термин, предложенный Л. Базэнэ).

Исследование енисейских эпитафий позволяет сделать следующие выводы: эпитафии, будучи жанром древнетюркской лирической поэзии, представляют собой первые образцы древней литературы предков современных хакасов, алтайцев, тувинцев, киргизов. Эти эпитафии органически связаны с песенным фольклором названных народов, образцы которого творчески перерабатывались и переосмысливались безымянными авторами. Отличительной чертой эпитафийной лирики является ее дидактизм. Эти выводы кажутся нам бесспорными. Ниже мы попытаемся установить оригинальные особенности енисейских надгробных надписей и на конкретных примерах показать глубокую связь последних с песенными жанрами хакасского фольклора.

Сопоставление енисейских памятников с народно-поэтическим творчеством хакасов вполне правомерно, ибо именно Хакасия является родиной енисейской эпитафийной литературы. На территории Древне-Хакасского государства, включавшего в свой состав в IX—XII вв. Туву,

²⁶ В. М. Жирмунский. Орхонские надписи стихи или проза? — Журн. «Народы Азии и Африки», 1968, № 2, стр. 74—82.

²⁷ И. В. Стеблева. Еще раз об орхонско-енисейских текстах как произведениях поэзии. — Журн. «Народы Азии и Африки», 1969, № 2.

²⁸ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 26.

²⁹ Louis Bazin. La littérature épigraphic turce ancienne. — «Philologiae turcicae fundamenta», v. II. Wiesbaden, 1964, стр. 208.

были созданы древнейшие памятники тюркоязычной письменности. Это первые «каменные книги» древних хакасов, и связь их с хакасским фольклором требует специального изучения.

Енисейские памятники, будучи литературными произведениями, имеют и определенное познавательное значение. Они, по сравнению с фольклорными, значительно точнее воссоздают жизнь Древне-Хакасского раннефеодального государства VII—XII вв., что неоднократно отмечалось историками-тюркологами. А. Н. Бернштам находит в енисейских надгробных надписях сведения по экономике, общественному устройству, духовной культуре енисейских киргизов, то есть древних хакасов³⁰, и, исходя из этого, воспроизводит картину жизни аборигенов среднего Енисея. В указанную эпоху они занимались, считает он, скотоводством и земледелием, для них было характерно наличие большой патриархальной семьи, существование феодальной государственной титулатуры при сохранении *эля* — союза племен и родов, опиравшегося на простой народ (*кара будун*). За исключением датировки, введенной в слишком тесные рамки (VI—VIII вв.), выводы А. Н. Бернштама подтверждаются анализом текстов памятников енисейской письменности.

Говоря о феодальном характере общественных отношений в средневековом Хакасском государстве³¹, Л. Р. Кызласов ссылается также и на рунические енисейские памятники, как на дополнительный достоверный исторический материал.

Государственное устройство Хакасии в эпоху раннего средневековья воссоздается по этим памятникам с достаточной полнотой. Отдельные памятники дают довольно четкое представление об основном характере производства, но чаще они содержат сведения о богатствах феодальной знати в единицах голов скота, как, например, памятники с Уюк-Турана, Элегеша, Бегре³² и др. В памятнике минусинского музея упоминается «тысяча восьминогого скота», которым владел покойный. Выражение «восьминогий» одни исследователи переводят как «сытый» (И. В. Стеблева), другие — как «быстроногий» (С. Е. Малов) или «опережающий» (Л. Р. Кызласов). По нашему же мнению, слово «восьминогий» — своеобразная гипербола, конкретизирующая зрительное восприятие, создающая представление о здоровых, сытых домашних животных, бегающих так быстро, что их мелькающие ноги как бы удваиваются. Встречается также упоминание о пашне (*тарлағым*) и о производстве металлов (Л. Р. Кызласов отмечает, что в памятнике с р. Теле³³ говорится о копях³⁴).

Тексты памятников пронизывает идея государственности, сознание необходимости сильной власти. Понятию «государство» в данном случае соответствует слово «эль». Упоминание об эле (в форме *әлм* — мое государство) встречается часто. Структура Древне-Хакасского государства представляется в виде лестницы феодальной иерархии, в основании которой находится «черный народ» — *кара будун*, енисейских эпитафий. Народ — составная часть *бага*, что по расшифровке Л. Р. Кызласова³⁵ означает феодальный удел. Понятие «народ» включало свободных ранее

³⁰ А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков. VI—VIII вв., главы: 2. Экономика енисейских тюрков VI—VIII вв., 3. Социальный строй. Идеология. Стр. 150—171.

³¹ Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века, стр. 114—119.

³² С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 19, 26, 30.

³³ Там же, стр. 83.

³⁴ Л. Р. Кызласов. Указ. раб., стр. 119.

³⁵ Там же, стр. 123.

земледельцев — хакасов и бывших военнопленных, попавших в экономическую зависимость от хакасских феодалов.

Эпитафии высекались на каменных стелах в честь лиц, входивших в правящую верхушку феодальной знати, часто в честь бегов, которые по современным понятиям, как считают историки, находились в ранге министров.

Пока еще не обнаружено ни одного памятника, непосредственно посвященного верховному кагану средневековых хакасов (древних киргизов), носившему титул *ажо*³⁶, но упоминание о хане, которому служит *бег*, *тутук* или *тархан*, имеется почти в каждой эпитафии, однако без титула *ажо*. Надо полагать, что здесь речь идет именно о верховном кагане древних хакасов, ибо бег и другие лица феодальной знати находились в подчинении у верховного кагана. В памятнике с Элегеша имеются две следующие стихотворные строки:

Каным (а) әлімә сізімә жыта бѣкмәд (ім)...
каным (а) әлім (ә) жыта адырылтым³⁷

'От моего хана и моего эля, горюя, я отрешился (не наслаждался),
от моего хана и моего эля, горюя, я отделился'.

Подобных примеров можно привести много.

Особое место в иерархической «пирамиде» феодального государства занимали члены дружины бѣга, тутука или тархана, обозначаемые в надписях как *хадаш* (*ым*), *алп* (*алын*), *эр*³⁸.

Таким образом, данные советской исторической науки и анализ текстов указывают на то, что енисейские эпитафии имеют также и большое познавательное значение.

Изучение енисейских памятников как образцов древнехакасской литературы способствует не только выявлению и уточнению конкретных исторических фактов, нашедших в них отражение, но и выяснению идейных позиций творцов этих литературных произведений, а также установлению эстетических особенностей рунической поэзии в целом.

Изображение внешнего мира в рунической поэзии поражает своей правдивостью и достоверностью, сочетающимися с глубоким лиризмом и эмоционально-экспрессивной оценкой фактов и событий. В них нашло соответствующее художественное оформление своеобразное «видение мира», причем «микромир» енисейских эпитафий как художественных творений не равен «макромиру» Древне-Хакасского государства. Восточная деспотия, являвшаяся исторической реальностью, в памятниках изображается как некое «идеальное» общественное устройство, в котором царит постоянный мир и согласие между ханом, государством (эле́м), дружинниками и народом. В поэтическом тексте памятников эта воображаемая гармония, якобы существующая между всеми слоями общества, эмоционально подчеркивается как необходимое условие успешного отражения внешних врагов и обеспечения мирной и зажиточной жизни древнехакасского общества. Для памятников характерно своеобразное обращение усопшего ко всему тому, что было ему дорого при жизни: «Моя родная земля, моя благословенная земля, вам, родной мой народ, правитель (хан), рабыни, служанки (?), мужи мои...»³⁹

³⁶ Л. Р. Кызласов. Указ. раб., стр. 122.

³⁷ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 26.

³⁸ Л. Р. Кызласов. Указ. раб., стр. 123.

³⁹ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 76.

Идеализированное феодальное государство енисейских памятников отличается чертами патриархальности: хан не только представитель верховной власти, но и патриарх, которому охотно и верно служат беги и тарханы, тутуки и алпы — дружинники-воины, простой народ. Государство (эль) имеет постоянный эпитет *tän₁ri* 'божественный, небесный', а народ именуется не только *кара будун₁*, но и *будун₁ум* 'мой народ' и даже *кумуш будун₁ум* 'серебряный мой народ'⁴⁰, например:

Кара будун₁ум катыглан₁
 әл тбрусу ыдымыш (Рыдман₁)⁴¹

'Мой народ, будь твёрд (крепись),
 законы государства не нарушай'.

Характерен тон обращения умершего к народу, в котором покойный видит не просто рабочую силу или подчиненных ему рабов, а считает его своим, близким («мой народ»), адресуя ему слова утешения, назидания и ободрения.

Ряд исследователей (А. Н. Бернштам⁴², М. И. Богданова⁴³, Л. Базэн⁴⁴) указывал на достаточно ясно выраженные пропагандистские черты енисейских памятников. Образ лирического героя во всех енисейских текстах предстает идеализированным, наделенным одними и теми же неизменными достоинствами. Этот идеальный герой прославляется не столько за богатство и знатность, сколько за свои высокие человеческие и гражданские достоинства. Памятники, таким образом, пропагандируют своеобразный моральный кодекс: преданность своему государству (элю), верную воинскую и гражданскую службу хану, крепкое содружество с воинами-дружинниками, любовь к близким, к членам большой патриархальной семьи, милосердное отношение к своему народу. Личность умершего предстает в героическом ореоле отважного воина и патриота, даже несколько гиперболизированно. Например, на памятнике с Элегеша читаем: «Так как я имел силу только ста моих геройских товарищей и так как я сражался со ста мужественными героями, я отделился (от вас, т. е. умер)»⁴⁵.

Доблесть героя — *äрдäim* 'моя доблесть', составляющая основу его воинской чести, воспринимается как патриотический долг. На памятнике с Кежилиг-Хобу читаем: «В сорок лет я как государственный чиновник (тутук) управлял своим народом. Я воевал с внешними врагами и побеждал»⁴⁶; на памятнике с Чакуля: «Геройскую доблесть мою я дал на службу моему государству»⁴⁷.

Лирический герой енисейских эпитафий не только рыцарь и патриот. Идеализированный бег, тархан, тутук вместе с тем человек просвещенный, образованный. В памятнике с Бегре имеются строки: «Я, Тер-апа ичраки, в пятнадцать лет я был взят на воспитание к китайцам»⁴⁸.

Енисейские эпитафии проникнуты гражданским пафосом, это своеобразные гимны, утверждающие патриотизм как высшую доблесть человека, выражавшие, по всей видимости, заветные думы и чаяния тру-

⁴⁰ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 80.

⁴¹ Там же, стр. 26.

⁴² А. Н. Бернштам. Указ. раб., стр. 158.

⁴³ М. Богданова. Указ. раб., стр. 13.

⁴⁴ Louis Bazin. Указ. раб., стр. 207.

⁴⁵ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 26.

⁴⁶ Там же, стр. 82.

⁴⁷ Там же, стр. 36.

⁴⁸ Там же, стр. 29.

дового народа, с которым безвестные творцы древнехакасских рун находились в тесной связи. В эпоху, когда Древне-Хакасское государство отстаивало свои рубежи или расширяло их в борьбе против алтайских тюрков, уйгур, карлуков и других, создание воинственных гимнов и героических эпитафий было важной и своевременной идейно-эстетической мерой.

Художественные особенности енисейских эпитафий непосредственно восходят к фольклору и в первую очередь — к его песенным жанрам. Можно проследить много общего между текстами енисейских эпитафий и народными плачами — *сыбытами*, имевшими широкое хождение в народе, причем некоторые варианты последних следует признать классическими. Очень популярны в хакасском фольклоре песни-причитания: песни-плачи, в которых нашли художественное выражение горе жён погибших героев (например, «Песня жены Чанар-Хуса»). Однако в текстах эпитафий эти плачи — сыты отразились в творчески переработанном виде.

К древнейшим образцам песен, связанных с эпосом, относится широко распространенная в хакасском народе во многих вариантах «Песня жены Чанар-Хуса» — легенда о супружеской верности и преданности. Впервые записал ее в 1737 г. академик И. Гмелин во время второй камчатской экспедиции в Сибирь⁴⁹, причем один из вариантов был записан им вместе с мелодией. Эта песня в настоящее время опубликована в трех вариантах⁵⁰. Песня жены Чанар-Хуса очень лирична — в ней выражены глубокая любовь, скорбь и отчаяние женщины, узнавшей о гибели мужа. Песня звучит как клятва верности. Обращения к мужу (варианты: *о, миин, Чанар-Хус* 'о, мой Чанар-Хус'; *о, чаным Чанар-Хус* 'о, мой милый Чанар-Хус') являются рефреном, замыкающим стихотворную строку или дистихическую строфу (в 3-м варианте) и способствуют достижению песней особой выразительности. Архитектоника песни обычная для хакасского фольклора: ритмичность достигается посредством синтаксического параллелизма; иногда используется и образный параллелизм:

Чабдах атха мин мунмеспін,
Чабал ирге мин парбассын

'На неоседланного коня я не сяду,
За плохого мужчину замуж не пойду'.

Однако в большинстве случаев во всех трех вариантах сравнения-параллели отсутствуют, да и идентичность в построении синтаксических конструкций в двустихиях строго не выдерживается. Это придает стиху песни вольный, свободный характер.

В вариантах песни, записанных в наше время, мысли выражаются яснее, художественные образы ярче⁵¹.

В первом варианте используется параллелизм — образное сравнение мужчины с конем; во второй строфе художественная выразительность

⁴⁹ См.: *Joh. Gmelin. Reise durch Sibirien*, т. III, Göttingen, 1752, стр. 426.

⁵⁰ См.: А. А. Кенель. Хакас чоңының кӱглері. Сер. Музыкальное творчество хакасов. Абакан, 1955, стр. 15—18. В сборнике приводится и вариант, записанный И. Гмелиным: «Богатырь Чанар-Хус решил узнать, любит ли его жена. Однажды он отправился на охоту, захватив незаметно бычий пузырь с кровью. Возвратясь, он ударил ножом в пузырь, упал и притворился мертвым. Жена в горе схватила нож и вонзила его себе в грудь» (стр. 15).

⁵¹ А. А. Кенель. Указ. раб., стр. 15.

достигается посредством эпитетов: *холадан, арыҥ хола тон, араам 'светлее бронзы мой складной нож'*; *чурееме хорли халар 'в мое сердце скрипя войдет'*.

В третьем варианте встречается традиционное для хакасского фольклора обращение к коню. Упрекая коня Чанар-Хуса, жена выражает свое горе, свою тоску по погибшему мужу:

Ойлыҥ чирде чортып чѳрзе,
Чир сурнукпеен кѳрбе пораат,
(О, чаным Чанар-Хус).

Оос чазыча пуста
Хайди тайлыххан кѳрбе, пораат?
(О, чаным Чанар-Хус)...⁵²

'По долинам бегая,
Не спотыкался мой Серко,
(О, мой милый Чанар-Хус).

На льдинке величиной с ладонь
Как же ты споткнулся, мой Серко?
(О, мой милый Чанар-Хус)'

Образ споткнувшегося коня символизирует гибель Чанар-Хуса. Переживания героини легенды о Чанар-Хусе с особенной глубиной раскрываются в словах, выражающих ее материнские чувства. Прощаясь с жизнью, жена Чанар-Хуса оплакивает судьбу осиротевшего сына:

Илеп халар иркебѳс
Ил чон аралы хайди илет ѳскей?
(рефрен)
Чалгысхан халар иркебѳс
Хайди чазып чѳрп, чон аралы ѳскей?...⁵³
(рефрен)

'На муки остающийся наш нежный (ребенок)
Среди народа, как он, мучаясь, вырастет,
(рефрен)
Одиноким остающийся, наш нежный, он,
Мучаясь, как мужчиной станет среди народа?
(рефрен)'

Здесь используется прием своеобразного перифраза: героиня легенды, вместо того чтобы оплакивать свою собственную смерть, говорит о горестной судьбе своего сына, остающегося круглым сиротой и обреченного на то, чтобы расти без отца и матери. В изображаемой ею картине будущих страданий сироты раскрывается весь трагизм судьбы его родителей.

Для древнейших хакасских сытов-причетов характерно своеобразное перерастание плача в обращенный к умершему лирический монолог, наличие замыкающего каждую строфу рефрена, использование приема синтаксического параллелизма, иногда сочетающегося с психологическим. Размеренная речь сытов изобилует яркими художественно-образительными средствами: сравнениями, перифразами, метонимиями, эпитетами. Сопоставим художественные особенности произведений устного поэтического творчества хакасов и енисейских эпитафий. Каждая из эпитафий — непременно монолог. В отличие от плачей он традиционно

⁵² А. А. Кенель. Указ. раб., стр. 17.

⁵³ Там же.

принадлежит умершему, восходя по форме, своеобразно переработанной, к произведениям фольклора. Монологическая форма — одна из распространенных в хакасской народной лирике, включая древнейшие песенки животного эпоса и современный *тахпах*. Песенки животного эпоса — это небольшие монологи, вложенные в уста животных и выражающие различные чувства и эмоции; например, желание филина жениться на ханской дочери, горести сороки, страхи зайца, жажду крови волка и т. д. Тахпах — это тоже монолог, принадлежащий уже лирическому герою и выражающий его гражданские чувства или личные переживания.

Творческое использование авторами эпитафий художественных приемов фольклора определяет неизменный лирико-патетический характер первых. Скорбно звучит голос умершего, покинувшего все то, что было дорого его сердцу:

Куида кунчујыма сізімә јыта (ајыта?)
 Оздә оглум сізімә адырылтым⁵⁴

‘От вас, мои принцессы, в теремах, увы!
 От вас, мои сыновья, я отделился’.

Жизнь прекрасна, смерть беспощадна — для поэтического выражения этой мысли используются традиционные художественно-образительные приемы и формы: *бөкмәдiм* ‘я не насладился’; *адырылдым* ‘я отделился (от всего земного)’. Эти глаголы, выражающие понятие «умер», выразительно подчеркивают наиболее важную для автора суть события. Метонимические обороты речи весьма характерны для хакасского фольклора. Так, например, в плаче об Оджен-Пиге образ раненых воинов дан посредством описания их состояния:

«Мучающихся много осталось (на поле битвы)»⁵⁵.

Метонимия широко используется и в эпитафиях. Для последних характерны также рефрены — эпифоры, частые повторы глагола *адырылдым* (*адырылтым*) ‘я отделился, отрешился’. Повторы способствуют нагнетанию чувства печали, боли, трагизма:

Уч јәтмиш јашымка адырылтым
 Агук катун јәрімкә адырылтым⁵⁶

‘На шестьдесят третьем году отделился я
 От своей земли Эгук-Катун отделился я (т. е. умер)’.

Одной из основных художественных особенностей стихотворной речи памятников является синтаксический параллелизм. Однако в эпитафиях, в отличие от лирической песни *тахпах*, это не универсальный прием. Стих эпитафий часто обладает развитой, звучной конечной и внутренней рифмой, например: *азыдым* — *адырылтым*, *бантым* — *јашым*, *јылкым* — *барыным*. С точки зрения тюркской версификации, повторы *адырылдым* — *адырылдым* следует рассматривать как омонимическую рифму. Встречаются и рифмоиды. Наряду с богатыми в эвфоническом отношении стихами встречаются ритмизованные строки без рифм. Рифмованный

⁵⁴ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 26.

⁵⁵ М. К. Добров. Оцен., Пиг. Рукопись хранится в Хак. НИИЯЛИ, фонд № 30, стр. 42.

⁵⁶ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 19.

стих более характерен для хакасского песенного фольклора, особенно для жанра тахпаха.

Авторы эпитафий, творчески освоив поэтику плачей, создали более совершенные формы поэзии.

Связь енисейских эпитафий с плачами-притчаниями (*сыытамы*) заключалась не только в художественной переработке в них народных плачей, но и в том, что эпитафии в свою очередь оказали влияние на дальнейшее развитие жанра плача. Множество вариантов плача об *Оджен Пиге* — полководце, возглавлявшем сражения против монголов, вошло в историко-героический эпос «*Оджен Пиг*», складывавшийся в эпоху борьбы против монголов и джунгар (с XIII по XVII вв.). Традиционный жанр плача претерпел в этом эпосе существенные изменения. Образ предводителя войск *Оджен Пига* становится воплощением образа патриота и отважного воина, а не только любящего и верного супруга, в отличие от образа *Чанар-Хуса*. Можно полагать, что гражданственное звучание плачей нового времени, которые воспринимаются не как скорбные реквиемы в честь павших на поле брани, а как героические гимны их доблести, объясняется также определенным влиянием высокохудожественной эпитафийной лирики на развитие жанра плачей в фольклоре хакасов.

Чрезвычайно интересно сравнить структуры стиха эпитафийной лирики и тахпаха — лирической народной песни хакасов. Нами уже отмечалось своеобразие стиха тахпаха: «традиционные зачины, параллелизм образный и синтаксический, богатство рифмы (омонимическая, глагольная, рифмы-существительные; послелог, рифмы составные, явление реди́фа), аллитерация и ассонанс, свободный тонико-метрический стих»⁵⁷ (или тонико-темпоральный, по терминологии большинства исследователей).

Развиваясь в русле устной песенной поэзии, стих тахпаха состоял из строф — четверостиший. Два катрена тахпаха создают амебейную композицию, основанную на психологическом и синтаксическом параллелизме. Обратимся к примеру дореволюционного тахпаха:

Чабдах атты чобатхан
Час тайгалар хайда чох?
Чабал пайларда чобалган
Чалчы миндеглер хайда чох?

Изерліг атты чобатхан
Иреттіг тайга хайда чох?
Хусхун пайлар илеткен
Хул миндеглер хайда чох?

‘Неоседланного коня мучающей
Девственной тайги где нет?
Плохими баями угнетенных
Батраков таких, как я, где нет?

Оседланного коня мучающей
Густой тайги где нет?
У кровожадных баев мучающихся
Батраков таких, как я, где нет?»⁵⁸

Руническая енисейская поэзия отличается от песенного фольклора и более совершенной и богатой рифмой (начальной, конечной и внутрен-

⁵⁷ М. А. Унгвицкая. Хакасское народное поэтическое творчество. Автореф. докт. дисс. Абакан, 1967, стр. 36.

⁵⁸ А. А. Кенель. Указ. раб., стр. 74—75.

ней, а также повторяющейся — эпифорой). Полностью отсутствует четверостишие — катрен, строфы чаще всего представляют собой дистих.

Лирический герой эпитафий также отличается от лирического героя тахпаха, воплощавшего в дореволюционный период образы охотника, землепашца, обездоленного батрака.

Между письменной рунической лирикой и тахпахом — жанром народной лирической поэзии нового времени — существовало и общее, проявлявшееся прежде всего в характере изображаемого героя. Лирическому герою дореволюционной народной песни — тахпаха присуща гражданственность. В приведенном выше тексте тахпаха звучит гневный голос батрака, осуждающего кровожадных баев, осознавшего себя частью обездоленной массы бедняков. Во многих тахпахах нашло выражение восхищение трудом народа, красотой природных богатств Хакасии. Гражданские и патриотические мотивы в тахпахах возникли в результате дальнейшего развития начал, своеобразно проявившихся в средневековой эпитафийной поэзии.

В енисейских надписях и в тахпахах исключительно важную роль играет аллитерация, составляющая основу мелодического богатства как письменной, так и фольклорной поэзии хакасского народа. Относительно высокое поэтическое мастерство создателей тахпаха, несомненно, обогащалось благодаря творческому восприятию и развитию хакасскими песнетворцами — *тахпахчи* высокохудожественных традиций древней письменной поэзии.

Советским тюркологам, изучающим енисейские рунические тексты, предстоит решение интереснейшей проблемы соотношения эпитафийной лирики и хакасского героического эпоса, который в своей основе создавался в эпоху Древне-Хакасского средневекового государства VII—XII вв.

Необходимы также дальнейшие исследования особенностей поэтического языка и стихотворной формы енисейских эпитафий.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

О ЛОГИЦИЗМЕ В ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Современный этап развития языкознания характеризуется заметной тенденцией к внедрению в языкознание методов других наук, в особенности методов логики и математики. Следствием этой тенденции является усиление логицизма в лингвистических исследованиях, предпочтение методов дедуктивных методам индуктивным. Основная сущность дедуктивных методов этого типа состоит в том, что сначала выбирается определенный постулат, играющий роль математической аксиомы, из которого чисто логическим путем делается целый ряд выводов, которые затем верифицируются или проверяются путем подстановки конкретных лингвистических фактов. Очень наглядно особенности этого метода проявились в статье Г. П. Мельникова «Синтаксический строй тюркских языков с позиции системной лингвистики». Г. П. Мельников сначала устанавливает отправной пункт для логических рассуждений. Таким отправным пунктом в данном случае является неизвестно каким образом установленная Г. П. Мельниковым детерминанта, определяющая всю специфику структуры тюркских языков. Эта детерминанта «может быть сформулирована как принцип экономии служебных элементов (в отличие, например, от семитской детерминанты, выражающейся в обязательности служебных элементов при каждом корне)»¹. Далее Г. П. Мельников предупреждает читателя: «Поскольку все дальнейшие рассуждения представляют собой цепочку выводов, посылок для которых служат, либо выводы предшествующих этапов рассуждений, либо общеизвестные факты, то стиль изложения будет несколько однообразным. Очень часто будут встречаться, например, фразы типа «если..., то...», «поскольку... и..., то...», «очевидно, что, раз..., то...», «так как..., то...», «следовательно...», «ясно, что...» и т. п.»². Нетрудно понять, что в данном случае Г. П. Мельников широко использует метод логических выводов из выбранной им аксиомы. Это подтверждает и сам Г. П. Мельников уже в другой своей статье: «Представление о детерминанте конкретных языков складывается на основе наблюдений за свойствами языка и индуктивного обобщения наиболее существенного в этих свойствах. Но после того, как детерминанта найдена, из нее уже чисто дедуктивными способами, с учетом функциональных запросов и субстант-

¹ Г. П. Мельников. Синтаксический строй тюркских языков с позиции системной лингвистики. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 6, стр. 105.

² Там же, стр. 105—106.

ных возможностей, вытекают, как следствия, важнейшие свойства исследуемой системы, включая и те из них, которые раньше могли быть незамеченными»³.

Конечно, попытки перенесения методов других наук в область лингвистической науки сами по себе не являются запретными, и на эту тему, может быть, и не стоило бы выступать, если бы они не сопровождались различными отрицательными явлениями. Вся беда состоит в том, что в основе этих попыток лежит логицизм худшего типа, когда исходным постулатом является недостаточно обоснованный вывод и когда откровенно игнорируются положительные достижения так называемой традиционной лингвистики. В этом плане мы считаем необходимым разобрать более знакомую читателям журнала «Советская тюркология» статью Г. П. Мельникова «К этимологии отрицания *tegül* (по материалам Древнетюркского словаря)»⁴.

В самом начале своей статьи Г. П. Мельников заявляет, что его методика оценки степени правдоподобности того или иного варианта этимологии отрицания *tegül* предусматривает широкое использование приемов, разработанных в связи с применением в тюркологии методов системной лингвистики. Кроме того, будут привлекаться данные о некоторых семантических универсалиях⁵.

«Прежде чем перейти непосредственно к слову *tegül*, — заявляет далее Г. П. Мельников, — рассмотрим современные представления о своеобразии строя тюркских языков вообще. В первую очередь, напомним о том, что в работах, посвященных этому вопросу, подчеркивается слабая степень различий между именными и глагольными формами выражения сказуемости»⁶. Дается при этом ссылка на одно место из «Грамматики башкирского языка» Н. К. Дмитриева.

Что же говорит по этому поводу Н. К. Дмитриев? «Спряжение в башкирском языке (как и в других тюркских языках) носит ярко выраженный именной характер: формы лица глагола характеризуются теми же аффиксами (формантами), которые образуют так называемую форму сказуемости 1-го, 2-го и 3-го лица обоих чисел от любого имени. Таким образом, вместо русского «я читаю» или «я буду читать» по-башкирски собственно говорят «я читающий—есмь» и «я имеющий читать—есмь», так же, как говорят «я читатель — есмь» и т. п.»⁷.

Таким образом, получается, что между башкирской формой *mip jabug-tup* 'я буду писать' (из 'я пишу') и *mip jabuysu-tup* 'я (есмь) пишущий' или 'я (есмь) писатель' нет принципиальной разницы. Это положение нельзя считать правильным. Если основа будущего времени *jabug-* исторически действительно восходит к причастию, то это далеко не означает, что в тюркских языках она всюду сохраняет свои именные свойства. Если бы дело обстояло так, то глагольная форма *jabug-tup* имела бы именование отрицание или отрицание имени в позиции сказуемости, то есть *jabug tügelmen* как *jabuysu tügelmen* 'я не писатель'. Однако этого не происходит. Форма *jabug-tup* имеет специфическое глагольное отрицание *jabtam* 'я не буду писать'. Этот тип отрицания у имен не употребляется.

Пытаясь далее обосновать по существу неверный вывод Н. К. Дмитриева, Г. П. Мельников замечает: «С таким толкованием своеобразия

³ Г. П. Мельников. Принципы структурной лингвистики в применении к проблемам тюркологии. — «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 122.

⁴ «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 57—66.

⁵ Г. П. Мельников. К этимологии отрицания *tegül*, стр. 57.

⁶ Там же.

⁷ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 137—138.

тюркских частей речи хорошо согласуются выводы о том, что тюркское предложение представляет собой последовательность двух атрибутивных цепей: цепи подлежащего (если оно состоит более чем из одного слова) и цепи сказуемого, все элементы которой могут расцениваться как атрибуты к сказуемому. Наиболее глубоко и последовательно эта идея разработана в трудах Н. А. Баскакова⁸. Действительно, эти взгляды Н. А. Баскаков неоднократно излагал в ряде своих работ. Возьмем хотя бы его статью «Sur la genèse de la structure de la proposition dans les langues turques», опубликованную в венгерском журнале⁹.

Н. А. Баскаков отмечает, что анализ всех типов синтагм в тюркских языках позволяет выявить два типа группировки слов, отличающихся по своей сущности, структуре и форме и базирующихся на двух разных типах человеческой мысли. Это синтагмы предикативные и синтагмы атрибутивные.

Синтагмы предикативные, иначе предложения, представляющие суждение, выражают интеграцию, абстракцию или генерализацию одного слова-идеи (или группы слов) посредством другого слова-идеи (или группы слов). Что же касается атрибутивных синтагм, то они выражают дифференциацию, конкретизацию или детерминацию одного слова-идеи (или группы слов) посредством другого слова-идеи (или группы слов).

В предикативных синтагмах подлежащее выражает идею индивидуальную, особую и конкретную, а сказуемое или предикат — идею общую и абстрактную¹⁰.

Их отношение Н. А. Баскаков выражает в виде схемы:

$$\frac{A_1-S_1}{S} \quad \frac{A_2-S_2}{P},$$

где S — подлежащее, P — сказуемое, A₁ — атрибутивные элементы, относящиеся к подлежащему, S₁ — существительное, относящееся к подлежащему, A₂ — атрибут, относящийся к сказуемому, S₂ — существительное, относящееся к сказуемому. Общая схема далее поясняется примерами:

S	P
A ₁ —S ₁	A ₂ —S ₂
(Onuŋ) qatıny	semiz kisi (turur ol)
'(Ego) жена	тучный человек (есть она)'
(Onuŋ) özi	arıq kisi (turur ol)
'Он сам	тощий человек (есть он)'

Подлежащие в этих предложениях (его жена и он сам — конкретные слова-идеи) подверглись обобщению посредством слов-идей, имеющих более абстрактное значение — semiz kisi 'тучный человек' и arıq kisi 'тощий человек'. Слова, заключенные в скобки, представляют копулу или связку, то есть формальную часть предиката, выражающую категории времени и наклонения, необходимые для каждого сказуемого, или предиката. В этом контексте связка опущена.

⁸ Г. П. Мельников. К этимологии отрицания tegül, стр. 58.

⁹ N. A. Baskakov. Sur la genèse de la structure de la proposition dans les langues turques. — «Acta orientalia Academiae scientiarum hungaricae», tomus XI, fasc. 1—3, стр. 35.

¹⁰ Там же.

Н. А. Баскаков утверждает, что корреляция основных элементов предикативной синтагмы будет той же самой, если сказуемое выражено глагольной формой.

<u>S</u>	<u>P</u>
A ₁ —S ₁	A ₂ —S ₂
Ol köldiñ 'Этого озера Meeñ malum 'Мой скот	suwy qurupty (qurup turur ol) вода высохла' hawuda čog ol на пастбище ходит он' (тот, который пасется на пастбище)
Qara-ool 'Кара-оол	bistiinge xüpnüñ kelir čüwe ходит к нам каждый день' (некто приходящее к нам каждый день) ¹¹ .

В данном случае подлежащие ol köldiñ suwy 'вода этого озера', meeñ malum 'мой скот' и Qara-ool 'Кара-оол' — конкретные слова-идеи — подвергаются обобщению посредством слов-идей, имеющих более абстрактное значение — qurup turur ol 'некто высыхающее', bistiinge xüpnüñ kelir čüwe 'некто приходящее к нам каждый день'.

В атрибутивных синтагмах, по мнению Н. А. Баскакова, определенное выражает общую идею качества.

A	S
qyzyl 'красное žaqsy 'хорошо	alma яблоко' žazar пишущий'

Элементы второй группы — существительные alma 'яблоко' и žazar 'пишущий' — принимают более конкретное значение по сравнению с тем, которое они имеют вне атрибутивной синтагмы.

Н. А. Баскаков делает вывод, что предикативные и атрибутивные синтагмы имеют одну и ту же корреляцию входящих в них слов, то есть по существу предикативные синтагмы — по своему происхождению тоже атрибутивные¹².

Если это так, то каракалпакская фраза Meniñ atam awulıya barıpan 'Мой отец ушел в деревню' в древности непременно должна была иметь вид Meniñ atam awulıya barıpan ol, иначе в сказуемом не получится атрибутивной группы barıpan ol 'ушедший он'¹³. Субстантивный элемент сказуемого ol в тюркских языках утрачивался.

Источники концепции Н. А. Баскакова найти нетрудно. В основе ее лежит теория близости атрибутивных и предикативных групп в тюркских языках, которую развивал в свое время К. Грэнбек. «Два следующих друг за другом имени, — писал К. Грэнбек, — превращаются в одно понятие, так что часто трудно сказать, следует ли его понимать как имя с его атрибутом или как предложение. Например, ol olıgıg может быть самостоятельным высказыванием, или предложением — «он сидит». Центр тяжести в этом высказывании, однако, последнее имя, и ol находится в подчиненном положении. Следовательно, деятель (Agens) выражен здесь как атрибут отглагольного имени и представляет простое побочное определение отглагольного имени. Передача

¹¹ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 36.

¹² Там же, стр. 37.

¹³ Там же, стр. 40.

его по-немецки как «его сидение» (sein Sitzen) или «он сидение» (Er-Sitzen) точнее бы выражала его истинную сущность. Это предложение, не меняя своей формы, может быть употреблено перед другим именем в качестве определения: ol olugur jer 'Место, на котором он сидит', букв.: 'Он—сидение—место'»¹⁴.

Совершенно очевидно, что К. Грёнбек в данном случае неправоммерно истолковал роль ol olugur в атрибутивной группе ol olugur jer, где olugur относится к слову jer и представляет причастие, тогда как в предложении ol olugur оно уже переосмыслено как *verbūm finitum*.

Идея об именной природе тюркского предиката в дальнейшем была воспринята рядом тюркологов. На этой же почве возникла и теория Н. А. Баскакова. Исходя из того, что глагольные формы в тюркских языках имеют именное происхождение и сохраняют эти особенности по сей день, Н. А. Баскаков пришел к выводу, что причастия не могут находиться в предикате без определяемого, которым должен быть непременно какой-нибудь субстантивный элемент или его местоименный заменитель. В формах 1-го и 2-го лица эту роль, по его мнению, выполняют личные окончания, исторически возникшие из личных местоимений. Но как поступить с формами 3-го лица, где, как известно, личных окончаний нет? Н. А. Баскаков обратил внимание на то, что в тюркских языках наблюдаются случаи, когда в сказуемом может наличествовать личное местоимение ol или ul, ср. татарск. Xäsan jazıçu ul 'Хасан писатель' (букв.: 'Хасан — писатель он'). Не будет нарушением правил, если просто сказать Xäsan jazıçu. Можно в татарском языке найти две основные причины употребления в сказуемом личного местоимения ul. Во-первых, это местоимение используется как средство эмпазы. Когда говорят: Xäsan jazıçu ul, то хотят особо подчеркнуть, что Хасан именно писатель, а не кто-либо другой. Во-вторых, в татарском языке наблюдается тенденция иметь связку. Поэтому предложение Xäsan jazıçu ul можно в известной мере истолковать как «Хасан есть писатель». Связка необходима для того, чтобы отличить подобные предложения от приложений.

Рассматривая аналогичный пример в башкирском языке Xäsan jabıusu ul, Н. К. Дмитриев пришел к достаточно обоснованному выводу, что в более старом башкирском языке употребление аффиксов сказуемости было нормативным¹⁵.

Но если говорить о более древнем состоянии татарского и башкирского языков, то там действительно регулярно использовался аффикс сказуемости -туг, -дуг, развившийся из глагола ту- 'стоять', но он не сопровождался местоимением ul.

Используя утверждение Н. К. Дмитриева о неременном наличии в старом башкирском языке в предикате личного местоимения ul, Н. А. Баскаков возвел его в абсолют и установил своего рода стадию в развитии сказуемого в тюркских языках. Таким образом, в основе концепции Н. А. Баскакова лежат идеи К. Грёнбека и Н. К. Дмитриева, а также произведенное Н. А. Баскаковым логическое приравнивание функций атрибута и предиката. Например, в предложениях «Красное яблоко» и «Скот пасется» слова «красный» и «пасется» имеют более абстрактное значение, а «яблоко» и «скот» — более конкретное.

Г. П. Мельников пытается подкрепить взгляды Н. А. Баскакова рассуждениями о сущности номинации, атрибуции и предикации. «Номинацию можно определить как воссоздание, как возбуждение с помо-

¹⁴ К. Grönbech. Der türkische Sprachbau. Kopenhagen, 1936, стр. 85.

¹⁵ Н. К. Дмитриев. Указ. раб., стр. 53, 54.

щью языковых средств требуемого понятия («образа») в сознании слушающего. Атрибуция является усложненной номинацией, при которой через посредство языковых знаков — определений уточняются границы и характеристики возбуждаемого образа, даже если ранее он не был известен слушателю.

Предикация принципиально отличается от номинации и атрибуции: акт предикации вносит в сознание слушателя ту или иную степень изменения возбуждаемого образа. Последовательность языковых знаков, которую мы вправе трактовать как предикативную цепь, должна сначала возбудить в сознании требуемый образ, а потом заставить возникнуть новый уточненный образ того же понятия...

Совокупность языковых знаков, которые служат средством называния, то есть возбуждения уже имеющегося образа в сознании собеседника, мы будем называть темой сообщения, а совокупность языковых знаков, задающих новый образ и подтверждающих тождество между старым и новым образом, — ремой сообщения... В наиболее общей форме семантику предикативной цепочки языковых знаков можно представить с помощью формул: $S = T + P$ (то есть сообщение равно теме плюс рема), $P = U + T$ (то есть рема есть уточненная тема). Отсюда $S = T + UT$ (то есть сообщение есть тема + уточненная тема)¹⁶.

Если сообщение, по определению Г. П. Мельникова, есть тема плюс уточненная тема, то это полностью согласуется с теорией Н. А. Баскакова о необходимости наличия в предикате тюркских языков субстантивного элемента, то есть повторение темы согласно определению Г. П. Мельникова.

Об этом говорит и сам Г. П. Мельников: «Неаффиксальная природа повторителя темы в реме... подтверждается и тем, что в ряде тюркских языков эти «показатели» просто полностью дублируют тему, когда она выражена личными местоимениями. При этом ясно, что выражение первого и второго лица возможно лишь с помощью местоимений, и это представлено материально или отражено в этимологии показателей сказуемости первого и второго лица во всех тюркских языках. В третьем же лице речь чаще идет о конкретном предмете, повторение его названия в реме может оказаться громоздким. Поэтому третье лицо чаще, чем остальные, либо вообще не получает выражения в реме, либо представителем темы в реме служит личное местоимение, либо, наконец, ... функцию согласователя темы с ремой могут выполнять слова с достаточно абстрактной семантикой типа: вещь, дело, человек, народ. Башк. разг. *Ул язгысы: ул* 'Он — писатель он'; тув. *Олар отур-лар* 'Он совокупность — сидящая совокупность', 'Они — сидящие они', то есть 'Они сидят'; тув. *Ол бистинге хуннун, келир чүве...* 'Он к нам ежедневно приходит'; кара-калп. *Катын-ы семиз киси* 'Жена его — тучный человек'¹⁷.

Г. П. Мельников также утверждает, что и в русском языке, где «рема чаще всего выражается глаголом, иногда встречаются именные предикаты с ремой, состоящей из повторенной (и уточненной) темы в виде более абстрактного знака. Например: *Иван Петрович — очень порядочный человек* (Иван Петрович — человек)... *Спорт — дело полезное* (спорт — дело)¹⁸.

Если сущность номинации сводится к возбуждению образа предмета, то в предикации повторение этой темы совершенно не обязательно,

¹⁶ Г. П. Мельников. Синтаксический строй тюркских языков с позиции системной лингвистики, стр. 109.

¹⁷ Там же, стр. 111—112.

¹⁸ Там же, стр. 110.

поскольку названная тема уже имеется в сознании говорящего. Основная роль предиката сводится вовсе не к повторению темы, а к ее раскрытию, например, во фразе «Яблоко красное» раскрывается качественный признак яблока, именно то, что оно красное. Во фразе типа «Человек идет» в предикате раскрывается присущий теме признак, в данном случае процессуальный признак — хождение. Личное окончание -т вовсе не обозначает повторения темы в реме. Его роль совершенно другая. Оно просто служит средством согласования, указанием на то, что раскрываемый в предикате признак относится к определенной теме. Отсюда следует, что утверждения Н. А. Баскакова и Г. П. Мельникова будто бы глагольные формы типа тат. *jazug-tup* 'я буду писать', *jazug-suŋ* 'ты будешь писать' представляют собой атрибутивные группы, не самостоятельны, поскольку в определяемом фактически нет субстантивного элемента.

Раскрытие признаков темы в предикате может происходить и другим способом. Мы можем показать, что тема входит в определенную категорию других предметов, например, *Сосна* — *дерево* или *Дерево* — *растение*. Но ведь и здесь нет повторения темы, так как слова *дерево* и *растение* не представляют повторения темы. Они только указывают на отношение названной в подлежащем темы к этим словам, имеющим значения родовых понятий. Наличие в сознании говорящего темы также не влечет за собой ее обязательного повторения в предикате. Становится совершенно ясным, что в слове, означающем определенное видовое понятие в позиции предиката, Г. П. Мельников произвел чисто логическое сочленение темы с ее поясняющей частью, тем самым подведя логическую базу под предикатные схемы Н. А. Баскакова. В языках мира в действительности нет закона, согласно которому тема, относящаяся к определенной категории предметов, непременно должна иметь языковое оформление вместе со словом, выражающим эту категорию в позиции сказуемого.

Если углубиться в историю тюркских языков и мысленно воссоздать ранний этап их образования, когда современные глагольные времена образовались на основе причастий, то и в ту эпоху в предикативных группах этого типа не было никаких субстантивных элементов, поскольку личные местоимения, превратившиеся позднее в личные окончания, могли быть использованы в роли глагола-связки, например, тат. *jaza-tup* 'я пишу', *jaza-suŋ* 'ты пишешь' могли первоначально означать «я пишуший есмь», «ты пишуший еси». Эта истина известна каждому тюркологу. Эту же роль личные окончания могли выполнять и при наличии имени существительного в предикате, ср. каз. (men) *studentpin* 'я студент', (sen) *žumysšysun* 'ты рабочий' и т. д.¹⁹ Что касается 3-го лица единственного и множественного числа, то там с давних времен не было особого личного окончания. Эта характерная особенность присуща также и уральским языкам. В случае наличия именного предиката в отдельных тюркских языках в роли глагола-связки действительно мог употребляться в некоторых из них глагол *tur*, ср. тур. *Bu adam iyidir* 'Этот человек хороший'. Н. А. Баскаков и полностью разделяющий его взгляды Г. П. Мельников утверждают, что за формой глагола *tur* непременно должно было следовать местоимение *ol*. Это утверждение действительно было бы убедительным, если бы оно основывалось на тщательных исследованиях, когда было бы определено доказано, что в древних памятниках тюркской письменности частотность употребления

¹⁹ Х. Махмудов и Г. Мусабаев. Казахско-русский словарь. Алма-Ата, 1954, стр. 548, 549.

ol действительно была велика и с течением времени она уменьшалась, пока местоимение ol не исчезло полностью. Но ведь, насколько известно, такие исследования еще не проводились. Да и вряд ли они дали бы искомый результат, поскольку ol в предикате никогда не было. Если оно в современных языках и употребляется, то, как указывалось выше, его роль совершенно иная. Таким образом, сочетания причастий с личными местоимениями никогда не имели значений предикативных групп. Они довольно рано превратились в формы *verbum finitum*, о чем свидетельствует наличие особых отрицательных форм, совершенно не похожих по своему типу на отрицание имен, находящихся в сказуемом.

Изложив современные представления о своеобразии строя тюркских языков, Г. П. Мельников переходит к исследованию происхождения отрицания *tegül*.

Если тюркское сказуемое имеет атрибутивную структуру, то лучше всего, по мнению Г. П. Мельникова, отталкиваться от гипотезы Б. Коллиндера о производности *tegül* от корня *teg-* 'касаться'²⁰.

Таким образом, ссылка на мнение очень авторитетного ученого служит подтверждением взглядов Н. К. Дмитриева, Н. А. Баскакова и самого Г. П. Мельникова.

Однако выбранный в качестве отправной точки для дальнейших рассуждений глагольный корень *teg-* 'касаться' сам по себе не содержит никакого отрицательного смысла. Г. П. Мельников предполагает, что, чисто логически развертывая его потенциально возможные значения, можно получить, наконец, нужное значение.

Путем конструирования цепочек ассоциаций создается картина семантического поля на основе идеи касания.

Первая ассоциативная цепь: «1 — касаться, ... дотронуться; 2 — дотрагиваться, достать; 3 — доткнуться, наткнуться, соткнуться, напороться; 4 — досягать, достигнуть, осуществить, посягнуть, напасть, атаковать; 5 — достичь, настичь, нагнать, дойти; 6 — достигая, доходя, вплоть до...;

Вторая ассоциативная цепь: 1 — касаться; 7 — иметь касательство; 8 — иметь отношение, относиться, относительно; 9 — соотноситься, соответствовать; 10 — быть соответствующим, быть подходящим; 11 — подходить, походить, быть похожим, быть подобным; 12 — быть эквивалентным, равнозначным, равноценным, достойным, удостаиваться; 13 — достоинство, цена, стоимость.

Третья ассоциативная цепь уже не непосредственная, а ответвляющаяся от звеньев второй цепи: 12 — быть равноценным; 14 — взаимозаменяемым; 15 — допускающим обмен, оборот, обращаться; 16 — вращать, вращаться, кружиться, окружать; 17 — круговорот, круг, кругом, вокруг, круглый, сферический, шар.

Четвертая ассоциативная цепь: 14 — взаимозаменяемый, 18 — замена, менять, изменять, изменяться, видоизменять, переменять, сменять, отменять; 19 — отменно, отлично, отличающееся, неодинаковое, различное; 20 — разнообразное, всякое, любое, каждый»²¹.

«А теперь, — пишет Г. П. Мельников, — заглянем в «Древнетюркский словарь» и найдем тюркские эквиваленты к перечисленным значениям. Оказывается, что все эти значения выражаются либо словом *teg*, либо его производными (ДТС, 546—549). Корень *teg* выражает значение 1, 4, 5, 6. Слово *teg-i* соответствует значению 6; *teg-ärä* — 8; *teg-il* — 3; *teg-in* — 4, 5, 6, 12, 13; *teg-inč* — 5, 6; *teg-ir* — 13; 2; *teg-irä* — 17; *teg-irmä* — 17; *teg-irmän* — 17; *teg-ir-mi* — 17; *teg-irmilä* — 16; *teg-irmiläyu*

²⁰ Г. П. Мельников. К этимологии отрицания *tegül*, стр. 61.

²¹ Там же, стр. 61—62.

— 17; teg-iš — 14, 18; 1, 2, 4; teg-lär — 3; teg-mä — 20; teg-räk — 17; teg-räklä — 16, teg-im-lik — 1, 8, 11, 12; teg-šil — 18; teg-šür — 18; teg-šürül — 18; teg-süt — 18; teg-ü — 6; teg-ür — 5; teg-zim — 17; teg-zin — 16; teg-zinč — 16, 17.

И, наконец, цель наших поисков — слово tegül — также оказывается в гнезде производных от корня teg и должно быть включено в четвертую ассоциативную цепь со значениями под номером 19: «отменно, отлично, отличающееся, отличительное»²².

«Обосновав таким образом, — пишет далее Г. П. Мельников, — семантическую естественность гипотезы Б. Коллиндера о производности teg-ül от корня teg и уточнив внутреннюю форму слова tegül как «нечто отличное, различающееся, несхожее», проверим теперь, «вписывается» ли такое значение в рассмотренное нами предложение, содержащее это отрицание. Bu at tas teg-ül (ol) теперь необходимо перевести так: «этот конь — плохо отличительный (он)», то есть «этот конь от плохого отличающийся (он)», «этот конь — не плохой». Как видим, этимологизированная семантика такой конструкции нисколько не противоречит ее актуальному значению. Совершенно ясно также, что и в предложениях, обозначающих не только отсутствие признака, но и факт невхождения в определенный класс, конструкция с tegül остается столь же логичной. Например: bu at at tegül, taj ol — «этот конь — конно-отличительный, жеребенный он», то есть «этот конь — не конь, а жеребенок»²³.

Согласно правилу традиционной компаративистики, прежде чем составлять цепочки ассоциаций, следует твердо убедиться в том, что корень глагола teg- «касаться» и элемент teg в tegül этимологически тождественны. Г. П. Мельников явно не учел этого правила. Он выбрал из «Древнетюркского словаря», в котором, по его мнению, сконцентрированы наиболее архаичные слова тюркских языков, корень teg- «касаться». Но с этими исходными данными никакое этимологизирование фактически невозможно, так как облик корня teg- не характеризует его наиболее древнее состояние. В тюркском праязыке этот корень имел форму *täk-, то есть в качестве гласной корня было ä переднего ряда. Допустим теперь, соглашаясь с Г. П. Мельниковым, что этот же корень *täk- содержится в слове te-gül и рассмотрим его рефлексy в различных тюркских языках:

*täk- «касаться»	*täk-ül «не»
азерб. däj-mäk	dej-il
тат. tij-	tüg-el
кирг. tij-	tüg-ül

Древнему общетюркскому ä в татарском языке регулярно соответствует i, но почему же глагол tij- «касаться» и tüg-el «не» имеют разное отражение ä. Если в азербайджанском глаголе däj-mäk «касаться» ä сохраняется, то почему оно не сохраняется в отрицании dej-il?

Все это говорит лишь о том, что корень *täk- «касаться» и элемент teg в teg-ül этимологически не тождественны. В схеме построения ассоциативных цепей, предлагаемой Г. П. Мельниковым, чувствуется влияние «Опыта этимологического словаря тюркских языков» М. Рясанена, хотя Г. П. Мельников на него не ссылается. Почему-то Г. П. Мельников

²² Г. П. Мельников. К этимологии отрицания tegül, стр. 62.

²³ Там же.

²⁴ Martti Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuches der Türksprachen. Helsinki, 1969, стр. 469.

не обратил внимания на то, что М. Ряснен не связывает отрицание *te-gül* с корнем глагола **täk*- 'касаться'²⁴. Таким образом, недооценка значения этимологии слов привела к тому, что построение ассоциативных цепочек оказалось не действенным.

Вывода различные потенциально возможные значения из основного значения *täk*- 'касаться' (у Г. П. Мельникова *teg*-), Г. П. Мельников не замечает, что этот логицистический метод для исследования языковых значений часто оказывается непригодным. Это объясняется хотя бы тем, что новое значение часто фактически привносится суффиксом, а не является результатом развития значений самого корня. Так, например, значение «изменяться» возникает в результате присоединения суффикса *-iŝ*, ср. тур. *deg-iŝ* 'перемена, замена', азерб. *däjiŝmä* 'обмен'. Значение «вращать(ся)» придается присоединением суффикса *-ig*, ср. тур. *deg-ig*-*mep* 'мельница', чув. *tav-ag* 'вернуть, возвращать'.

Если Г. П. Мельников считает, что значение «отличный» логически связано со значением «изменяться, менять» и утверждает, что *tegül* первоначально означало «нечто отличное, различающее»²⁵, то он заблуждается. Без прибавления суффикса *-iŝ* это значение вообще не может возникнуть, ср. тур. *deg-iŝik* 'изменившийся', азерб. *däjiŝik*. Не случайно Г. П. Мельников не нашел в Древнетюркском словаре слова *teg* со значением «отличный».

Выведенное чисто логическим путем и приписываемое слову *tegül* значение «отличный», по мнению Г. П. Мельникова, нуждается в дальнейшем подкреплении. Слову *tegül*, выражающему идею отличия, различия, нетождества, должно быть противопоставлено некое антонимичное слово со значением соответствия, подобия, тождественности. Г. П. Мельников считает, что идея тождества, схожести, подобия имплицитно содержится в том же корне *teg*- с исходной идеей касания. Кроме того, в тюркских языках имеется слово *teg* «подобный», происходящее от того же корня, например: *jaŷımiz tegigä uŝuq teg erti* 'враги наши вокруг хищным (птицам) подобны были'²⁶.

Остается доказать возможность развития антонимичных значений подобия и различия из одного и того же исходного значения. Для этого Г. П. Мельников привлекает семантическую универсалию, которая состоит якобы в том, что знак для выражения идеи сопоставимости легко превращается в знак как идеи подобия, эквивалентности, так и идеи различия, противоположности. В качестве подтверждения существования такой универсалии Г. П. Мельников приводит пример из греческого языка. «Рассмотрим, — пишет Г. П. Мельников, — известный греческий формант «анти». В научной терминологии этот формант обычно используется в значении, близком к значению тюркского *tegül* — «отличный, иной, противоположный». Но в самом греческом языке семантика «анти» гораздо шире: она перекрывает значения как *tegül*, так и *teg*, даже не изменяя своей формы. Так, с одной стороны, мы находим вполне «естественные» для нашего привычного понимания слова с формантом «анти»: антиос «противоположный», антион «напротив», антилогия «противоречие». Но с другой стороны, встречаем такие слова, как анти-леон «подобный льву», анти-лирос «подобный звукам лиры», анти-морфос «подобный по форме». И особенно показательно, что одно и то же слово с формантом «анти» используется в весьма различных и даже полностью антонимичных значениях. Например, анти-палос — «противосильный» —

²⁵ Г. П. Мельников. К этимологии отрицания *tegül*, стр. 62.

²⁶ Там же, стр. 64.

употребляется и в значении «равносильный, соответствующий, подобный» и в значении «противоположный, противный, вражеский, враждебный, нападающий». Далее, когда понятие равносильности ассоциируется в этом слове с идеей возможности эквивалентной замены, то появляется значение «подменяющий, резервный, защищающий», когда же равносильность воспринимается как уравнивовенность противоположных сил, то то же самое слово переводится уже как «противник, враг, соперник»²⁷.

Таким образом, противоположное значение *анти*, согласно толкованию Г. П. Мельникова, в слове анти-палос развивается из понятия уравнивовенности противоположных сил. Однако греческое *anti* в этимологическом отношении не одиноко. Оно родственно древнеиндийскому *anti* 'перед глазами', 'вблизи', 'напротив', лат. *ante* 'перед', готскому *and(a)* 'против' и литовскому *ant* 'на'. По мнению Э. Швайзера, греческое *anti* представляет форму местного падежа от существительного *ant* 'лицо' (*Angesicht*), то есть «то, что находится напротив, перед лицом»²⁸. Из первоначального значения «напротив» могли развиваться два семантических ответвления — действующий в противоположном направлении, например, *antipolemos* 'противник, отталкивающий', *antilogia* 'возражение' и в более редких случаях — 'соответствующий, подобный', например, *antilūros* 'подобный лире'. Наряду с этим во многих словах сохраняется более древнее значение «напротив», например, *antikeimai* 'лежать напротив', *antithūron* 'сени', то есть 'то, что находится перед дверьми'. Таким образом, противоположные значения развиваются из первоначальной идеи противопоставления, а не из идеи равносильности, как утверждает Г. П. Мельников.

Если имеется значение «отличающийся», то совершенно не обязательно, чтобы со временем у слова, носителя этого значения, развилось значение «подобный». При действительном существовании постулируемой Г. П. Мельниковым семантической универсалии во многих языках слово, означающее «плохой», одновременно имело бы значение «хороший», слово «черный» в другом контексте имело бы значение «белый» и т. д.

Противоположные значения развиваются только в определенных условиях, когда в исходном значении имеются определенные предпосылки для развития двух противоположных значений, примером чего может служить греческое *anti*.

Кроме того, у читателя вновь может возникнуть вопрос: обладают ли этимологическим тождеством *teg* 'равный' и *täk* 'касаться'. М. Ряснен не склонен сопоставлять древнетюркск. *täg* 'как' с корнем *täk* 'касаться'²⁹. В своей работе «Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen» М. Ряснен, ссылаясь на Банга, Грэнбека и Рамстедта, считает его отглагольным именем на *g* от глагола *tä* 'говорить'³⁰.

Кроме того, даже чисто логически нельзя вывести из значения касания значение подобия или тождества, поскольку касание не обязательно предполагает подобие.

Отсюда можно сделать вывод, что этимология отрицания *tegül* исследуется Г. П. Мельниковым совершенно неубедительно.

Лингвиста может заинтересовать прежде всего вопрос, почему в древнетюркском отрицании *tegül* имеется явное несоответствие между

²⁷ Г. П. Мельников. К этимологии отрицания *tegül*, стр. 64—65.

²⁸ E. Schwyzer. Griechische Grammatik. Zweiter Band. München, 1960, стр. 441—442.

²⁹ Martti Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuches, стр. 468.

³⁰ Martti Räsänen. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. Helsinki, 1957, стр. 71.

гласной аффикса и гласной корня. Ведь аффикс *-ül* мог бы быть уместен лишь в том случае, если бы в корне наличествовал также губной гласный. Г. П. Мельников этой проблемы не ставит, так как данные Древнетюркского словаря, как он сам заявляет в начале своей статьи, открывают возможность использовать наиболее ранние и, следовательно, более достоверные сведения о форме и значении сопоставляемых слов и морфем³¹.

А между тем затронутая нами проблема очень важна, так как в целом ряде тюркских языков в корне этого слова содержится губной гласный, ср. кирг. *tügül*, балк. *tüjül*, каракалп. *tüwül*, тат. *tügel* (орф. тугел).

Предполагать, что в отрицании *tegül* первоначально был гласный *e*, который позднее под влиянием гласного суффикса *ü* превратился в некоторых тюркских языках в губной гласный *ü*, было бы неоправдано, так как в тюркских языках гласный первого слога является определяющим. Если это так, то сопоставление первого элемента *teg* с корнем глагола *täk-* 'касаться' лишено каких бы то ни было оснований, поскольку в корне слова *tegül* был явно губной гласный.

В таком случае турецкую форму *degil*, а также формы некоторых других тюркских языков *degül*, *dejül*, *tegül* и т. д. следует рассматривать как результаты поздней эволюции более древней формы *tügül*, или допустить наличие двух диалектных вариантов корня *teg* и *tük* (*tüg*). Поэтому не исключена возможность того, что в древнетюркских языках эти два варианта могли существовать одновременно. От варианта *tegil* могло произойти азербайджанское *dejil* и современное турецкое *degil*, тогда как другой диалектный вариант *tükül* лег в основу киргизск. *tügül*, балкарск. *tüjül* и т. д. Не исключена также возможность контаминации элементов этих двух вариантов, чем можно легко объяснить несоответствие гласных корня и аффикса. Результатом такой контаминации могла быть и рассматриваемая Г. П. Мельниковым форма *tegül*. Гласный *e* воспринят от варианта *tegil*, а гласный аффикса сохранил особенности другого варианта *tükül*. Что в этой форме могло быть носителем самой идеи отрицания? Г. П. Мельников предполагает, что *-ül* есть не что иное, как аффикс отглагольного имени существительного³². Однако на базе значения этого аффикса никогда не могло бы возникнуть значение отрицания. Ключ к решению этой загадки следовало бы искать в самих тюркских языках. Нам представляется, что отправным пунктом для решения этой задачи является суффикс *-ul*, *-il* в двух тюркских прилагательных *kuz-ul* 'красный' и *ješ-il* 'зеленый'. Вряд ли кто будет сомневаться в том, что *-ul* и *-il* в данном случае являются действительно суффиксами прилагательных, а не отглагольных имен существительных. Однако, что они конкретно означают? В тюркских языках известен суффикс *-l*, выражающий ослабленное качество, например: *kög-al* 'голубоватый, зеленоватый'. Если действительно зафиксирован аффикс с этим значением, то он может где-то выступать и как составная часть сложных аффиксов. В этой связи не может не обратить на себя внимание аффикс *-çul*, например: тур. *ak-çil* 'беловатый', *gök-çül* 'голубоватый'³³.

В состав этого аффикса входит также аффикс *-ç(y)*. Правда, этот аффикс присоединяют к себе преимущественно имена существительные, ср. тат. *baluk-çy* 'рыбак', тур. *deniz-çi* 'моряк', но от него возможны и

³¹ Г. П. Мельников. К этимологии отрицания *tegül*, стр. 57.

³² Там же, стр. 61.

³³ Э. В. Севортян. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966, стр. 171.

прилагательные, например: тув. *algyžy* 'горластый, крикливый (о ре-бенке)', *katku-žy* 'смешной' от *katku* 'смех', чув. *хагавза* 'трусливый'³⁴. Не чуждо этому аффиксу и значение ослабленного качества, например: *ak'-sa*, *ak'-su* 'беловатый'³⁵.

Любопытно отметить, что этот же составной элемент *-(y)l* фигурирует в составе аффикса прилагательных *-umtyl*, который также придает значение ослабленного качества, ср. азерб. *aumtyl* 'беловатый', туркм. *saumtyl* 'желтоватый' и т. д.³⁶ По мнению А. Н. Кононова, аффикс *-umtyl* «состоит из трех уменьшительных аффиксов *-m*, *-t* и *-l*»³⁷.

Если элемент *-ül* в *teg-ül* является аффиксом прилагательного, то элемент *teg* или его вариант *tük* в некоторых тюркских языках также является прилагательным. Каково было его действительное значение, сказать трудно. Вероятнее всего в основе его лежало прилагательное *tük* 'совершенный, истинный'. С аффиксом ослабленного качества *-ül* оно могло иметь значение 'не совсем совершенный', 'не совсем истинный', которое позднее превратилось в значение категорического отрицания. Развитие значений можно показать на такой схеме:

1) *Bu at tükül* 'Эта лошадь не совсем настоящая, плохонькая';

2) *Bu at tükül* 'Эта лошадь не настоящая (вообще не лошадь)'.³⁸

Что касается другого варианта *teg*, то его первоначальное значение трудно определить*.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что всякая пропаганда новых методов должна базироваться на учете всего положительного, что содержат в себе традиционные методы, плюс действительно полезное и проверенное на конкретных лингвистических фактах, предлагаемое современными методами языкознания. И это прежде всего в интересах самих этих новых методов.

³⁴ Э. В. Севортян. Указ. раб., стр. 113.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 181.

³⁷ А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках. Структура и история тюркских языков. М., 1971, стр. 118.

* Сводку мнений о составе этого слова см.: А. Н. Кононов. Этимология слова *dāgīl* «не есть», «не». — В сб. «Советское востоковедение», т. VI. М.—Л., 1949, стр. 97—101. (Прим. ред.).

А. С. ЛЬВОВ

МЛАДОПИСЬМЕННЫЙ ЛИ ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК?

Младописьменным, как известно, называют язык со сравнительно поздно развившейся письменностью, не имеющей устойчивой традиции письма¹. В нашей стране многие народы получили письменность после Октябрьской революции, и их языки поэтому являются младописьменными. К числу младописьменных относят и те языки, письменность которых начала создаваться еще до революции, но не приобрела всеобщего признания и не стала общенародной.

Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко в своей работе, посвященной развитию языков народов СССР в советскую эпоху, все младописьменные языки отмечают особым значком. Как поясняют авторы, «значком* обозначены народы, для которых была создана общенародная письменность в советскую эпоху... Для ряда языков (например, чувашского, якутского, осетинского, коми и др.) делались попытки создания общенародной письменности еще до революции»². Чувашский язык авторы также сопровождают значком, характеризуя его таким образом как младописьменный.

По мнению Н. А. Баскакова, в новейшую эпоху (конец XIX—начало XX в.) появляются «зачатки письменной литературы на языках чувашском, алтайском, якутском, караимском...» Он указывает, что после Великой Октябрьской социалистической революции одни тюркские языки выступают как старописьменные, другие — как младописьменные, в числе последних им называется и чувашский язык³.

Даже такой осведомленный в истории чувашской письменности исследователь, как В. Г. Егоров, безапелляционно утверждает, что «чувашский язык относится к младописьменным языкам»⁴.

Итак, по мнению ряда ученых, до Октябрьской революции чувашский литературный язык находился лишь в зачаточном состоянии, и поэтому чувашский язык должен быть отнесен к числу младописьменных.

¹ Русско-чешский словарь лингвистической терминологии. Прага, 1960, стр. 122; О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 235; Словарь современного русского литературного языка, т. 6. М.—Л., 1957, стб. 1074; Словарь русского языка, т. II. М., 1958, стр. 382.

² Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968, стр. 5.

³ Н. А. Баскаков. Роль уйгурско-карлукского литературного языка Караханидского государства в развитии литературных тюркских языков средневековья. — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 19.

⁴ В. Г. Егоров. Современный чувашский литературный язык, ч. I. Чебоксары, 1954, стр. 59.

В настоящей статье мы попытаемся опровергнуть это, по нашему убеждению, ошибочное мнение.

Возникновение чувашской письменности восходит к 20-м гг. XVIII в.; в изданной в 1769 г. книге «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка»⁵ дано описание строя чувашского языка, систематически изложены грамматические правила, иллюстрируемые примерами. К сожалению, примеры воспроизводятся посредством букв русского алфавита, что сильно искажает передачу чувашских звуков⁶.

В 80—90-е годы XVIII века на чувашском языке появляются церковные книги, переведенные в Нижегородской духовной семинарии под руководством епископа Дамаскина. К переводу были привлечены опытные чувашские преподаватели в той же семинарии чувашский язык. Однако, поскольку переводы эти были подстрочными, они оказались малопонятными⁷.

В начале XIX в. в Казанской духовной семинарии был переведен сокращенный текст катехизиса, отпечатанный в Московской синодальной типографии в 1804 г. тиражом 2400 экз. Качество перевода мало чем отличалось от нижегородских.

В 1820 г. таким же образом появился перевод четвероевангелия, а в 1836 г. вышла книга «Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии». Это была уже вторая грамматика чувашского языка. В 1853 г. Спиридон Михайлов издал в Казани книгу «Чувашские разговоры и сказки», в которой 71 страницу занимали чувашские тексты.

В последних двух книгах впервые нашла отражение живая чувашская речь, к сожалению, в неточной графической передаче.

В 60-е годы дело создания чувашской письменности продолжает Н. И. Золотницкий (1829—1880), выросший среди чувашей и окончивший Казанский университет. Он внес некоторые изменения в графические способы передачи чувашских слов и отказался от подстрочного перевода. Строго соблюдая особенности синтаксического строя чувашского языка, Н. И. Золотницкий добился того, что его переводы оказались более близкими к чувашскому разговорному языку, тем самым заслужив соответствующее признание. В 1867 г. Н. И. Золотницким были изданы «Чуваш кнеге (букварь)» (2-е изд. в 1870 г.) и «Солдалык кнеги (календарь)» (2-е изд. в 1874 г.), а в 1875 г. в Казани вышел в свет «Корневой чувашско-русский словарь».

О значении трудов Н. И. Золотницкого В. Г. Егоров пишет: «Н. И. Золотницкий был последним деятелем первого, дореформенного периода чувашской письменности и его завершителем. Верхнее чувашское наречие он возвел почти на степень чувашского литературного языка, но утвердиться таковым помешала несовершенная система транскрипции и вступление на культурно-просветительную работу среди чувашей даровитого природного чувашина И. Я. Яковлева, положившего начало новому, более плодотворному периоду чувашской письменности»⁸.

В 1868 г. в Симбирске И. Я. Яковлевым была открыта чувашская учительская школа, которая явилась не только кузницей подготовки

⁵ См.: Н. П. Петров. Чувашская письменность. Чебоксары, 1971, стр. 5; В. Д. Димитриев. Документы об издании книги «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка». — «Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXXIV. Чебоксары, 1967, стр. 153—162.

⁶ В. Г. Егоров. Введение в изучение чувашского языка. М., 1930, стр. 150 и сл.

⁷ Там же, стр. 152 и сл.

⁸ Там же, стр. 160.

многих сотен учителей, но и тем центром, в котором создавался чувашский литературный язык на основе низового чувашского наречия и поныне являющегося его базой.

В 1871 г. И. Я. Яковлевым были разработаны специальная азбука и правила чувашской орфографии.

Таким образом, формирование чувашского литературного языка началось сто лет тому назад, и существование общечувашской письменности задолго до Октябрьской революции является бесспорным фактом⁹.

В 60-е годы XIX столетия в Казанском крае начинает распространяться система просвещения инородцев на основе их родного языка, получившая известность как система Н. И. Ильминского, которая фактически базировалась на теории Я. А. Коменского. Энтузиастом внедрения этой системы в целях просвещения чувашского населения был И. Я. Яковлев. При поддержке и помощи И. Н. Ульянова им было открыто много чувашских школ. К началу XX в. эти школы уже имелись во всех крупных чувашских селениях. Каждая такая школа была рассчитана всего на 25—30 мест и имела одного или в лучшем случае двух учителей. Первые два года занятия велись только на родном языке, в последующие два года изучался русский язык, но родной язык сохранялся до конца обучения.

Помимо начальных школ, находящихся на содержании земства или какого-либо благотворительного общества, были открыты еще так называемые двухклассные школы, куда принимались окончившие начальную школу. Окончание же двухклассной школы давало право держать вступительные экзамены в учительскую или духовную семинарию. На каждый современный административный район приходилась приблизительно одна двухклассная школа.

В 1871 г. И. Я. Яковлевым был выпущен чувашский букварь на низовом наречии, введенный взамен букваря Н. И. Золотницкого. Букварь И. Я. Яковлева выдержал более двадцати изданий. С 1912 г. этот букварь был заменен букварем Трофимова, по которому велось обучение вплоть до 1920 г.

На чувашский язык были переведены первая и вторая книги для чтения Л. Н. Толстого (Симбирск, 1907), а через год в 1908 г. в Казани вышли в свет оригинальные книги для чтения (два выпуска). В 1910 г. была издана книга для чтения Баранова. В книгах для чтения, так же как и в календарях, помещались стихи и рассказы чувашских поэтов и писателей.

В Симбирской чувашской учительской школе широко развернулась переводческая деятельность. Была переведена вся Библия (Ветхий и Новый заветы). При этом перевод был настолько доступный и понятный, что, например, Новый завет (Евангелие без апостолов) получил широкое распространение как среди низовых, так и среди верховых чувашей.

Из истории славянских переводов греческих и частично латинских церковных книг известно, какую положительную роль сыграли они в развитии почти всех славянских литературных языков. Особенно важна их роль в развитии абстрактной и синонимической лексики, причастных оборотов, сложных предложений и т. д. К сожалению, язык чувашских переводов церковных книг и его влияние на становление и развитие

⁹ В. Г. Егоров. Роль И. Я. Яковлева в создании чувашского алфавита и чувашской письменности. «Итоги юбилейной научной сессии, посвященной столетию со дня рождения И. Я. Яковлева». — «Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР», вып. III. Чебоксары, 1949, стр. 62—80.

чувашикого литературного языка до революции не изучался. Опыт переводческой работы заложил твердые основы практики художественного перевода, в том числе произведений русской классической литературы. В эти годы Г. Кореньковым были созданы прекрасные переводы басен И. А. Крылова (печатались в газете «Хыпар» в 1906—1907 гг.), К. Ивановым переведена на чувашский язык «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова, издана «Полтава» А. С. Пушкина в переводе Г. Тихонова (Казань, 1912).

Широкое распространение получили произведения научно-популярной литературы на чувашском языке, такие, например, как «Рассказы из русской истории» (Симбирск, 1888); «Про чуму» (Казань, 1897); «Вино—яд» (Казань, 1898); «Земледелец» (Казань, 1905); «Слово неграмотным о грамотности» (Казань, 1905) и многие другие, несомненно, сыгравшие большую роль в развитии и распространении чувашского литературного языка.

Эту же задачу выполняли систематически издаваемые на чувашском языке толстые настольные календари. Первый такой календарь был издан Н. И. Золотницким в 1870 г. Начиная с 1903 г. календари издавались на новом алфавите, в них включались научно-популярные статьи, стихи, рассказы, фольклорные и другие произведения на низовом наречии.

Издание научно-популярной литературы и календарей способствовало выработке научной терминологии литературного языка.

В 1906—1907 гг. в Казани выходила еженедельная газета «Хыпар», редактировавшаяся проф. Н. В. Никольским. В газете сотрудничали поэты, писатели, публицисты: Т. Лаврентьев, Т. Кириллов, М. Акимов, Н. Полоруссов-Шелеби, И. Трофимов, Т. Николаев (Хури) — большевик, сосланный в Сибирь на каторгу, С. Игнатьев, впоследствии эмигрировавший за границу, Т. Семенов-Тайр — наборщик газеты и поэт, также сосланный в Сибирь, и др. Издание газеты способствовало развитию общественно-политической лексики чувашского литературного языка. Газета была закрыта царским правительством за революционную направленность и вновь начала выходить лишь в 1917 г.

Следует остановиться и на таком знаменательном факте, как развитие чувашской художественной литературы. Нам известно более десяти чувашских поэтов и писателей, печатавшихся до революции. Среди них классик чувашской литературы К. Иванов, прославившийся своей поэмой «Нарспи», М. Федоров, написавший известную поэму «Арсури» (Леший). Эти два произведения были изданы отдельной книгой под названием «Сказки и предания чуваш» (Симбирск, 1908); стихи Н. Шубоссина, Тайра Тимки и других печатались в календарях и книгах для чтения. Отдельным изданием вышли поэма «Урожайный год» Т. Кириллова (Казань, 1905) и рассказы И. Юркина (Казань, 1908). Многие произведения распространялись рукописными сборниками.

Все это свидетельствует о значительном развитии дореволюционной чувашской художественной литературы¹⁰.

Примечателен и тот факт, что эта литература не областная, а общечувашская. Независимо от того, что К. Иванов, Т. Семенов-Тайр и некоторые другие являлись носителями низового наречия, а М. Федоров, Н. Шубоссин и остальные — верхового — все они писали на основан-

¹⁰ М. Я. Сироткин. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1948; второе изд. там же, 1967.

ном на низовом наречии едином чувашском литературном языке, который, как мы видим, сформировался еще до революции. Дореволюционные чувашские поэты и писатели, такие, как Н. Полоруссов-Шелеби, Н. Шубоссини, И. Юркин, Д. Юман и другие, стали впоследствии гордостью чувашской советской литературы. Н. И. Ашмариним было собрано множество широко распространенных рукописных сборников на чувашском языке, использованных им при составлении словаря¹¹. Большинство этих сборников написано литературным языком, случаи отражения в них оканья и других особенностей верхового наречия весьма редки. Это относится и к сборникам, сложившимся у верховых чувашей.

В 1894 г. по материалам Н. И. Золотницкого было издано «Пособие к изучению чувашского языка», основанное на низовом наречии и разработанной Яковлевым транскрипции. Это «Пособие» являлось по сути дела третьей печатной грамматикой чувашского языка, закреплявшей его литературные нормы.

В 1910 г. в Казани вышел большой Русско-чувашский словарь, составленный проф. Н. В. Никольским, в значительной мере способствовавший стабилизации лексического состава чувашского литературного языка.

В первые же годы после Октябрьской революции в ряде городов начали издаваться на чувашском языке газеты и журналы: в Москве — газета «Чаваш хресчене» (Чувашский крестьянин) и журнал «Еслекенсен сасси» (Голос трудящихся); в Казани — газеты: «Канаш» (Совет), «Чухансен сасси» (Голос бедняка), «Самрак коммунист» (Молодой коммунист), «Херле ялав» (Красное знамя), журналы: «Шурам пуç» (Заря), «Ана» (Полоса земли), «Сер еслекен» (Земледелец), «Сене ял» (Новая деревня); в Симбирске — газеты: «Сене пурнаç» (Новая жизнь), «Суталла» (К просвещению), «Херле салтак» (Красный воин); журнал «Атал юрри» (Волжские песни); в Самаре — газета «Юлташ» (Товарищ); в Уфе — газета «Херле Урал» (Красный Урал); в Чебоксарах — газета «Хресчен самахе» (Слово крестьянина); журнал «Пирен юлташ» (Наш товарищ)¹².

Издание такого количества периодики было возможно только при сложившемся литературном языке и наличии писательских кадров. Это еще раз указывает на неправоту тех, кто относит чувашский язык к младодописьменным.

Таким образом, нельзя согласиться с тем, что у чувашей до Великой Октябрьской социалистической революции были только «попытки создания общенародной письменности» и существовали лишь «зачатки письменной литературы».

В действительности же чувашская письменность, зародившаяся еще в XVIII в., к семидесятым годам XIX столетия приобрела общенародный характер и задолго до революции имела разработанные нормы орфографии. В процессе становления и развития чувашской письменности сложился на основе низового наречия и литературный чувашский язык.

¹¹ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка, вып. XVII. Чебоксары, 1950, стр. 426—432.

¹² Н. П. Петров. Основные этапы развития общественных функций чувашского литературного языка. — «Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР», вып. XXVIII. Чебоксары, 1965, стр. 101.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

К. ЗЕЙНАЛОВА

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ М. ШАХТАХТИНСКОГО О РЕФОРМЕ АЛФАВИТА

Мухаммед Ага Шахтахтинский (1846—1931) вошел в историю азербайджанской культуры не только как прогрессивный журналист, просветитель и педагог, но и как ученый-востоковед, последовательно выступавший за реформу арабского алфавита. В этом вопросе он был прямым последователем М. Ф. Ахундова и продолжателем его дела.

Знание ряда европейских и восточных языков, хорошая лингвистическая подготовка, а также богатый опыт научно-исследовательской работы, накопленный им в бытность его членом Международного Фонетического общества¹, способствовали успешной разработке М. Шахтахтинским важнейших проблем азербайджанской филологии.

Начиная с 70-х годов прошлого столетия в русской периодической печати — газетах «Кавказ» и «Новое обозрение», в которых активно сотрудничал М. Шахтахтинский, появляются его статьи о преобразовании арабской графики.

Целый ряд статей² М. Шахтахтинский посвятил вскрытию недостатков арабского алфавита, тормозившего, по его мнению, рост культуры и распространение грамотности среди азербайджанского населения. Необходимость реформы арабского алфавита, считал автор, диктовалась также несоответствием этого алфавита фонетике азербайджанского языка, отсутствием в нем гласных, излишней пестротой форм согласных букв, слитным написанием слов, обилием точек и т. п.

Грамотная часть мусульманского азербайджанского общества, отмечал М. Шахтахтинский, понимала всю непрактичность арабского алфавита и необходимость его «радикального» изменения³.

В период с 1879 по 1902 г. М. Шахтахтинским было издано шесть языковедческих работ на азербайджанском, русском и французском языках⁴, в том числе «تکلمشیش مسلمان الفباسی»، «تفلس ۱۸۷۹» («Усовершенствованная мусульманская азбука») (Тифлис, 1879) и «Пояснительная записка о фонетической восточной азбуке Мухаммеда Султановича Шахтахтинского» (Тифлис, 1902). В двух последних работах автор излагал проект разработанного им алфавита.

М. Шахтахтинский задался целью разработать такую азбуку, которая, «облегчая и урегулируя процесс чтения и письма настолько, насколько это вообще возможно, в своем непревосходимом удобстве черпала бы

¹ См.: «Азербайжан эдэбијаты тарихи» (үч чилдә), II ч. Баку, 1960, стр. 397.

² Школьная жизнь у мусульман. — Газ. «Кавказ», 1882, №№ 90, 96, 108, 121.

³ См.: газ. «Кавказ», 1882, № 96.

⁴ См.: Ш. Новрузов. Газета «Шарки-Рус». Автореф. канд. дисс. Баку, 1968.

мощную силу для завоевания себе права гражданства, поборов рутину, столь сильную на Востоке»⁵.

В основу проекта предлагаемого им нового алфавита М. Шахтагинский положил принцип Я. К. Грота (1812—1893): «На письме каждый звук языка должен быть изображаем особою и притом одною буквою. Каждая буква должна означать один только звук»⁶.

Суть реформы М. Шахтагинского сводилась к следующему: оставив начертания букв арабского алфавита, он ввел в письмо десять гласных букв, обозначенных им цифрами. Автор увеличил также количество согласных. В его проекте алфавита каждая буква обозначала только один звук. Причем, в отличие от арабского языка, в котором согласная буква в зависимости от занимаемого ею в слове места принимает различные очертания, в проекте М. Шахтагинского графическое изображение каждой согласной оставалось стабильным.

Несмотря на многократные и настойчивые попытки, М. Шахтагинскому так и не удалось осуществить свой проект. Поэтому он вновь возвращается к этому вопросу на страницах редактируемой им газеты «Шарки-Рус», издававшейся в 1903—1905 гг. в Тифлисе.

В свое время предлагаемая М. Шахтагинским реформа алфавита вызвала оживленную дискуссию, в которой приняли участие журналист Ахмед-бек Агаев⁷, известный своими реакционными взглядами, издатель крымской газеты «Тарджуман» Исмаил-бек Гаспринский и другие. Они обрушились с резкой критикой на проект М. Шахтагинского⁸. Таким образом, М. Шахтагинскому до революции так и не удалось провести в жизнь проект реформы арабского алфавита.

С установлением в Азербайджане Советской власти партия и правительство, «руководствуясь идеей пробуждения народов Востока от косности и вековой темноты»⁹, наряду с коренными преобразованиями в области экономических и общественно-политических отношений взяли курс и на осуществление культурной революции. Важнейшей из задач стало введение нового алфавита, разработанного на основе латинской графики. «Настоящая властная потребность в более совершенном средстве письменности, — писал Председатель ЦИКа Азербайджана С. Агамали-оглы, — появляется у нас с советизацией нашей республики»¹⁰.

Был образован Всесоюзный Центральный Комитет нового тюркского алфавита¹¹ во главе с С. Агамали-оглы. Членами комитета были проф. Б. Чобанзаде, М. С. Ордубади, Ф. Агазаде и другие. Активное участие в работе Комитета принял и М. Шахтагинский. Именно в это время им написана работа «Свет латинской азбуки на мусульманский Восток»¹², в которой автор изложил свой проект «восточно-латинской азбуки».

Эта неопубликованная работа М. Шахтагинского представляет исключительный интерес как с точки зрения изучения истории развития

⁵ М. Шахтагинский. Пояснительная записка о фонетической восточной азбуке. Тифлис, 1902, стр. 6.

⁶ См. там же.

⁷ См.: Азиз Шариф. Рождение «Молла Насредина». М., 1968, стр. 311.

⁸ См. газеты: «Каспий», 1903, № 88; «Тарджуман», январь, 1904.

⁹ С. Агамали-оглы. Культурная революция и новый алфавит. — Журн. «Культура и письменность Востока». М., 1926, II, стр. 6.

¹⁰ С. Агамали-оглы. Неотложные нужды тюрко-татарских народов. Баку, 1925, стр. 22.

¹¹ Газ. «Вышка», 1932, № 233.

¹² ЦГАОР, ф. 1318, оп. I, ед. хр. 1700, 1923. Завершенная в августе 1922 года, рукопись была представлена автором в Народный комиссариат по делам национальностей. Объем работы составляет 55 рукописных страниц. Этот труд М. Шахтагинского упоминается в статье: Э. Миррахмедов. М. Ф. Ахундов ва К. Волнеј.—«Елм ва ҳајат», 1970, № 6.

алфавита в Азербайджане, так и освещения научно-просветительской деятельности самого ученого. «Я одновременно и мусульманский филолог и европейский востоковед, — пишет в этой работе М. Шахтахтинский. — Знаю главные языки Европы и мусульманского Востока. 30 лет я работаю в русской печати по восточным вопросам. Основы же языковедческой науки, а особенно науку о фонетике я изучал у лучших специалистов России и Западной Европы»¹³. И далее: «В культурном отношении мой труд — преддверие проникновения коммунизма в мусульманский мир»¹⁴.

Выступив в начале своей деятельности с предложением реформировать арабский алфавит, в дальнейшем ученый целиком и полностью перешел на позиции «латинистов»¹⁵, прямо заявляя, что «преобразование арабской азбуки — явная утопия»¹⁶.

Работа М. Шахтахтинского состоит из девяти глав. В первых главах автор говорит о недостатках арабского алфавита, в последующих — переходит к непосредственному изложению сущности своего проекта. М. Шахтахтинский ставил целью составление алфавита для четырех языков, пользовавшихся арабским шрифтом: азербайджанского, турецкого, арабского и персидского.

В основу своего проекта алфавита М. Шахтахтинский взял азбуку «составителя всемирного языка» Эсперанто. Однако в отличие от азбуки Эсперанто, насчитывающей 27 букв, М. Шахтахтинский довел количество букв своего алфавита до 45. При этом сущность реформы М. Шахтахтинского оставалась прежней. Она сводилась к введению гласных, для обозначения которых он употреблял систему перевернутых цифр, и к обозначению каждого членораздельного звука отдельной буквой. Автор полагал, что тем самым будет достигнуто единство орфографии восточных языков, упорядочена их фонетическая система.

М. Шахтахтинский отдает должное заслугам своих предшественников в области упрощения и реформы арабского алфавита — К. Вольнея, М. Ф. Ахундова, называя последнего «отцом движения за новый алфавит». Проследив эволюцию мысли М. Ф. Ахундова в этом вопросе, автор отмечает, что тот сперва считал недостатки арабского алфавита вполне устранимыми. Однако в дальнейшем ему пришлось полностью отказаться от арабского алфавита и отдать предпочтение латинскому.

Причину неудач других авторов проектов реформы арабского алфавита — персидского дипломата и публициста Мирза Мюлькум-хана и турецкого военного министра Энвера-паши, М. Шахтахтинский объясняет прежде всего неподготовленностью стран Востока к положительному разрешению столь принципиального вопроса, как изменение веками устоявшегося арабского алфавита.

Стремясь доказать практичность и удобство своего алфавита, М. Шахтахтинский приводит записанные на нем примеры на каждом из четырех языков с переводом на русский язык, сообщает дополнительные сведения об изменении фонетического состава восточных языков для облегчения транскрибирования текстов. Остановившись на возникновении и применении «восточно-латинской азбуки», М. Шахтахтинский переходит к доказательству целесообразности ее всеобщего употребления, предлагая для этого ряд конкретных мер практического характера.

¹³ ЦГАОР, ф. 1318, оп. I, ед. хр. 1700, 1923, стр. 42 об.

¹⁴ Там же.

¹⁵ А. Махмудов, Основы сопоставительной фонетики современного русского и азербайджанского языков и ее теоретическое и практическое значение. Автореф. докт. дисс. Баку, 1968.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 1318, оп. I, ед. хр. 1700, 1923, стр. 48.

При этом М. Шахтагинский подчеркивает, что исчезновение «никуда негодной» арабской азбуки не может произойти путем декретирования: «Она как плохой товар, не выдерживающий конкуренции, сама собой исчезнет из общего обращения»¹⁷, — пишет он.

Какие же практические меры предлагает М. Шахтагинский для перехода на новый алфавит?

М. Шахтагинский считает необходимым для этого осуществить подготовку квалифицированных преподавателей, способных вести обучение на новом алфавите, издавать соответствующие учебники, словари, общеобразовательные книги и, самое главное, «переводы коммунистических сочинений, написанные исключительно латинскими буквами». Автор не забывает и о полиграфии, отмечая необходимость перехода типографий на латинский шрифт, расширения издательского дела.

В заключение работы М. Шахтагинский говорит, ссылаясь «на личные наблюдения», о необычайной тяге народа, вступившего на путь социальных преобразований, к знаниям и культуре.

В заявлении, приложенном к рукописи, М. Шахтагинский ходатайствует об издании своего труда. Рукопись М. Шахтагинского была направлена на рассмотрение ректору Института востоковедения РСФСР Гисматуллину, который признал ее весьма «оригинальной», имеющей «значение в культурно-общественном отношении и представляющей собой продуманную работу»¹⁸.

В другом отзыве на эту работу был указан ряд ее существенных недостатков. Так, в нем отмечалось, что, говоря о неудобстве надстрочных и подстрочных знаков, автор в то же время сам вводит в письмо апостроф и тире для обозначения долготы звука. Вся система реформы М. Шахтагинского в целом признавалась «непригодной» и в значительной степени «затрудняющей чтение».

В результате работа М. Шахтагинского не увидела света, а предлагаемая им реформа не нашла практического применения. И все же некоторые ее рациональные положения были использованы в дальнейшем при осуществлении перехода на новый алфавит, основанный на латинской графике¹⁹.

¹⁷ ЦГАОР, ф. 1318, оп. I, ед. хр. 1700, 1923, стр. 66.

¹⁸ Там же, стр. 45.

¹⁹ См.: Ф. Агазаде. История возникновения тюркского алфавита. Баку, 1926.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Н. ОРАЛБАЕВА

КАТЕГОРИЯ ХАРАКТЕРА ПРОТЕКАНИЯ ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория характера протекания действия отражает способы совершения и стадии действия. Эта категория особенно развита в тюркских языках.

Так как предметом нашего исследования является казахский язык, то остановимся на некоторых примерах из него. В фразе *üzilip k'ala jazdar bagur kaldy* использовано пять глаголов, из которых один — *üzil-* — основной, а остальные являются вспомогательными. В то же время указанное значение можно выразить одним основным глаголом: *üzilmedi*. В казахском языке употребляются оба варианта. В первом случае детально характеризуется процесс действия, при котором падение дошло почти до своего завершения, но где-то в конце все-таки не совершилось. В данном случае глагол употреблен с формантами категории характера протекания действия.

Во втором же случае основной глагол с тем же лексическим значением констатирует лишь результат действия (действие не совершилось), не указывая на характер его протекания, который остается не выраженным.

Рассматриваемая категория часто определяется терминами «характер протекания действия»¹, «способы действия»², «фазы действия»³. Эти термины не синонимичны и не могут заменять друг друга. На наш взгляд, понятие «характер протекания действия» шире, чем «способы действия» и «фазы действия». Значения двух последних терминов входят в понятие «характер протекания действия», поскольку оба отражают частные особенности протекания действия.

В русском языке первоначально исследовалась именно категория способов протекания действия. Впоследствии объектом исследования вместо нее стала категория вида. В последнее время в аспектологической литературе появились указания, что в понятие грамматического вида следует включать также и способы действия. Однако при этом возникает необходимость в разграничении собственно грамматического вида и способов действия.

¹ А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 263; Ф. А. Ганиев. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963, стр. 118.

² А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., 1967, стр. 12—29.

³ V. Smilauer. Slovesny vyd a zpusob slovesneho deje. Prvni hovory o ceskem jazyce. Praha, 1946, стр. 81.

В тюркских языках, в отличие от русского, изучение проблемы началось с категории грамматического вида. Первые исследования категории грамматического вида, как отмечал еще В. М. Насилов⁴, относятся к 1944—1945 гг. (хотя замечания о категории вида в некоторых грамматиках встречались и раньше⁵). Однако до настоящего времени проблема грамматического вида в тюркских языках остается нерешенной. Специальное координационное совещание, посвященное этому вопросу (Алма-Ата, 1956 г.), также не пришло к какому-либо единому мнению⁶.

Аргументация тюркологов, отрицающих вид как грамматическую категорию в тюркских языках, сводится к следующему:

1) сторонники наличия вида смешивают логическую категорию с грамматической;

2) видовые значения проявляются в контексте, не достигая уровня грамматической абстракции со специальным морфологическим выражением;

3) показатели, считающиеся видовыми, на самом деле характеризуют лишь действие, то есть различные способы его протекания;

4) форманты, считающиеся видовыми, не имеют общего употребления;

5) отсутствует коррелятивное противопоставление совершенности и несовершенности; одни и те же тюркские глаголы можно переводить, например, на русский язык формами как совершенного, так и несовершенного вида.

Необходимо также отметить, что в тюркских языках все форманты, которые сторонниками наличия грамматического вида признаются показателями совершенного и несовершенного вида, свободно употребляются в смешанном составе в пределах одного слова, что недопустимо в славянских языках.

Особое внимание следует обратить на возможность употребления в тюркских языках с одним основным словом в данном контексте нескольких аналитических формантов различного вида. Однако здесь эти форманты не являются видовыми, а относятся лишь к категории характера протекания действия. Процесс действия допускает разные способы его протекания и может находиться в определенной фиксированной стадии своего развития. Благодаря этому с одним основным глаголом могут употребляться одновременно несколько аналитических формантов.

Такое явление наблюдается и в славянских языках. Вот что пишет об этом Ю. С. Маслов: «Способы действия не отграничены друг от друга четкими перегородками. Они частично охватывают и перекрывают друг друга, так что один и тот же глагол может относиться сразу к нескольким способам действия»⁷.

Другим немаловажным фактом является то, что видовая завершенность не укладывается в рамки настоящего времени, а в тюркских языках, как известно, почти все показатели совершенного вида употребляются с глаголами в настоящем времени.

Грамматические категории должны основываться на материале данного конкретного языка, а не переноситься искусственно из другого языка. Поэтому нельзя не признать справедливость следующего утвержде-

⁴ См.: В. М. Насилов. К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках. — «Труды МИВ», 1947, № 4.

⁵ См.: А. К. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, стр. 172—188.

⁶ См.: «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958.

⁷ Ю. С. Маслов. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.—Л., 1963, стр. 7.

ния М. Г. Сейфуллина: «То, что в тюркских языках иногда именуют видом, — не более, как грамматическая абстракция, насильно приспособляемая под тюркский языковой материал»⁸. Полемизируя с Л. Н. Харитоновым, который писал: «Знакомство с конкретным материалом якутского языка показывает, что существующее традиционное понимание категории глагольного вида в принципе вполне приложимо и к якутскому языку»⁹, М. Г. Сейфуллин подчеркивает, что тюркский «вид» и есть результат такого приложения неправильно истолкованного «традиционного понимания категории глагольного вида»¹⁰.

Многие исследователи относили к грамматическому виду категорию характера протекания действия. Примером может служить выступление на координационном совещании Н. Т. Сауранбаева, со всей определенностью заявившего, что «тюркские глагольные виды — это характеристика протекания действия»¹¹.

Следует отметить, что казахские языковеды, в большинстве своем отрицая наличие вида как грамматической категории в казахском языке, признают существование категории характера протекания действия. К последним относятся С. А. Аманжолов, М. Б. Балакаев, С. К. Кенесбаев, Г. Г. Мусабаев¹².

Интересна в этом вопросе позиция А. Н. Кононова, который первым из тюркологов признал категорию характера протекания действия и включил ее в свой учебник узбекского языка (1948 г.). В дальнейшем в некоторых работах он писал о глагольном виде. Но потом он вновь выступает сторонником категории характера протекания действия¹³.

Ф. А. Ганиев доказывает, что категория характера протекания действия свойственна и татарскому языку¹⁴.

Совершенно справедливо мнение В. В. Черновой о том, что тюркским языкам свойственны семантические особенности, отсутствующие в индоевропейских языках¹⁵.

Характер протекания действия в казахском языке определяется фазами и способами действия, грамматические формы которых в основном образуются аналитическим способом.

ФАЗЫ ДЕЙСТВИЯ

Определенное состояние действия в его развитии мы называем фазой действия. Действие может находиться в начальной стадии, полностью завершиться или быть в стадии завершения. Например: *žer kögere bastady* досл. 'земля начала зеленеть'; *k'ar žauur tür* 'снег идет'; *gazetti ok'ur žukty* 'прочитал газету'.

Исследователи по-разному характеризуют фазы действия. Так, В. Шмиляуэр указывает на две фазы действия (начало и завершение)¹⁶.

⁸ М. Г. Сейфуллин. О некоторых особенностях глагольного вида как категории грамматики. — «Филологический сборник», вып. I. Алма-Ата, 1963.

⁹ «Вопросы грамматики тюркских языков», стр. 149.

¹⁰ М. Г. Сейфуллин. Указ. раб., стр. 192.

¹¹ «Вопросы грамматики тюркских языков».

¹² См. там же.

¹³ См.: А. Н. Кононов. Указ. раб., стр. 263—264.

¹⁴ См.: Ф. А. Ганиев. Указ. раб., стр. 118—172.

¹⁵ См.: В. В. Чернова. К проблематике способов действия. Канд. дисс. Алма-Ата, 1967, стр. 95.

¹⁶ См.: V. Smilauer. Указ. раб., стр. 81.

7 Советская тюркология, № 5

И. Е. Маманов устанавливает шесть фаз: 1) готовность к совершению действия; 2) приспособление к совершению действия; 3) начало действия; 4) совершение (протекание) действия; 5) фаза перед завершением действия; 6) завершение действия¹⁷.

Две фазы, установленные В. Шмиляуэром для характеристики действия, нам представляются недостаточными. Нельзя утверждать, что действие объективно встречается только в начальной или завершающей стадии. Любое действие, за исключением мгновенных или точечных, которые, кстати, встречаются гораздо реже, чем действия длительные, проходит определенную стадию развития.

Что же касается установленных И. Е. Мамановым шести фаз, то они фактически сводятся к трем.

Первые две фазы — стадия «готовности к совершению действия» и стадия «приспособления к совершению действия» — не относятся непосредственно к процессу действия, ибо в этих фазах действие еще не начато.

Фазы 5 и 6 следует объединить, поскольку хронологически точно обозначить границы между указанными этапами действия невозможно. В языке такая точность также не находит выражения. Конечному этапу может соответствовать как законченное действие, так и подходящее к своему завершению. Поэтому 3-ю фазу действия мы рассматриваем как последнюю, в конечной точке которой действие завершается.

Каждая фаза действия в казахском языке выражается с помощью аналитических формантов:

1 фаза: -a basta, -p k'oja ber, -p sala ber, -p žüre ber.

2 фаза: -p bara žatyr, -p kele žatyr, -p žat, -p otyr, -p tür, -p žür, -p bag, -p kel.

3 фаза: -p bol, -p bit, -p šyk, -p k'oj, -p ket, -p k'al, -p bolyp k'al, -p öt.

СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ

Способы действия указывают как совершалось или совершается то или иное действие. Например, *žterip ker zibegu* 'толкнуть со всей силой', *tüsindirip baktu* 'так старался объяснить', *k'ülaj ketti* 'неожиданно упал' (падение произошло без усилия, неожиданно, мгновенно).

Способы действия могут быть выражены в любом языке лексически. Однако грамматическими средствами выразить их можно далеко не на каждом языке. В этом отношении возможности казахского языка весьма большие.

Анализируя факты казахского языка, нам удалось выделить двенадцать способов действия: 1) притворное действие; 2) недостаточное (прерванное) действие; 3) целеустремленное действие; 4) действие, совершенное с особым старанием; 5) безразличное совершение действия; 6) неожиданное совершение действия; 7) мгновенно-семельфактивное действие; 8) действие, совершенное особым физическим усилием; 9) продолжительное действие; 10) ограничительное действие; 11) неспешное действие; 12) готовность действия к совершению.

1. Притворное действие. Данный способ в тюркских языках очень распространен. Субъект делает вид, что он совершает или не совершает то или иное действие. Притворное действие выражается: 1) аналитическим формантом *-yaп bol*, например: *Körse de, körmegen bolyp, žüre ber-*

¹⁷ См.: И. Е. Маманов. Вспомогательные глаголы в казахском языке. Алма-Ата, 1949, стр. 81—89.

di (Т. Актанов) 'Прошел, делая вид, что не видел'; 2) аффиксом -sy/-si, например: körtmegensі 'притвориться не видевшим' (делать вид, что не видел).

2. Недостаточное (прерванное) действие. Действие, которое началось, может на каком-то определенном этапе прерваться и не совершиться. Например, ol k'ulaj žazdady 'он чуть не упал', то есть падение было начато, но человек все-таки не упал. Этот способ в тюркских языках, в том числе и в казахском, выражается однозначным аналитическим формантом -a žazda (-a jaz).

3. Целеустремленное действие. Данный способ действия показывает, для кого совершается действие: для себя или для другого. Это значение выражается аналитическими формантами -p al и -p ber. Показатель -p al отмечается многими тюркологами, тогда как формант -p ber указывают не всегда¹⁸. В казахском языке оба форманта имеют вполне определенное лексико-грамматическое значение. Например, bilip al 'узнай для себя'; bilip ber 'узнай для другого (человека)'.

4. Совершение действия с особым старанием. При этом способе действия субъект прилагает все усилия для совершения этого действия: tündirip bak'ty 'старался объяснить (изо всех сил)'.

Это значение выражается аналитическим формантом -p bak', который отмечается не во всех тюркских языках¹⁹.

5. Безразличное совершение действия. В этом случае действие совершается субъектом без особого старания и усилия с его стороны. Выразителями данного значения являются аналитические форманты: -a sal, -a otur, -a žür. Например, ajta sal 'говори (так себе, между прочим)', okj otur 'читай (как бы от нечего делать, между делом, чем без дела сидеть и т. д.)'. Приведенные формы также не нашли своего отражения в монографии А. А. Юлдашева²⁰, что свидетельствует об их ограниченном распространении в тюркских языках. В казахском же языке они употребляются весьма часто.

6. Неожиданное совершение действия. Способ показывает, что действие совершается субъектом неожиданно для других. Например, kele kaldu 'пришел неожиданно', kezdesе ketti 'встретил неожиданно' и т. д.

Это значение передается аналитическими формантами -a k'oj, -a ket, -a k'al.

7. Мгновенно-семельфактивное совершение действия. Указанный способ означает быстрое, короткое, решительное совершение действия, иногда с заметным оттенком однократности. Это значение в казахском языке выражается аналитическими формантами: -p tasta, -p žiber, -p tūs, -p k'al. Например, ajtur tasta 'сказать решительно', perip k'al 'ударить быстро' (имеется в виду один раз). Способ мгновенно-семельфактивного совершения действия распространен в тюркских языках²¹. Он отмечается и в славянских языках²².

8. Действие, совершенное особым физическим усилием. В данном способе на первый план выступает особое физическое усилие субъекта при совершении действия. Например, jterip ker k'aly 'толкнуть со всей силой', perip ker žibegu 'ударить со всей силой'.

¹⁸ См.: А. А. Юлдашев. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, стр. 85.

²² См.: Ю. С. Маслов. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В сб.: «Вопросы общего языкознания». Л., 1965, стр. 75—78.

Это значение выражают сложные аналитические форманты -р кер žiber, -р кер k'al. В других тюркских языках эти форманты не обнаружены.

9. Продолжительное действие. Данный способ отмечается не только в тюркских²³, но и во многих других языках²⁴. Для него характерны некоторые оттенки: повторяемость, прерывность, продолжительность действия и т. д.

В казахском языке этот способ выражается аналитическими формантами: -e ber, -e tūs. Например, bere tūs 'дай еще (продолжай давать)', aǵta ber 'продолжай (далее) говорить' и т. д.

10. Ограничительное действие. Этот способ действия встречается во многих языках под разными терминами²⁵. Способ показывает, что действие может продолжаться лишь некоторое время. В казахском языке он выражается аналитическим формантом -a tūr. Например, bere tūr 'дай на некоторое время', ok'j tūr 'пока почитай' и т. д.

11. Неспешное действие. Данный способ показывает, что совершение действия не к спеху, что действие может совершиться и после. Это значение выражается аналитическим формантом -a žatar. Например, kele žatar 'придет потом' (время еще позволяет или время еще есть).

12. Готовность действия к совершению. Готовность действия к совершению выражается аналитическими формантами -jin de, -ǵaly otur, -ǵaly žūr, -ǵaly tūr, -ǵaly žat. Например, žūr geli otur 'готово, чтобы идти', žykkaly tūr 'готово, чтобы выйти, вот-вот выйдет'.

²³ См.: А. А. Юлдашев. Указ. раб., стр. 39—86.

²⁴ См.: А. Х. Востоков. Русская грамматика. СПб., 1831; Г. П. Павский. Филологические наблюдения над составом русского языка. Рассуждение третье, о глаголе. СПб., 1842, стр. 20; Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. СПб., 1827, стр. 117—118; А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, II. Братислава, 1960, стр. 300; А. В. Болдырев. Рассуждение о глаголах. — «Труды общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете», ч. II, кн. III. М., 1812, стр. 65; V. Smilauer. Указ. раб., стр. 81.

²⁵ См.: А. В. Исаченко. Указ. раб., стр. 300; В. В. Чернова. Указ. раб., стр. 169; Ю. С. Маслов. Система основных понятий и терминов..., стр. 75—78; Г. К. Ульянов. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II. Варшава, 1895.

А. К. АЛЕКПЕРОВ

ИЗ ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВΟΣЛОЖЕНИЯ

В системе глагола принципы словосложения как лексико-морфологического явления до сих пор еще продолжают оставаться менее изученными и выясненными, чем в именных частях речи.

Проблема сложного слова имеет давнюю историю. Еще во II веке до н. э. известный индийский грамматик Патанджали создал первую классификацию сложных слов в санскрите на основе семантических взаимоотношений компонентов, сформулировав правило двухкомпонентности всякого сложного слова. Спустя две тысячи лет эта классификация была воспроизведена Ф. Боппом, М. Мюллером и другими, различавшими четыре основных типа композитов: соединительно-собирательный, посессивный, определительный и адвербиальный. С другой стороны, К. Бругман, Я. Ваккернагель и некоторые другие рассматривали композиты главным образом с точки зрения морфологической природы компонентов (частей речи) и их синтаксических взаимоотношений¹.

В немецкой лингвистической литературе применялись и другие принципы классификации сложных слов: логический (Л. Тоблер), генетический (Г. Пауль, Розвадовский). К одному из трех классов сложных слов, выделяемых Г. Паулем, принадлежали глагольные сложения типа *teilnehmen*, *achtgeben*².

В теории словосложения уже давно утвердилось мнение о том, что сложные слова возникают и формируются на базе синтаксических сочетаний слов³. Хотя в немецком языке (в котором, по словам В. М. Жирмунского, «новые сложные слова образуются настолько свободно, что... часто даже не отмечаются немецкими словарями в качестве самостоятельных лексических единиц»⁴) и существуют грамматические, фонетические и графические критерии отграничения сложного слова от словосочетания, однако немецкой грамматической школой выдвигался преимущественно семантический принцип различения сложного слова и словосочетания

¹ Подробнее об этом см.: В. И. Кальянов. Классификация сложных слов в санскрите. — «Известия АН СССР, ОЛЯ», т. VI, вып. I, 1947, стр. 78—82; ср. также: М. И. Адиллов. Мүрәккәб сөзләрин тәснифи һаггында. — «Ученые записки Азербайджанского государственного университета им. С. М. Кирова». Баку, 1956, № 8, стр. 73.

² См.: В. И. Троицкий. Типы сложных слов в высоком стиле второй половины XVIII века. Канд. дисс. М., 1946, стр. 3—17, 51; А. Десницкая. Словосложение. — «Вопросы немецкой грамматики в историческом освещении». М.—Л., 1935, стр. 134.

³ См.: В. П. Григорьев. Некоторые вопросы теории словосложения (на материале сложных существительных с глагольным вторым компонентом в современном русском языке). Канд. дисс. М., 1955, стр. 24—28.

⁴ В. М. Жирмунский. История немецкого языка. М., 1956, стр. 349.

(«изоляция значения», то есть идиоматичность сложного слова). «Теорией изоляции» объясняли словосложение, например, Г. Пауль, К. Бругман, В. Хенцен, хотя недостатки этой теории были очевидны и для самих ее сторонников⁵.

Что же касается сложных глаголов, то общепризнанным считалось положение о том, что они находятся на промежуточной ступени между сложным словом и устойчивым словосочетанием (В. Вильманс, К. Бругман, Г. Пауль и др.), что между сложным глаголом и синтаксическим сочетанием нет ясно очерченной границы, а существует лишь цепь плавных переходов (К. Бюлер, А. Марти и др.)⁶.

В русской лингвистической литературе наряду с вопросами классификации сложных слов, базировавшейся в основном на морфологическом и логико-синтаксическом принципах⁷ и их генезисе⁸, центральное место в проблеме словосложения занимал вопрос о границах понятия сложного слова⁹. Наибольшие расхождения во взглядах ученых наблюдались как раз в этом вопросе. Так, М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Н. И. Греч включали в словосложение префиксацию, Ф. Ф. Фортунатов, В. К. Поржезинский, Л. В. Щерба, С. И. Абакумов — устойчивые словосочетания, А. А. Потебня, А. И. Томсон — удвоения. При таком положении, разумеется, не могло быть и единого определения сложного слова¹⁰.

Особенностью словосложения в русском языке является единичность сложных глаголов (как и сложных наречий), на что обратил внимание еще Н. И. Греч¹¹.

Сложновербальные глаголы (термин А. П. Баранникова) в индийских языках, сложно-составные (термин А. А. Пашковского) — в японском, составные глаголы типа «имя+вспомогательный глагол» в иранских языках имеют много типологически сходных черт, обнаруживающихся при сопоставлении с различными сложными или составными глаголами в тюркских языках. Близость и сходство заключаются как в широком распространении подобных глаголов во всех этих языках, так и в общих структурно-семантических принципах их образования. В данном случае

⁵ Критику «критерия изоляции» см.: Э. П. Шубин. К вопросу о сложном слове и словосочетании в английском языке. — «Ученые записки Пятигорского педагогического института», т. 10 (гуманитарные науки). Пятигорск, 1955, стр. 430—431, 452; М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, стр. 71—72. Заметим, что то же самое понятие «изоляция» в применении к тюркскому глагольному словосложению мы встречаем и в книге А. А. Юлдашева «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» (М., 1958, стр. 56), где говорится о «семантической изоляции компонентов» сложного глагола.

⁶ См.: Р. Г. Котов. Устойчивые словосочетания типа «глагол+прилагательное» в современном немецком языке. Канд. дисс. М., 1956, стр. 38—40; Б. В. Замарин. Роль глаголов типа «kommen» и «bringen» в образовании фразеологических единиц в немецком языке. Канд. дисс. Л., 1956, стр. 14.

⁷ Ср.: М. Я. Немировский. Сложные слова в русском языке. — «Русский язык в школе», 1946, № 3—4, стр. 11—17; С. И. Абакумов. О сложных словах в русском языке. — «Русский язык в школе», 1946, № 3—4, стр. 18—19 и др.

⁸ Начиная с М. В. Ломоносова, русские лингвисты считали, что в основе сложных слов лежат словосочетания. См.: В. В. Чедия. Сложные слова в языке русской художественной литературы первой половины XIX века. Канд. дисс. Тбилиси, 1955, стр. 28.

⁹ Ср. также: В. В. Чедия. Указ. раб., стр. 27.

¹⁰ Подробнее об этом см. там же, стр. 4—28.

¹¹ Н. И. Греч. Практическая русская грамматика. СПб., 1827, стр. 132. Ср. также выводы И. Г. Галенко, сделанные в кандидатской диссертации «Сложные слова в русском языке второй половины XVIII века» (Киев, 1952, стр. 76 и 248): «...для глаголов сращение, как и основосложение, не характерно... Сложные глаголы, компоненты которых объединены соединительным гласным, не могли включать две глагольные основы...» Следует отметить, что из западноевропейских языков сложные глаголы широкоупотребительны в современном датском языке, в котором, как утверждает А. С. Новакович, они охватывают до семидесяти процентов общего числа глаголов (см.: А. С. Новакович. К вопросу о сложных глаголах в датском языке. — «Труды ВИИЯ». М., 1955, стр. 95).

подтверждается методологически важная мысль Ш. Балли о том, что «два языка, ведущие свое начало от разных источников, могут оказаться очень близкими друг другу по своей структуре»¹². И проблема сложного глагола в урду, бенгали, персидском, таджикском и ряде других восточных языков, по нашему мнению, родственна проблеме глагольного словосложения в азербайджанском и других тюркских языках.

Надо сказать, что многие ценные положения оригинальных исследований А. П. Баранникова¹³, предопределившие последующую трактовку проблемы на материале индийских языков¹⁴, к сожалению, так и не вошли в научный обиход в тюркологии, хотя аналогия в данной области напрашивалась сама собой.

Описанная А. П. Баранниковым общая картина заимствований в лексике урду и хинди имеет поразительно много общего с таковой и в азербайджанском языке. «Все огромное количество заимствований, — пишет автор, — так своеобразно окрашивающих лексику урду и хинди, всей своей массой падает на имена. Глаголы же, образованные от заимствованных основ, исчисляются единицами (имеются в виду производные глаголы. — А. А.)... В случае необходимости представить вербально то или иное понятие, обозначаемое заимствованным словом, употребительны сочетания (разрядка наша. — А. А.) из имен с глаголами. В такого рода номинOVERBальных сочетаниях, которые туземными и английскими авторами называются сложными глаголами (заметим, что А. П. Баранников не называет и не считает их сложными глаголами. — А. А.), выступают чаще всего глаголы с наиболее широкими значениями...»¹⁵ По мнению А. П. Баранникова, нет достаточных оснований считать сложными глаголами и сочетания инфинитивов с некоторыми полувспомогательными (модальными) глаголами¹⁶. Принципу «сложности», то есть более тесной формальной и семантической близости сочетающихся элементов, с образованием единого нового значения, — соответствуют так называемые «сложновербальные» глаголы, глагольные композиты, в которых основа глагола соединяется с формами некоторых немногих глаголов, причем целостное значение сложного глагола складывается из значения «главного» глагола, определенным образом модифицированного значением «образующего» глагола¹⁷. В выделяемых А. П. Баранниковым группах сложновербальных глаголов представлены различные обобщенные значения: модальные (сложнопотенциальные), количественные (сложнодуративные), видовые (сложнокомплетивные и сложноинтенсивные), пространственные — направленности действия (сложноинтенсивные)¹⁸.

¹² Ш. Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, стр. 39.

¹³ А. П. Баранников. Сложновербальные глаголы хиндустан и их смысловые эквиваленты в русском языке. — «Язык и литература», т. II, вып. I. Л., 1927; *его же*. Словарное повторение в хиндустан. — «Восточные записки», т. I. Л., 1927; *его же*. Синонимические повторы в ново-индийских языках. — «Записки коллеги востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. III, вып. 2. Л., 1928.

¹⁴ См.: Джек Литтон. К вопросу о сложновербальном глаголе в бенгальском языке. Канд. дисс. [б. м.], 1946; А. А. Давидова. Сложные глаголы в современном хиндустан. Канд. дисс. М., 1953.

¹⁵ А. П. Баранников. Сложновербальные глаголы..., стр. 70—71.

¹⁶ См. там же, стр. 73—76.

¹⁷ См. там же, стр. 76. Отметим, что сложновербальные глаголы сходны со сложными глаголами с неравноценными компонентами в азербайджанском языке (см.: А. К. Алекперов. Типы сложных глаголов в современном азербайджанском языке. — «Известия АН Азерб. ССР», 1960, № 4) не только в семантическом, но и формально-структурном отношении, ибо основа глагола в хиндустан совпадает с деепричастной формой его (см.: А. А. Давидова. Сложные глаголы в современном хиндустан, стр. 176).

¹⁸ См.: А. П. Баранников. Сложновербальные глаголы..., стр. 81; *его же*. Хиндустан (урду и хинди). Л., 1934, стр. 107—110.

Сложение глаголов как наиболее продуктивный способ глагольного словообразования (ср. именные композиты в немецком языке) имеет едва ли не самое большое распространение в японском языке. Еще А. П. Баранников отмечал «в высшей степени интересный факт наличия в японском языке сложных образований, совершенно аналогичных образованиям хиндустани»¹⁹. А. А. Пашковский в специальном исследовании осветил генезис, описал значения и дал детальную семантическую классификацию так называемых сложно-составных глаголов в современном японском языке²⁰. Одним из основных аспектов рассмотрения А. А. Пашковским сложно-составных глаголов было сопоставление их с глаголами — однородными членами предложения, между которыми существует синтаксическая связь сочинения. Дело в том, что сложно-составной глагол «формально представляет собой сочинение глаголов. Предшествующий компонент имеет форму второй основы, которая является основным средством сочинения глаголов в книжном стиле языка»²¹. Следовательно, графический критерий различения сложно-составных глаголов и глагольных сочетаний синтаксического порядка снимается, ср. в азербайджанском языке: *Mân g'âlib oturdum* 'Я пришел и сел' — *İlâr g'âlib ötdü* 'Прошли года', где в первом случае следует говорить о синтаксическом сочетании и двух самостоятельных лексических единиц, а во втором — о сложении двух глаголов с образованием единого и целостного лексического значения. Как же различать их? «Минимальным отличительным признаком сложно-составного глагола, — указывает А. А. Пашковский, — является его фонетическое и смысловое единство. Компоненты составного глагола слиты в единое целое, они не разделены паузой в устной речи, имеют единое ударение и между ними имеется определенная закономерная смысловая связь»²².

Термин «сложный (составной) глагол» в персидской грамматической традиции употреблялся в отношении образований типа «имя+вспомогательный или полувспомогательный глагол», аналогичных таковым в азербайджанском и других старописьменных тюркских языках. Если в одной из самых ранних персидских грамматик — «Краткой грамматике персидского языка» Аббас-Кули-Ага Бакиханова (Тифлис, 1841) вопрос о сложных или составных глаголах еще не был затронут²³, то уже в «Грамматике персидского языка» И. Н. Березина рассматриваются *составные* глаголы типа «имя+глагол»²⁴. Интересно отметить, что Мирза Мухаммед Ибрагим²⁵, в грамматике которого имелся самостоятельный раздел «О сложных глаголах», отнюдь не отождествлял сложный глагол со сложным словом²⁶.

По мнению В. А. Фроловой, специально исследовавшей грамматические условия образования сложных (составных) глаголов в персидском языке, последние представляют собой своего рода фразеологические сочетания типа «имя+глагол» и относятся к лексическим единицам языка²⁷.

¹⁹ А. П. Баранников. Сложновербальные глаголы..., стр. 109.

²⁰ А. А. Пашковский. Сложно-составные глаголы в современном японском языке. — «Уч. зап. ВИЯ», т. II, вып. 3. М., 1946.

²¹ Там же, стр. 47.

²² Там же.

²³ Ср. также: В. А. Фролова. Сложный глагол в современном персидском языке. Канд. дисс. М., 1953, стр. 7.

²⁴ См.: И. Н. Березин. Грамматика персидского языка, ч. II. Казань, 1853, стр. 170.

²⁵ *Mirza Mohammed Ibrahim. Grammatik der lebenden persischen Sprache. Lpz., 1847, стр. 77—80.*

²⁶ Историю разработки вопроса см. в указ. раб. В. А. Фроловой (стр. 7—34).

²⁷ См.: В. А. Фролова. Указ. раб., стр. 49.

Между тем механизм лексико-семантической сочетаемости имени и глагола в едином глагольном значении остается здесь нераскрытым.

Если составные глаголы типа «имя+глагол» близки в персидском и азербайджанском, то собственно сложные глаголы, образованные от деепричастной формы одного глагола и спрягаемой формы другого, по своей структуре и семантике весьма сходны в таджикском и азербайджанском языках. Еще свыше ста лет тому назад В. В. Григорьев отмечал, что в таджикском языке «сплошь и рядом встречаются совершенно неупотребительные в персидском сложные глаголы, образованные на тюркский лад из деепричастия одного глагола и неокончательного наклонения другого: *гашта омадем* 'мы возвратились', *гурехта рафт* 'он убежал' и т. д.»²⁸. Примечательно, что сама необходимость теоретической разработки данного вопроса в таджикском языкознании возникла из практических нужд, в процессе составления таджикско-русского словаря и обобщения опыта переводов русских приставочных глаголов на таджикский язык (ср., например: тадж. *печонида бастан* 'завернуть' — азерб. *bük'üb bağlamak*, тадж. *кофта ёфтан* 'найти' — азерб. *axtarıb tapmaq*, тадж. *кашида баровардан* 'вытащить' — азерб. *çäk'ib çuxarmaq*)²⁹.

В тюркологической литературе проблема сложного (составного) глагола, как правило, не связывалась с проблемой сложного слова, хотя иногда и употреблялись термины «сложная глагольная лексема», «сложная основа глагола» и т. п. Сложные глаголы обычно не соотносились со сложными именами, понятия «сложный», «составной» чаще всего носили нетерминологический смысл: «сложенный», «составленный», обозначая любую двухкомпонентность. При этом основанием для отнесения различных перифрастических форм глагола, отыменных аналитических глаголов и устойчивых глагольных словосочетаний к сложным глаголам служило главным образом единое глагольное понятие. С другой стороны, во многих грамматиках и специальных исследованиях в центре внимания тюркологов оказывались не собственно сложные или составные глаголы как таковые, а в основном их вторые компоненты — вспомогательные или окказионально-вспомогательные глаголы. Лексико-семантическая сочетаемость же компонентов, взаимосвязь и взаимообусловленность лексического и грамматического в сложном целом, в сложном единстве — оставались в стороне. Наконец, широко употребляемые в тюркологии термины «лексические сочетания», «видовые конструкции», «парные глаголы» и другие, перекрещиваясь и переплетаясь с понятием «сложного глагола», способствовали еще большему усложнению проблемы глагольного словосложения в тюркских языках. Уже в одной из старейших тюркских грамматик, написанной на латинском языке Франциском Менинским³⁰, был намечен круг вспомогательных глаголов (*auxiliaria*), охватывавший, кроме собственно вспомогательных глаголов (*it-, eile-, kyl-, ol-, biçig-, bul-*), также некоторые другие глаголы, аналогичные азербайджанским *g'ög-, je-, ug-* и другим в устойчивых глагольных сочетаниях: *iş g'ögmäk* 'заниматься работой', *gäm jëmäk* 'печалиться', *and içmäk* 'клясться' и т. п.³¹

²⁸ «Ученые записки Казанского университета», 1861, стр. 159. Цитируется по кн.: А. З. Розенфельд. Материалы к исследованию сложно-составных глаголов в современном таджикском литературном языке. — «Очерки по грамматике таджикского языка», вып. 1. Сталинабад, 1953, стр. 6. На стр. 7 этой книги в сносках приведена литература по вопросу о сложных глаголах в ряде восточных языков (урду, хинди, бенгали, китайском, японском, монгольских, тюркских и др.).

²⁹ Ср.: А. З. Розенфельд. Указ. раб., стр. 3—4, 8, 10, 13, 46. Примеры на азербайджанском языке наши.

³⁰ *Meninski Francisci à Mesgnien. Institutiones linguae turcaicae. Editio altera. Tomus primus. Vindobonae, 1756.*

³¹ См. там же, стр. 110—111.

В самой ранней из дошедших до нас тюркских грамматик, написанных на русском языке, встречаются термины «сложное слово», «сложный глагол»: «Сложное слово, — указывал И. Гиганов, — есть то, которое составлено из двух или нескольких слов»³². Этой недифференцированностью и логической обратимостью понятий «сложный», «составной» (ср. адекватное определение: «составное слово есть то, которое сложено из двух или нескольких слов») и объясняется употребление М. А. Казем-Бекем и М. Терентьевым терминов «составной глагол» (даже в отношении таких собственно сложных глаголов, как *g'edib-g'älmäk'* 'посещать, часто ездить', *otugub-dugtag* 'иметь знакомство с кем-л., иметь общение' и т. п.)³³ и «составное слово» (в отношении таких композитов, как *eššäk' gulaçu* 'спаржа', *biš bağmak* 'кушанье из рубленого мяса', *taš baka* 'черепашка', *ak šam* 'вечер', *aksakal* 'старший, почтенный')³⁴.

По И. Гиганову, сложный глагол состоит из двух глаголов, первый из которых стоит в деепричастной форме на *-b* или *-a* и *-й*. И. Гиганов впервые обратил внимание на тот факт, что вторые компоненты сложных глаголов зачастую соответствуют по своей семантике русским глагольным приставкам³⁵.

М. А. Казем-Бек, строго разграничивая вспомогательные и невспомогательные глаголы, писал: «Составные глаголы суть те, которые образуются из имен и вспомогательных или других глаголов». При этом автор относил к составным глаголам и отдельные составные сказуемые типа *az olmaq* 'быть голодным' (ср. *azmaq* 'проголодаться') или идиоматические сочетания типа *gäm jetaäk'* 'печалиться' (*досл.* 'есть печаль')³⁶. М. А. Казем-Бек отмечал также составные глаголы, образующиеся путем соединения «двух глаголов, собственно турецких, в один»³⁷. Наконец, к составным глаголам были отнесены автором и стяженная форма невозможности, и глаголы, «составленные из герундий (деепричастий. — А. А.) и других глаголов» (парные глаголы типа *g'edib-g'älmäk'* 'посещать, ходить, ездить, бывать')³⁸. Таким образом, М. А. Казем-Бек, стоявший в своей грамматике на эмпирических позициях, был далек от постановки проблемы сложного глагола как отдельного слова. И все же его подход не был и чисто механистическим, ибо, скажем, сложные формы глагольных времен ученый отнюдь не относил к составным глаголам.

Аналогичных взглядов на непростые глаголы придерживались также Мирза Абульхасан-бек Визиров, Л. Будагов, Ал. Архангельский³⁹.

Другое направление в отечественной тюркологии, как известно, было связано с «Грамматикой алтайского языка», составленной членами Алтайской миссии (Казань, 1869). В этой грамматике содержались как бы в зародыше те идеи, которые позднее были развиты В. А. Богородицким, Н. К. Дмитриевым и другими учеными в применении к видам глагола в тюркских языках.

³² И. Гиганов. Грамматика татарского языка. СПб., 1801, стр. 45.

³³ См.: Мирза А. Казем-Бек. Общая грамматика турецко-татарского языка. 2-е изд. Казань, 1846, стр. 178—179.

³⁴ См.: Михаил Терентьев. Грамматика турецкая, персидская, киргизская и узбекская. Кн. I. СПб., 1875, стр. 208—209.

³⁵ См.: И. Гиганов. Указ. раб., стр. 171—172.

³⁶ См.: Мирза А. Казем-Бек. Указ. раб., стр. 155, 176.

³⁷ Там же, стр. 178.

³⁸ Там же, стр. 178—179.

³⁹ См.: М. А. Визиров. Учебник татарско-азербайджанского наречия. СПб., 1861, стр. 22; Л. Будагов. Практическое руководство турецко-татарского азербайджанского наречия. М., 1857, стр. 18, 189—190; Ал. Архангельский. Грамматика народно-татарского языка. Оренбург, 1894, стр. 37—38, 42, 45.

В «Грамматике киргизского языка» (Оренбург, 1897), составленной по «Грамматике алтайского языка» и «Материалам к изучению киргизского языка» Н. И. Ильминского (1869), разделы, посвященные вспомогательным глаголам и деепричастиям, были более полными, по сравнению с другими описательными грамматиками тюркских языков. Здесь понятия «простого» и «сложного» относятся не к глаголам, а к их спряжению: «Спряжение глаголов бывает простое и сложное с помощью вспомогательных глаголов, которые соединяются с деепричастиями или причастиями»⁴⁰.

В «Краткой грамматике казак-киргизского языка»⁴¹ П. М. Мелиоранского, также исходившего из «Грамматики алтайского языка», можно видеть большую четкость в изложении вопроса: «киргизские глаголы... не заключают в себе... сов., несов., многократности действия и т. п., которые в русском языке присущи глаголам...»; «киргизскому языку не свойственны и так называемые составные или сложные глаголы, также нередко служащие для выражения различных оттенков действия. Эти оттенки выражаются в киргизском языке посредством сочетания (разрядка наша. — А. А.) двух или нескольких глаголов...»; «глагол, выражающий главное понятие, стоит обычно в деепричастной форме, а глагол, выражающий оттенок действия (*описательный* глагол), — в окончательной, т. е. спрягаемой, форме»⁴². Из этих суждений следует, что, во-первых, киргизский глагол не содержит в себе количественной характеристики действия и простой глагол сам по себе не выражает протекания действия с точки зрения его внутреннего предела; во-вторых, так называемые сложные или составные глаголы в киргизском языке представляют собой сочетание двух или нескольких глаголов; наконец, в-третьих, вместо термина «вспомогательный глагол» автор употребляет более подходящий и удачный термин «описательный глагол».

Из теоретических положений «Грамматики алтайского языка» исходил также Н. И. Ашмарин, приводивший около пятидесяти глаголов чувашского языка, которые в «глагольных сочетаниях» могут быть «вспомогательными глаголами, или в известной степени подобными таковым»⁴³.

В зарубежной тюркологии описательные грамматика, как известно, посвящены большей частью грамматическому строю турецкого языка. Разделы сложных (составных) глаголов в них не отличаются оригинальностью, новизной подхода к проблеме глагольного словосложения.

В грамматиках, написанных на немецком языке, в отношении сложных (составных) глаголов обычно употребляется единый термин: *zusammengesetzte Verba*. Что же касается их вторых компонентов, то здесь имеются значительные расхождения во взглядах отдельных тюркологов. Так, А. Мюллер называл их глаголами обычными, привычного употребления⁴⁴. Г. Вейль и Л. Петерс считали, что в устойчивых глагольных сочетаниях спрягаемые глаголы принимают значение или характер вспомогательного глагола⁴⁵. Г. Янский различал вспомогательные глаголы (*Hilfsverba*) и фразеологические глаголы, к которым относил глаголы

⁴⁰ Грамматика киргизского языка. Фонетика, этимология и синтаксис. Изд. Православного Миссионерского общества. Оренбург, 1897, стр. 61. Ср. также: И. А. Беляев. Грамматика туркменского языка. Асхабад, 1915, стр. 52.

⁴¹ Ч. П. Синтаксис. СПб., 1897.

⁴² П. М. Мелиоранский. Указ. раб., стр. 41—44.

⁴³ См.: Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. II. Симбирск, 1923, стр. 40—51.

⁴⁴ Müller August. Türkische Grammatik. «Porta linguarum orientalium», pars XI. Berlin, 1889, стр. 109—110.

⁴⁵ Weil Gotthold. Grammatik der Osmanisch-türkischen Sprache. Berlin, 1917, стр. 98; Peters Ludwig. Grammatik der türkischen Sprache. Berlin, 1947, стр. 65—66.

абстрактного значения; *etmek* (*eylemak, kılmak, buyurmak*) 'machen', *olmak* 'werden, sein', *bulmak* 'finden'⁴⁶. Образованные при помощи последних составные глаголы Л. Петерс называл *перифрастическими*⁴⁷, а А. Зейдель — *описательными глаголами*⁴⁸.

Более дифференцированно подходят к вспомогательным глаголам в тюркских языках А. Габэн⁴⁹ и М. Ряснен⁵⁰. А. Габэн выделяет три группы вспомогательных глаголов: 1) собственно вспомогательные (*är-, bol-, tut-*), служащие главным образом для уточнения времени; 2) модальные (основной глагол при них стоит в деепричастной форме); 3) описательные глаголы, показывающие, как реализуется и протекает действие. Две последние М. Ряснен объединяет в одну группу модальных или описательных глаголов (*bil, al, u(j), başla, bar, kit, çuk* и др.). К собственно вспомогательным же глаголам общетюркского характера М. Ряснен относит следующие: *är 'sein', bol 'werden, sein', tur 'stehen, sein', jat 'liegen, leben', oltur 'sitzen', jür 'gehen, leben'*.

В самом понимании сложного глагола отдельными авторами явственно прослеживается влияние широко распространенных в индоевропейском языкознании взглядов. И в классификации сложных глаголов обычным является морфологический принцип, на основании которого устанавливаются две большие группы: 1) имя+глагол, 2) глагол в деепричастной форме+глагол в спрягаемой форме⁵¹.

В наиболее полной грамматике турецкого языка Ж. Дени⁵² рассматриваются три способа аналитического глаголообразования: 1) так называемые перифрастические формы⁵³ глагола (например, *yazmış olmak* досл. 'быть написавшим'; по терминологии Ж. Дени — «*complexe*»); 2) соединения деепричастных форм глагола с некоторыми спрягаемыми глаголами, выступающими в роли вспомогательных («*periphrastique*»), напр.: *ala bilmek* 'суметь взять', *baka durmak* 'засмотреться' и т. д., которые выражают различные модальные, видовые и прочие оттенки того или иного действия, состояния (возможность, длительность, быстроту и т. п.); 3) так называемые составные глаголы типа *katl etmek* 'убивать', *muvafak olmak* 'достичь' и др.⁵⁴

В грамматиках турецкого языка, изданных в Турции, трактовка вопроса глагольного словосложения в общем сколько-нибудь существенно не отличается от европейской традиции. Интересно отметить, что уже в первой со времени перехода на латинизированный алфавит грамматике турецкого языка⁵⁵ сложным глаголам отводится довольно значительное место. По определению автора этой грамматики И. Неджми, если основа глагола состоит из двух или более слов, то такие глаголы назы-

⁴⁶ *Jansky Herbst*. Lehrbuch der türkischen Sprache. 3. unveränd. Aufl. Wiesbaden, 1955, стр. 58, 156—158.

⁴⁷ *L. Peters*. Указ. раб., стр. 65—66.

⁴⁸ *A. Seidel*. Türkisch. I. Aufl. Berlin, 1906, стр. 20.

⁴⁹ *A. von Gabain*. Alttürkische Grammatik. Lpz., 1941, стр. 126—131; *ee же*. Özbekische Grammatik. Lpz., 1945, стр. 113—127.

⁵⁰ *Räsänen Martti*. Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. — «*Studia Orientalia...*», vol. XXI. Helsinki, 1957, стр. 169—185.

⁵¹ Ср., напр.: *J. Németh*. Türkische Grammatik. Berlin und Lpz., 1916, стр. 95—96.

⁵² *Deny Jean*. Grammaire de la langue turque. Dialecte osmanli. Paris, 1921.

⁵³ См.: *М. С. Михайлов*. Перифрастические формы и категория вида в турецком языке. М., 1954. Критика основного положения М. С. Михайлова о том, что главной функцией перифрастических форм является выражение категории вида, содержится в статье П. И. Кузнецова «К вопросу о перифрастических формах турецкого языка» («Краткие сообщения ИВ АН СССР», 18. Язык. М., 1956, стр. 19—33).

⁵⁴ См.: *J. Deny*. Türk dili grameri (osmanli lenceşi). Перевел с французского на турецкий язык Ali Ulvi Elöve. İstanbul, 1941, стр. 465—479.

⁵⁵ *İbrahim Nesmi (Dilmen)*. Türkçe gramer. İkinci kısım. İstanbul, 1929.

ваются сложными: *yetişememek* 'не суметь достичь', *yapabilmek* 'суметь сделать', *uzatıvermek* 'протянуть', *meram etmek* 'желать; намереваться' и т. д. В каждом из этих глаголов соединены две основы (*madde*) и образован новый глагол. Сложные глаголы образуются двояким путем: 1) глагол в деепричастной форме + модифицирующий глагол; 2) имя + глагол широкого значения⁵⁶.

Заслуживает внимания также концепция глагольного словосложения, изложенная в обобщающем труде А. Дж. Эмре «Турецкое языкознание»⁵⁷. Автор не различает понятия сложения применительно к «сложным словам» и «сложным глаголам», которыми одинаково обозначаются соединение и слияние воедино двух и более слов (*bileşik, composé*). При этом сложные временные и перифрастические формы глагола отнюдь не входят в глагольное словосложение. Особняком стоят также парные глаголы (*katmerli fiiller*) и виды глагола (*eylem görünüşleri, Aktionsart, aspect*)⁵⁸.

В советской тюркологии проблеме глагольного словообразования и в том числе словосложения уделяется значительное внимание. Кроме многочисленных общих пособий по грамматикам отдельных тюркских языков, имеются десятки специальных исследований, диссертационных работ, посвященных сложным и составным глаголам, аналитическим формам глагола, вспомогательным глаголам, видам глагола и т. д. Гораздо менее изучены лексико-семантические принципы образования и употребления сложных глаголов, а также лексико-грамматические закономерности глагольного словосложения.

А. Н. Самойлович, различая три группы вспомогательных глаголов (недостаточные, собственно-вспомогательные и описательные глаголы служебного характера), выделяя, в частности (кроме различных форм глагола), «описательные выражения» (деепричастие + глагол) и «описательные сочетания» (имя + глагол). При этом сложными глаголами он считал лишь «описательные сочетания» (имя + описательный глагол служебного характера)⁵⁹.

В. А. Гордлевский писал, что составные глаголы «состоят из арабского или персидского имени и вспомогательного глагола» главным образом «универсального значения»⁶⁰.

А. К. Боровков рассматривал внутриглагольное аналитическое словопроизводство, как средство образования грамматической категории совершенного вида, причем понятие вида он связывал с «представлением о характере деятельности, действия, состояния, выраженного глаголом»⁶¹. «Понятие законченности, завершенности действия, — писал А. К. Боровков, — выражается в уйгурском языке описательно, посредством особых вспомогательных глаголов», когда «глагольный признак и самый глагол как бы сливаются вместе: *oqır sıqtı* — прочел (букв. «прочитав вышел») ...»⁶² Эта точка зрения была подвергнута справедливой критике, в частности, Б. А. Серебренниковым: «В тюркских языках сочетания вспомо-

⁵⁶ См.: *Ibrahim Nesmi (Dilmen)*. Указ. раб., стр. 75, 85—86.

⁵⁷ А. С. *Emre. Türk Dilbilgisi*. İstanbul, 1945.

⁵⁸ См. там же, стр. 79, 115—118, 383—384, 389—392.

⁵⁹ См.: А. Самойлович. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925, стр. 69—72.

⁶⁰ В. А. Гордлевский. Грамматика турецкого языка. М., 1928, стр. 36, 39. Термин «глагол универсального значения» восходит, по-видимому, к О. Бётлингу: *Verba von allgemeinerer Bedeutung (O. Böhlingk. Über die Sprache der Jakuten. T. I. SpB., 1851, стр. 386)*. Ср. также: Л. Жирков. Персидский язык. Элементарная грамматика. М., 1927, стр. 78, где говорится о сочетании имени с глаголом универсального значения.

⁶¹ См.: А. Боровков. Учебник уйгурского языка. Л., 1935, стр. 172.

⁶² Там же, стр. 175—176.

гательных глаголов с деепричастиями на *-ып* не являются универсальным средством выражения законченности, завершенности глагольного действия. Они выражают законченность действия не вообще, а проявляемую в рамках дополнительного оттенка, привносимого вспомогательным глаголом...»⁶³

В противоположность А. К. Боровкову В. М. Насилов не усматривал особой категории глагольного вида в сочетаниях вспомогательной (спрягаемой) и основной (деепричастной) форм глагола, то есть в сложных глаголах, а говорил лишь о функциях вспомогательных глаголов в уйгурском языке, о различных оттенках, в том числе видовых, привносимых ими⁶⁴. Сомнение вызывает лишь отнесение им деетимологизированных стяженных форм глаголов к сложным глаголам (*elip ba(r) > arpa(r)* 'унеси', *elip kət > əkkət* 'отнеси', *elip kəl > əkkəl* 'принеси', *elip siq > əssiq* 'вынеси', *elip siq > əssiq* 'внеси')⁶⁵. По сути дела, это уже простые глаголы, ибо они опрошены.

Кроме сложных глаголов, В. М. Насилов различал еще составные глаголы, образованные путем «соединения имен и глаголов *qil-* или *et-* для активной формы и *qilin-*, *bol-* для пассивной формы»⁶⁶. Ограничение круга составных глаголов глаголами указанного типа следует считать положительным явлением. Аналогичной точки зрения придерживаются Э. В. Севортян, Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов, А. Г. Гулямов⁶⁷.

С мнением В. М. Насилова относительно сущности вспомогательных (служебных) глаголов во многом солидаризировалась Н. П. Дыренкова, которая тоже считала, что сложный глагол представляет собой «своего рода синтаксическое сочетание» деепричастия основного (главного) глагола и так называемого вспомогательного глагола в окончательной форме, сочетание, образующее «единое целое» с «одним общим понятием», причем в деепричастии автором усматривалось «своего рода дополнение» к спрягаемой глагольной форме⁶⁸.

И. А. Батманов сочетания деепричастных форм с вспомогательными глаголами, образующие единое понятие, называл *сложными основами* (вспомогательные глаголы в них не употребляются в самостоятельном значении). Рассмотрев особенности употребления ряда вспомогательных глаголов в киргизском языке, И. А. Батманов пришел к выводу, что сочетания деепричастия на *-ыр* с вспомогательными глаголами *çur-*, *tur-*, *çat-*, *otur-*, выражающие значения постоянства, обычности, эпизодичности и т. д., образуют *описательные (аналитические) составные глагольные основы*⁶⁹. Таким образом, И. А. Батманов разграничивал сложные глагольные основы и сложные формы глагола, называемые им *составными глагольными основами*.

Как известно, идеи Н. К. Дмитриева в области грамматики нашли наиболее полное выражение в его «Грамматике башкирского языка». Н. К. Дмитриев утверждает, что вспомогательные глаголы *бул* 'становиться', *ит-* (*яһа*) 'делать', выполняя «роль некоего словообразовательно-

⁶³ Б. А. Серебренников. Проблема глагольного вида в тюркских языках. — В кн.: «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958, стр. 25.

⁶⁴ См.: В. М. Насилов. Грамматика уйгурского языка. М., 1940, стр. 119—126.

⁶⁵ Там же, стр. 120—122.

⁶⁶ Там же, стр. 127.

⁶⁷ См.: Э. В. Севортян. К соотношению грамматики и лексики в тюркских языках. — «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 363—364; Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II, ч. I. М., 1952, стр. 326; А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 263—268; А. Г. Фуламов. Фельд. Ташкент, 1954, стр. 67—68; 72—73.

⁶⁸ См.: Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 134, 190.

⁶⁹ См.: И. А. Батманов. Грамматика киргизского языка. Вып. III (Типы отглагольных образований и их функции). Фрунзе, 1940, стр. 5, 33—34, 37.

го элемента..., образуют производные глаголы от имен арабского и инфинитива русского происхождения». Разумея под видом глагола «количественную модификацию основного действия», Н. К. Дмитриев относил к видам аналитического типа комбинации деепричастия и спрягаемой формы модального глагола⁷⁰.

А. Г. Гулямов рассматривал сложные глаголы в узбекском языке в аспекте словосложения. Сложный глагол (*к^ушма феъл*) образуется путем соединения двух и более корней, представляя собой лексико-семантическое и грамматическое единство (единое слово), выражающее одно понятие. Основное значение сложного глагола обычно содержится в первом компоненте, второй же — выступает в качестве вспомогательного элемента. К числу отличительных особенностей сложного глагола А. Г. Гулямов относил такие, как неактуальность синтаксических связей между компонентами, подчинение последних объединяющему главному ударению, выполнение единой синтаксической функции в предложении и др.⁷¹

А. Н. Кононов под сложными глаголами первоначально понимал «лексико-синтаксические комплексы» аналитического и синтетического типа (аналитический тип: имя+вспомогательный глагол; синтетический тип: деепричастие+окказионально-вспомогательный глагол). При этом А. Н. Кононов считал, что сложный глагол синтетического типа не образует нового слова, так как второй компонент лишь модифицирует значение первого компонента-носителя основного значения, усложняя его видовыми оттенками (мгновенности, длительности, инхоативности, многократности и т. д.), выражением направленности действия, целеустремленности (для субъекта ~ для объекта), возможности ~ невозможности или способа, образа совершения действия⁷². В последующем эта точка зрения, естественно, привела к полному отказу от термина «сложный глагол синтетического типа»: в «Грамматике современного турецкого литературного языка» уже прямо говорится, что глаголы, образованные *синтетическим способом*, — это коренные и производные глагольные основы; глаголы же, образованные *аналитическим способом*, — это составные (сложные) глаголы типа «имя+«вспомогательный» глагол»⁷³.

Н. А. Баскаков различает две группы глаголов, «образовавшихся синтаксическим способом словообразования»: а) составные глаголы (имя+вспомогательный глагол) и б) сложные глаголы (деепричастие основного глагола+вспомогательный глагол)⁷⁴. З. И. Алиева же совершенно необоснованно утверждает, будто Н. А. Баскаков устанавливает в каракалпакском языке три типа сложных глаголов, которые можно иллюстрировать, например, следующими образованиями: а) *бала екен*, б) *джокъ ет*, в) *пайда бер*⁷⁵. Таким образом, получается, что собственно сложные (в понимании Н. А. Баскакова) глаголы исключаются из его же классификации глаголов, образованных синтаксическим способом!

Проблема глагольного словосложения в тюркских языках стала объектом внимания и Х. Байлиева, отметившего в специальной статье

⁷⁰ См.: Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 179, 194—196; ср. также: Л. Н. Харитонов. Современный якутский язык. Ч. I. (Под ред. Н. К. Дмитриева). Якутск, 1947, стр. 218—220.

⁷¹ См.: А. Г. Гулямов. Указ. раб., стр. 67—77.

⁷² См.: А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 144—147.

⁷³ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, стр. 255.

⁷⁴ См.: Н. А. Баскаков. Каракалпакский язык, II, ч. I. М., 1952, стр. 323.

⁷⁵ См.: З. И. Алиева. Мүасир Азербайжан дилинде муреккэб фе'ллэр. — «Труды Института литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР, серия «Языкознание», т. VIII. Баку, 1957, стр. 130.

большое теоретическое и практическое значение изучения широкоупотребительных и распространенных сложных глаголов в языках тюркской системы⁷⁶. Заслугой Х. Байлиева явилось проведение им исследования сложных глаголов в туркменском языке на базе теоретического осмысления отечественными учеными аналогичных образований в новоиндийских языках. Вслед за А. П. Баранниковым Х. Байлиев различал две группы сложных глаголов: так называемые номинOVERбальные сочетания и сложнOVERбальные глаголы. По мнению Х. Байлиева, в связи с тем, что эти две группы совершенно отличны друг от друга, очень трудно дать общее определение всем сложным глаголам. И действительно, если, с одной стороны, «нет различия в значениях простых и сложных глаголов: *харч этмек — харчламак, тербие этмек — тербиеелемек, харап этмек — харапламак*», а с другой — «*ген атмак* (соответствует азерб. *k'eif çäk'täk'*. — А. А.), *дынч алмак, гаршы алмак, гам иймек, аяк чекмек, дил узатмак, ян бермек* — идиоматические словосочетания»⁷⁷, — то нельзя не согласиться с автором, что общее определение хотя бы даже номинOVERбальных сочетаний представляет значительную сложность. Не меньшую трудность представляет также определение сложнOVERбальных глаголов, если учесть, что последние могут выражать постоянство, направление действия, видовые (количественные) оттенки процесса действия, сложное настоящее время данного момента, модальность и т. д.⁷⁸ Таким образом, в рамках рассматриваемой концепции оказывается невозможным дать сколько-нибудь удовлетворительное с точки зрения учения о словосложении определение понятия сложного глагола.

К сожалению, полной ясности в постановку проблемы глагольного словосложения не внесло и монографическое исследование С. Акбарова, в котором говорится то о «сложных формах глагола», которые якобы «образовались из синтаксического отношения двух основ», то о «словосочетаниях», образовавшихся «из двух глагольных основ», и т. д. Терминологическая неопределенность в этой работе сочетается с не совсем убедительным отнесением к числу сложных глаголов самых различных синтаксических конструкций. Предлагаемая же автором классификация сложных глаголов базируется на «синтаксической природе сложных форм глаголов»⁷⁹.

В отличие от Х. Байлиева, С. Акбарова и ряда других исследователей Б. М. Юнусалиев (как и И. А. Батманов, а также некоторые другие авторы) относил к сложным глаголам лишь такие сочетания «вербальных лексических единиц», в которых первый элемент — «носитель основного семантического значения», а все остальные — «уточнители, модификаторы, выразители, передатчики» различных грамматических категорий, например: *жыгылып кете жаздап калдым* 'я чуть не упал'⁸⁰.

Ввиду того что освещению разработки данного вопроса в азербайджанском языкознании, а также лексико-семантической и грамматической природе сложного глагола на материале современного азербайджан-

⁷⁶ См.: Х. Байлиев. Сложные глаголы в туркменском языке. — «Проблемы туркменской филологии», т. I. Ашхабад, 1944.

⁷⁷ См.: «Материалы по грамматике туркменского языка». Ашхабад, 1956, стр. 7—8, 13—14.

⁷⁸ См.: Х. Байлиев. Указ. раб., стр. 8—10.

⁷⁹ См.: С. Акбаров. Сложные глаголы в узбекском языке. Канд. дисс. Ташкент, 1949, стр. 1, 4, 10—11.

⁸⁰ См.: Б. М. Юнусалиев. Вспомогательные глаголы в киргизском языке. Канд. дисс. Фрунзе, 1949, стр. 75—76, 82, 90.

ского языка нами посвящались специальные статьи⁸¹, вновь возвращаться к ним мы считаем излишним.

Итак, краткий обзор истории разработки проблемы глагольного словосложения позволяет прийти к выводу, что решающим критерием в отнесении тех или иных сочетаний к сложным глаголам считалась смысловая целостность, то есть неделимость сочетания двух или нескольких слов, образующих единое понятие. Вместе с тем сложные глаголы в тюркских языках классифицировались в основном по морфологическим и синтаксическим принципам, тогда как лексико-семантические и логико-семантические условия сочетаемости компонентов сложного глагола оставались за пределами исследований. Терминологическое определение сложного глагола, вопрос о границах сложного или составного глагола, типология глагольного словосложения — таковы, на наш взгляд, те важнейшие вопросы, которые требуют дальнейшего тщательного изучения.

⁸¹ См.: А. Г. Элакбаров. Мүасир Азербайжан дилинде мүрәккәб фе'л мәсәләсинә даир. — «Литературоведческий и языковедческий сборник» (Труды Института литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР, т. XV). Баку, 1960, стр. 98—117; его же. Типы сложных глаголов в современном азербайджанском языке. — «Известия АН Азерб. ССР. Серия общественных наук», 1960, № 4, стр. 87—98.

М. Р. ФЕДОТОВ

В. В. РАДЛОВ И Н. И. АШМАРИН О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

Чувашский язык по своему словарному и звуковому составу, морфологическому строю, а также по способу сочетания слов в предложении, несомненно, является языком тюркским. Отнесение его к семье тюркских языков в настоящее время ни у кого принципиальных возражений не вызывает. Между тем, как известно, еще сравнительно совсем недавно у историков, этнографов и языковедов не было единой точки зрения на происхождение чувашского языка. Одни утверждали, что чувашский язык исконно тюркский язык, сформировавшийся в процессе многовекового развития. Другие, хотя и не опровергали того факта, что чувашский язык принадлежит к тюркским языкам, однако полагали, что он образовался не на тюркской основе. Самым видным представителем последнего направления был В. В. Радлов. Наблюдая характерный для чувашского языка переход тюркских палатальных гласных в гуттуральные, то есть узких в широкие, отсутствующий во всех других тюркских языках, он утверждал, что такой переход мог возникнуть только на нетюркской почве. Следовательно, чуваша в древности говорили на каком-то своем нетюркском языке, и тюркские слова поэтому усваивались ими как иноязычные, например: вместо тюрк. *ätik* > чув. *ada*, вместо тюрк. *äläk* > чув. *ala*¹.

Тюркизацию чувашского языка В. В. Радлов раскрывает на чрезвычайно простой и наглядной схеме видоизменения тюркских гласных, и прежде всего звука *a*.

Тюркизация чувашского языка, по В. В. Радлову, проходила в три этапа (периода).

В первый период тюркские слова усваивались чувашским языком в искаженном виде, например: тюрк. *a* > чув. *i*: *qarun* > чув. *xĩgam*, *ta-mug* > чув. *tĩmar*, *ajt* > чув. *ijt*, *altyn* > чув. *iltan*.

Во второй период чуваша постепенно осваивали правильное произношение тюркских слов, что можно проследить на примере заимствованных татарских слов, подвергавшихся уже меньшим искажениям: тюрк. *a* > чув. *u*: *qarundaš* > чув. *xurandaš*, *baš* > чув. *pus'*, *pos'*, *qazan* > чув. *xu-gan*, *arba* > чув. *uraba*².

¹ См.: *W. Radloff*. *Phonetik der nördlichen Türk Sprachen*. Leipzig, 1882, стр. 89.

² В своей неопубликованной работе В. В. Радлов признает, что первые два периода по времени совпадают (*Altürkische Studien*, VII). Вторая его поправка касается оканья и уканья в чувашском языке. По его мнению, которое теперь почти всеми разделяется, в «северо-западном тюркском языке» имелся лабиализованный звук (*a^o*), который все чуваша усвоили как *o*, произносимое и до сих пор в вирьял-диалекте, впоследствии этот звук у анатри-чувашей перешел в *y* (*Altürkische Studien*, VII, стр. 34—35).

В третий период тюркские звуки стали для чувашей привычными и произносились точно так же, как и самими татарами, то есть тюрк. *a* = чув. *a*: qaḷaq, qaḷkaq, qarqaq, pazar.

Теорию В. В. Радлова относительно нетюркской основы чувашского языка первоначально разделял и Н. И. Ашмарин, полагая, что «язык чуваш имеет какое-то отношение к финским наречиям». В подтверждение своей мысли он указывает на аффикс множественного числа *saq, saq* (мар. лугов. *šamĩc*) и отрицательную частицу повелительного наклонения *aq*: *aq qala* 'не говори', удм. *äp veqa* 'не говори' от *veqañi* 'говорить'³.

Но уже в предисловии к первой части своего труда, посвященного исследованию чувашского синтаксиса, Н. И. Ашмарин высказывает совсем иные суждения:

«Мы знаем также, — пишет он, — что в чувашском языке, который в основе представляет собою одно из тюркских наречий, есть несомненные финские элементы, которые тоже должны были сыграть известную роль в деле пересоздания языка в ту давнюю пору, когда тюркские чуваша, поселившись на берегах Волги, стали смешиваться с жившими здесь финскими племенами. Некоторые из финских элементов чувашского языка заимствованы чувашами от их соседей черемис; последнее в особенности имело место у верховых (козьмодемьянских) чуваш. Относительно причин, обусловивших присутствие инородной примеси в чувашском языке, я держусь несколько иного мнения, нежели академик В. В. Радлов. Последний объясняет своеобразный характер этого тюркского наречия тою причиною, что чуваша, не тюрки по происхождению, мало-помалу, в несколько периодов, усвоили себе тюркский язык, видоизменив его на почве собственного, ныне ими совершенно забытого языка; я же держусь в настоящее время другого мнения и думаю, что дело здесь обстояло иначе. Не чужеродцы исказили перенятое ими тюркское наречие, а тюрки (чуваша) утратили чистоту своего родного говора, приняв в свою среду чуждый элемент в лице финнов Поволжья. Мне кажется, что здесь произошел в более грандиозных размерах такой же процесс изменения языка, какой мне уже пришлось констатировать раньше у чуваш Козьмодемьянского уезда, живущих на границе черемисских селений и изменивших свое наречие в силу брачных связей с горными черемисами. Впрочем, чувашские слова, перешедшие в древности в мадьярский язык, доказывают ясно, что своеобразный характер чувашского наречия уже был ему присущ и в древности, раньше IX столетия нашей эры, а, кроме того, существуют некоторые положительные факты, позволяющие думать, что первоначальная родина чуваш была не на среднем течении р. Волги, в области финнов, а гораздо южнее»⁴.

Собственно, этим высказыванием, пожалуй, исчерпывается кредо Н. И. Ашмарина относительно эволюции чувашского языка. В последующих своих трудах специально на этом вопросе он почти нигде не останавливается.

Нет сомнения, что точка зрения Н. И. Ашмарина хорошо была известна В. В. Радлову, который очень ценил научные работы Н. И. Ашмарина (чувашский материал в последнем неизданном сочинении В. В. Радлова, например, полностью почерпнут из «Материалов по исследованию чувашского языка» Н. И. Ашмарина). По инициативе В. В. Радлова в 1917 г. Императорской Академией наук было принято постановление об

³ См.: Н. И. Ашмарин. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, стр. XIX—XXIV.

⁴ Н. И. Ашмарин. Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. I. Казань, 1903, стр. V—VII.

издании «Образцов чувашской народной словесности» Н. И. Ашмарина, а также решение о ходатайстве перед Министерством народного просвещения о назначении Н. И. Ашмарина преподавателем чувашского и татарского языков в Казанском университете (к сожалению, ни то, ни другое не было осуществлено).

Спустя тридцать лет, вновь обращаясь к чувашскому языку, В. В. Радлов в своем уже упоминавшемся неизданном труде писал: «Впечатление, которое у меня сложилось в результате своих исследований об отношении чувашского к тюркским языкам, я пытался в кратких чертах изложить в своей Фонетике, и сейчас я всячески подтверждаю свое прежнее мнение»⁵.

Далее В. В. Радлов подробно излагает свою точку зрения:

«На основе сходства болгарских слов, встречающихся на могильных камнях, с современными чувашскими словами мы с уверенностью можем сказать, что язык болгар следует считать предыдущей ступенью современного чувашского языка и что тюркизация болгар в XIV веке шагнула уже далеко вперед. Тюркизация коренного населения Волго-Камья, как показывает нам чувашский язык, протекала по-другому, нежели тюркизация якутов. В то время как монголы и лесные урянхайцы в бассейне Лены разом были наводнены большими массами ворвавшихся тюркских племен и благодаря чему за короткое время образовался смешанный язык, в котором тюркский элемент сразу выступил в доминирующей роли, в праязык чуваш, первоначально несомненно угро-финский, тюркские элементы вошли постепенно, благодаря непрерывному соседскому общению в течение более чем тысячи лет, и со временем вытеснили собственный языковой материал»⁶.

В. В. Радлов в словаре якутского языка О. Н. Бётлингга к тюркским отнес лишь одну треть слов. В чувашском словаре Паасонена слова нетюркского или сомнительного происхождения, по его мнению, составляют едва ли 25%, в то время как остальные 75%, безусловно, заимствованы из тюркских языков.

Зато якутскую морфологию В. В. Радлов считает тюркской, так как, по его мнению, она насквозь пронизана агглютинацией, прозрачна и последовательна.

Чувашские словообразовательные и словоизменительные аффиксы В. В. Радлов также считает тюркскими, хотя они и не представляют стройной картины, ибо были заимствованы в разное время из различных тюркских диалектов и зачастую при этом искажены до неузнаваемости. Одним словом, В. В. Радлов здесь фактически повторяет сказанное Н. И. Ашмариным относительно нетюркских элементов в чувашском языке: по сравнению с другими тюркскими языками в чувашском наблюдаются различные фонетические и морфологические изменения, многочисленные сокращения и усечения, не всегда строго соблюдается закон гармонии гласных; эти изменения может претерпевать даже корень слова; встречаются также формообразующие элементы, нетюркские по происхождению. По мнению В. В. Радлова, всё это, как уже отмечалось, свидетельствует о том, что первооснова чувашского языка нетюркская, в противном случае этот язык не отличался бы так существенно от остальных тюркских языков⁷.

⁵ Турецкие этюды (Alttürkische Studien, VII). Старотурецкие языки и чувашский язык (2-ая редакция). Работа 1916 года (лето). — ЛО Архива АН СССР, ф. 177, оп. 1, № 30, стр. 6—7.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 7—9.

Здесь нет возможности пересказать все содержание рукописи В. В. Радлова, представляющей собой целую монографию. Остановимся лишь на двух кардинально важных вопросах из области консонантизма, которым В. В. Радлов уделяет большое внимание,—это ламбдаизм и ротацизм. Говоря о **ламбдаизме**, В. В. Радлов приводит ряд чувашских примеров, в которых конечное -l соответствует конечному -š уйгурских слов. Столь характерное для чувашского языка явление ламбдаизма он объясняет перенесением гипотетического северо-западного тюркского языка (Nord-West-Türkisch) на нетюркскую чувашскую почву (полагая, очевидно, что этот северо-западный тюркский диалект был родствен уйгурскому). В подтверждение своей гипотезы он ссылается на уйгурское слово *tül* 'сон, сновидение' (в остальных тюркских языках, в том числе и в «Кутадгу билиг», постоянно пишется *tüš*). Но так как в уйгурском рядом с *tül* встречается также *tüšä*, например, *tül tüšä* 'видеть сон', В. В. Радлов слово *tül* считал заимствованием из какого-то неизвестного языка. Сопоставляя уйгурское *tül* с чувашским *telek* (по В. В. Радлову, *telek* усвоено чувашами в форме уйгурского аккузатива; в самом деле, как уйгурский аккузатив, так и аккузатив орхоно-енисейских памятников имеет аффикс -iγ, -ig, -uγ, -üγ. — М. Ф.), он делает заключение, что в некоторых корневых словах конечный -š стал переходить в -l еще в эпоху северо-западных тюркских диалектов, и в этой форме вошел в чувашский язык⁸. Между тем *tül tüšä* 'видеть сон' (ДТС, 596) не является единственным примером. В Древнетюркском словаре приводится еще одно парное словосочетание: *tol-toš* 'наполняться' (ДТС, 572), где *tol-* 'наполняться', *toš-* 'наполнять' (ДТС, 578). Естественно, возникает вопрос: имеет ли здесь место явление ламбдаизма? Этот вопрос остается открытым.

Явление **ротации** В. В. Радлов объясняет несколько иначе. Известно, что в середине и конце слова тюркские *d*(δ), *z*, *j* в чувашском языке соответствуют *г*. В. В. Радлов замечает, что эти слова перешли в чувашский язык в период, когда северо-западный тюркский диалект был *z*-языком, а переход *z* > чув. *г* совершился уже на почве чувашского языка, что подтверждает, по его мнению, например, факт превращения перс. *آدينه* в чув. *ägnä*, что могло произойти лишь после X столетия и только на чувашской почве.

Таким образом, по В. В. Радлову, трансформация персидских слов «на чувашской почве» («первоначально несомненно финно-угорской») совершилась после X века.

Это противоречит общепринятому в финно-угроведении мнению о том, что иранские заимствования начали проникать в финно-угорские языки очень давно, то есть, как полагают специалисты, в эпоху финно-угорской общности. В этот период финно-угорские этнические образования были расселены где-то в Восточной Европе и являлись северными соседями иранских племен. Об этом свидетельствуют несомненные иранские заимствования в марийском, мордовском, удмуртском, коми языках, появившиеся во всяком случае намного раньше прихода болгар на Волгу, то есть до VII века.

Что касается *آدينه*, то это слово усвоено чувашами не через финно-угорское посредство, а наоборот, в финно-угорские языки оно пришло из чувашского: мар. *agn'a*, марГ. *ägn'ä*, удм. *agn'a*. Кроме того, это персидское слово в других тюркских языках имеет три варианта: др.-тюрк. *adīna*, башк. *абна*, кыпч.-половецк. *ajna* (*kün*), то есть они состав-

⁸ Турецкие этюды..., стр.8.

ляют звено в цепи подобных тюркских слов с чередованием $d \sim \delta \sim j \sim r$, например: др.-тюрк. $adaq \sim адаq \sim ajaq$ 'нога' \sim чув. uga, oga ; др.-тюрк. $tudun \sim tubun$ 'титул, распорядитель' \sim чув. $taqan$ и многие другие.

Доказательства того, что чувашская ротация произошла после X века, нет. Нет также серьезных возражений и против предположения о том, что ротацизм представляет собою наследие алтайского языкового состояния, совпадающего по времени с финно-угорской языковой общностью.

Последующие исследования тюркских и финно-угорских языков показали необоснованность теории происхождения чувашского языка, предложенной в свое время В. В. Радловым. Разумеется, в чувашском языке имеется большое количество финно-угорских, преимущественно марийских слов (более 150). Специально занимаясь этой темой, мы не смогли обнаружить бесспорных грамматических форм, которые органически проникли бы в чувашский язык. Что же касается заимствованной лексики, то по этому поводу можно сказать следующее.

Исторически марийский и чувашский языки очень сблизились благодаря их территориальной общности и существованию многовековой традиции смешанных браков. Это сближение повлекло за собой ряд конвергентных явлений, которые в свою очередь породили дивергентные процессы (например, в горно-марийском языке или сундырско-моргаушской группе говоров чувашского языка). С достаточным основанием можно утверждать, что значительная часть носителей северо-западных диалектов чувашского языка когда-то представляла собою финно-угорскую субстратную этническую основу, которая впоследствии была полностью или частично тюркизирована, но, как справедливо полагал Н. И. Ашмарин, «тюрки (чуваша) утратили чистоту своего родного говора, приняв в свою среду чуждый элемент в лице финнов Поволжья». Возможно, что при этом происходили как фонетические, так и морфологические изменения во взаимодействовавших языках. Массовый поток взаимопроникающей лексики мог, безусловно, повлиять и на структуру предложения. Возникнув в определенном месте, новый языковой фактор постепенно приобрел массовый характер и распространился в определенных географических границах.

Как же нам представляется происхождение и становление чувашского языка?

Известно, что слово *тюрк* (кит. *тукюе*, греч. *тоорхой*) получило распространение как название народа в VI в. н. э., вместе с возникновением могущественной кочевой империи, известной под названием Великого тюркского каганата и простиравшейся от Монголии и северных границ Китая до Черного моря. Это государство, просуществовавшее до 744 г.⁹, оставило истории так называемые рунические надписи на каменных стелах (надгробиях), монетах, металлических зеркалах, бляшках, пряслицах, золотых и серебряных сосудах¹⁰.

Окончательная расшифровка орхоно-енисейских памятников датским ученым В. Томсенем в конце XIX века (1893) показала, что язык обелисков с некрологами можно считать пратюркским, однако следует особо отметить, что от чувашского языка он отличается такими же фонетическими и морфологическими особенностями, как и остальные современные тюркские языки. Свойственное общетюркскому и чувашскому языкам фонетическое соответствие $z \sim r, \check{s} \sim l$ ни в одном из тюркских

⁹ В. В. Бартольд. Тюрки (историко-этнографический обзор). — Сочинения, т. V, стр. 576.

¹⁰ А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — «Тюркологический сборник 1970». М., 1970, стр. 111.

памятников, начиная с орхоно-енисейских (VII—VIII вв.) и до «Дивану луғат-ит-турк» Махмуда Кашгари (XI в.), не наблюдается. Нет этого соответствия и в других средневековых памятниках. В ту эпоху носителей тюркского языка со следами ротацизма и ламбдаизма, характерных также для монгольских языков, в Азии уже не было. По справедливому предположению ряда лингвистов и историков, в эпоху расцвета Великого тюркского каганата (VI—VIII вв.) в Европе существовало какое-то этническое объединение, говорившее на языке, близком современному чувашскому. Очевидно, под этим этническим союзом подразумевают хазар и болгар.

К указанной эпохе следует отнести первые контакты тюркоязычных пришельцев из Азии с финно-угорскими племенами. Надо думать, что к последним принадлежали предки современных венгров (угров), мари, эрзя, мокши, удмуртов, коми, так как среди имеющихся в их языке многочисленных тюркских заимствований есть такие, которые по своему фоно-морфологическому облику весьма близки к современным чувашским словам. Приведем примеры из венгерского языка.

- чув. $\bar{v}a\bar{g}a\bar{g}$ (~ монг. $\bar{u}ker$) > венг. $\bar{o}k\bar{o}g$, ср. др.-тюрк. $\bar{o}g\bar{u}z$ 'бык, вол';
 чув. $\bar{j}e\bar{g}e\bar{g}$ (~ монг. $\bar{e}keri \sim \bar{i}keri \sim \bar{i}kere$) > венг. $\bar{i}ke\bar{g}$, ср. др.-тюрк. $\bar{e}kiz$ 'близнецы, двойня';
 чув. $\bar{r}a\bar{g}u$ (~ монг. $\bar{b}i\bar{r}a\bar{g}u$) > венг. $\bar{b}o\bar{g}j\bar{u}$, ср. др.-тюрк. $\bar{b}u\bar{z}a\bar{y}$, $\bar{b}u\bar{z}a\bar{y}u$ 'теленки';
 чув. $\bar{t}'e\bar{g} \bar{k}us's'i$ (~ халма-монг. $\bar{t}urii$ 'голенище') > венг. $\bar{t}e\bar{g}(d)$, ср. др.-тюрк. $\bar{t}iz$ 'колени';
 чув. $\bar{x}u\bar{g}a\bar{n}$ (~ монг. $\bar{x}a\bar{r}a\bar{ng}\bar{y}a$ 'медный чан') > венг. $\bar{h}a\bar{r}a\bar{ng}$ 'колокольчик, бубен', ср. тат. $\bar{q}a\bar{z}a\bar{n}$ 'котел';
 чув. $\bar{s}'i\bar{r}$ (~ монг. $\bar{j}iru$) > венг. $\bar{i}r$, др.-тюрк. $\bar{j}az$ 'писать';
 чув. $\bar{s}ur$, $\bar{s}or$ (~ монг. $\bar{s}aruk$ «marc, lie, résidu»,¹¹ $\bar{s}iger$ «Sumpf»¹²) > венг. $\bar{s}a\bar{g}$ 'грязь, слякоть', ср. тат. $\bar{s}az$.

Таким образом, язык болгар и хазар, а также тюркские элементы в венгерском языке до времени переселения венгров за Дунай (IX в.) принадлежат более древнему, по сравнению с орхоно-енисейскими памятниками, тюркскому пласту, в котором, повторяем, подобно монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, отразился ламбдаизм и ротацизм.

Явление ротацизма и ламбдаизма зафиксировано в языке болгарских эпитафий на камне, датируемых XIII—XIV столетиями. Факты эти общепризнаны, и на основании подтверждающего их пусть даже немногочисленного количества слов делается верный вывод о том, что чувашский язык представляет собой прямое продолжение болгарского языка или же тот и другой являются близкими диалектами одного, более древнего, праболгарского языка. Приведем примеры:

- булг. $\bar{s}kr$ > чув. $\bar{s}ak(k)\bar{a}\bar{g}$ ~ др.-тюрк. $\bar{s}ekiz$ (ДТС, 494)¹³;
 булг. $\bar{t}x\bar{r}$ (طحر, طحور) > чув. $\bar{t}ax(\chi)\bar{a}\bar{g}$ ~ др.-тюрк. $\bar{t}o\bar{q}uz$ (ДТС, 578);
 булг. $\bar{v}tr$ (وטר) > чув. $\bar{v}a\bar{t}ar$ ~ др.-тюрк. $\bar{o}tuz$ (ДТС, 374);
 булг. $\bar{z}r$ (جور, جر) > чув. $\bar{s}'e\bar{r}$ ~ др.-тюрк. $\bar{j}uz$ (ДТС, 288);
 булг. $\bar{x}ir$ (هير) > чув. $\bar{x}e\bar{r}$ ~ др.-тюрк. $\bar{q}iz$ (ДТС, 449);
 булг. $\bar{a}rni$ (ارنى) > чув. $\bar{a}r\bar{n}\bar{a}$ ~ др.-тюрк. $\bar{a}dina$ (ДТС, 11);

¹¹ Keleti Szemle XIII. Budapest, 1912/13, стр. 10.

¹² Keleti Szemle XIV. Budapest, 1914, стр. 242.

¹³ Древнетюркский словарь. Л., 1969.

булг. آبل bl > чув. $\text{p\ddot{ı}l\ddot{e}k}$ ~ др.-тюрк. $\text{be\ddot{s}}$ (ДТС, 96);

булг. جال $\text{z\ddot{o}l}$ > чув. s'ol , s'ul ~ др.-тюрк. $\text{j\ddot{a}\ddot{s}}$ (ДТС, 245).

По мнению некоторых исследователей, «чувашский язык восходит не к пратурецкому языку, ибо ближайший предок нынешних турецких (т. е. тюркских. — М. Ф.) наречий — пратурецкий язык — был *э-* и *ш-* язык, в котором уже завершился переход $*\text{r} > *z$, $*\text{l} > *š$, но к одному предку с пратурецким языком. Этот чувашско-турецкий или болгарско-турецкий праязык является гораздо более древним, чем пратурецкий язык»¹⁴. Учитывая отличительные признаки чувашского языка, Л. Н. Гумилёв пишет, что чуваша сложились раньше, чем сами древние тюрки¹⁵.

Современное состояние чувашского языка свидетельствует о чрезвычайно древнем его происхождении. Очевидно, основные черты консонантизма, главным образом ротацизм и ламбдаизм, определялись в нем вне связи с древнетюркскими языками VI—XIII столетий. Приведенные нами факты дают основание рассматривать чувашский язык как особый язык алтайской семьи. Сохранившиеся в нем тунгусо-маньчжурские и монгольские черты проникли в него, быть может, еще в I—II вв. н. э.

¹⁴ Н. Н. Поппе. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам. — ИРАН, 1925, №№ 9—11, стр. 426.

¹⁵ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 6.

РЕЦЕНЗИИ

ГРАММАТИКА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА*

(ФОНЕТИКА, МОРФОЛОГИЯ, СИНТАКСИС)

В отличие от первых двух десятилетий послереволюционного периода, когда изучение азербайджанского языка ограничивалось в основном решением чисто практических задач (созданием школьных грамматик и учебников, разработкой принципов нового алфавита и терминотворчества и т. д.), начиная с конца 40-х годов все больше внимания стало уделяться описанию строя современного азербайджанского языка, установлению границ и специфических особенностей частей речи, морфологических категорий и определению важнейших синтаксических единиц, их структурных связей.

С этого времени в ходе расширения поля лингвистических исследований учеными, с одной стороны, накапливается большой фактический материал, а с другой — изучение грамматики современного азербайджанского языка ведется путем углубленного научного анализа языкового материала; при этом одновременно решается целый ряд спорных и сложных вопросов тюркологии¹.

В развитии азербайджанского языкознания как самостоятельной отрасли тюркологической науки, углублении и расширении теоретических аспектов изучения азербайджанского языка, а также решении ряда практических вопросов ведущая роль принадлежит Институту языкознания Академии наук Азербайджанской ССР. Одним только отделом современного азербайджанского языка этого института за последние десять лет подготовлены и изданы такие книги, как «Грамматика азербайджанского языка» в 2-х томах, «Простое предложение в современном азербайджанском литературном языке», «Словосочетания в азербайджанском языке», «Исследования по синтаксису азербайджанского языка», «Стилистика

азербайджанского художественного языка (очерки)» и др. И вот, впервые издана на русском языке академическая «Грамматика азербайджанского языка».

Издание на русском языке грамматик отдельных тюркских языков, подготовленных национальными кадрами, в последние годы стало уже традицией. Значение этой традиции трудно переоценить. Написанная на русском языке грамматика того или иного национального языка поступает в научный обиход всех языковедов нашей страны, способствуя укреплению научных связей отдельных языковедческих центров, использованию материалов этих работ при разработке сопоставительных грамматик генетически неродственных языков, проведении типологических исследований.

«Грамматика азербайджанского языка» представляет собой сжато написанную описательную грамматику современного литературного азербайджанского языка. Как и всякая работа подобного рода, она дает общее представление об основных грамматических единицах различных уровней (фонетического, морфологического, синтаксического) в их системных и структурных отношениях. Авторский коллектив осознает, что «как первый опыт, книга эта, естественно, не может претендовать на всестороннее и исчерпывающее освещение всех вопросов описательной грамматики азербайджанского языка. Авторы стремились охватить в сжатом виде основные вопросы грамматики, уделяя особое внимание трактовке сложных и специфических грамматических явлений, категорий» (стр. 3).

Книга начинается с раздела фонетики, в котором говорится об азербайджанском литературном произношении и его различных стилях, описывается вокализм и консонантизм азербайджанского языка, дается определение основных артикуляторно-аудитивных особенностей отдельных гласных и согласных, на конкретных примерах демонстрируется употребляемость той или иной фонемы в отдельных позициях, отмечаются основные позиционные и комбина-

* Баку, изд. «Наука», 1970. Под общей редакцией М. Ш. Ширалиева, Э. В. Севортяна.

¹ М. Ш. Рагимов, А. К. Алекперов. Состояние и перспективы развития азербайджанского языкознания. — «Советская тюркология», 1970, № 5, стр. 4.

торные изменения гласных и согласных. Различая фонетические и фонологические (т. е. функционально значимые) особенности, авторы справедливо считают, что в литературном азербайджанском языке фонологически значимое противопоставление долгих и кратких гласных отсутствует; а в тех случаях, «когда длительность все же сохраняется, она чаще всего бывает обусловлена комбинаторными факторами: в основном это заместительная долгота (*дэла—шөбдэ* и т. д.), возникшая в связи с выпадением отдельных согласных (арабских смычно-гор-танных *ع ن س*, а также *в, ғ* и др.), реже — долгота, перешедшая в азербайджанский язык вместе с заимствованием, напр., *асудда* — досужий, *габил* — способный...» (стр. 7). Некоторые фонетисты, исходя из характерной для ряда заимствованных слов длительности гласных, полагают, будто долгота гласных в азербайджанском языке является фонологически значимым признаком. Однако с этим утверждением согласиться нельзя, ибо та или иная фонема для заимствующего ее языка может быть фонологически значимой лишь в том случае, если она войдет в состав исконных слов, способствуя дифференциации морфем. Как известно, в азербайджанском языке отсутствуют исконные морфемы, дифференцируемые по долготе гласных. Слова же типа *гары* 'старуха' и *гары* 'снега' различаются не долготой и краткостью гласных, а лишь подударными полугласными.

При описании консонантизма азербайджанского языка авторами выделяется специфический среднеязычный щелевой (типа немецкого *ich-Laut*), обозначаемый также *х'*, который считается позиционно обусловленным глухим вариантом фонемы *ј* и в первом слове не встречается, а также фарингальный (глоточный) щелевой *п*, представляющий собой факультативный звонкий вариант фонемы *п*. Выделение этих вариантов, с точки зрения полного описания всех фонетических особенностей (то есть как релевантных, так и нерелевантных), возможно, и имеет определенное значение, но их фонологический статус вряд ли может быть установлен вне диахронической фонологии и без более тщательного, опирающегося на экспериментально-фонетические инструментальные данные исследования диалектов.

Весьма четко описаны авторами основные структурные особенности гласных и согласных (то есть их поведение в составе значимых единиц — взаимоотношения, дистрибуция, изменения): сингармонизм гласных, ассимиляция согласных, взаимодействие гласных и согласных, их сочетаемость, редукция и элизия, а также распределение и функционирование акцентуационных средств.

Национальная самобытность любого языка, его отличительные типологические константы, то есть те черты, которые делают его самостоятельным языком, несмотря на

сходство (типологическое или же генетическое) с другими языками, его место в общей типологической схеме и так далее, в основном определяются грамматическим строем этого языка. В отличие от словарного состава, который с исключительной чувствительностью реагирует на все изменения, происходящие в жизни коллектива — носителя данного языка, грамматический строй последнего характеризуется несравнимо большей устойчивостью. Азербайджанский язык (как и всякий другой живой язык), в течение многих столетий испытывавший сильное влияние соприкасавшихся с ним языков, благодаря сопротивлению грамматического строя сохранял свою самостоятельность, генетическую самобытность. Вот почему глубокое и всестороннее изучение грамматического строя азербайджанского языка — исследование основных системных и структурных особенностей как морфологических, так и синтаксических единиц — имеет исключительно важное значение для познания его сущности и самобытности.

Морфологическая система азербайджанского языка характеризуется единством различных лексико-грамматических групп слов и исторически установившихся грамматических категорий. В разделе, посвященном морфологии, приводятся вполне исчерпывающие сведения о каждой части речи. Как известно, для тюркских языков при разграничении частей речи, наряду с семасиологическими и синтаксическими особенностями, весьма важное значение имеют и морфологические признаки. В азербайджанском языке существительные имеют категории падежа, числа, принадлежности; прилагательные — степени сравнения, а глаголы — категории залога, времени, наклонения и т. д. Каждая из этих категорий излагается в рецензируемой книге на научном уровне, соответствующем современному состоянию азербайджанского языкознания.

Среди тюркологов об основных особенностях, границах и особенно о степенях сравнения прилагательных в тюркских языках существуют весьма различные суждения. В книге рассматриваются специфические особенности прилагательного как самостоятельной части речи, его отличия от слов, функционирующих в словосочетании в роли определения, прилагательные качественные (имеющие степени сравнения) и относительные (не имеющие степеней сравнения), субстантивация прилагательных и т. д. В целом эти вопросы освещаются с правильных научных позиций.

В разделе «Морфология», который вообще написан на высоко научном уровне, особо выделяется часть, посвященная глаголу. В азербайджанском языке глаголы по богатству структурно-семантических и грамматических особенностей выделяются среди других знаменательных частей речи. И авторам удалось глубоко и всесторонне передать как внутрисистемные (парадигматические), так и структурные (синтагматические) значимости отдельных глагольных катего-

рий, вскрыть богатые функциональные возможности глагольных форм.

Вторая часть книги посвящена синтаксическим единицам азербайджанского языка. В вопросе определения сущности и границ синтаксических единиц до сих пор нет единого мнения как в лингвистике в целом, так и в тюркологии в частности. Благодаря усилиям прежде всего азербайджанских языковедов изучение синтаксиса тюркских языков, особенно сложноподчиненных предложений, поднялось до уровня современной лингвистики. Опираясь на верные научные принципы и богатые фактические данные, а также исходя из национальной специфики азербайджанского языка, наши языковеды убедительно доказали, что деепричастные, причастные и инфинитивные обороты являются не предложениями, а только сложными (развернутыми) членами предложения.

Во введении к этой части излагаются в обобщенной форме последние достижения лингвистики в области исследования синтаксических единиц, последовательно раскрываются понятия предложения и его основных признаков — предикативности и ее выражения в азербайджанском языке, модальности, являющейся «душой предложения» (Ш. Балли), границ предложения и словосочетания и т. д.

В книге особое внимание уделяется изучению специфических особенностей словосочетаний. Авторы справедливо классифицируют их по характеру и функции ведущего слова. В азербайджанском языке в качестве первого компонента как именных, так и глагольных словосочетаний выступают различные части речи. Это структурное разнообразие, в свою очередь, определяет семантическое богатство словосочетаний, каждое из которых детально описывается на основе конкретных примеров из художественной литературы.

Предложение, как известно, является основным средством передачи мысли. Для организации этой важнейшей коммуникативной единицы наибольшую функциональную роль играют синтаксические связи в организации речи. Авторы рассматривают каждый тип такой связи в отдельности, глубоко раскрывая особенности различных видов словосочетаний, предложений и членов предложения, а также односоставных предложений и обособлений.

Благодаря высокой степени развития синтаксической структуры азербайджанский язык в настоящее время способен выражать сложнейшие научно-технические понятия. Эта структура богата не только различными типами простых предложений, но и сложнейшими языковыми конструкциями. В разных стилях азербайджанского языка встречаются все типы как сложносочиненных, так и сложноподчиненных предложений. В главе о сложных предложениях нашли свое отражение все особенности слож-

носочиненных и сложноподчиненных предложений.

Наряду с несомненными достоинствами в рецензируемой книге имеются и некоторые недостатки.

При рассмотрении словообразования глаголов в книге, как правило, указывается, что глагол, имеющий залоговый аффикс, — не является производным словом, а представляет собой лишь грамматическую форму основного слова. Однако в перечне производных глаголов имеются глаголы с аффиксами, полностью выражающими семантику категории залога (стр. 96).

В азербайджанском языке для системного выражения понятия вида нет парадигм видовых форм. Поэтому здесь следует говорить не об особой морфологической категории, а лишь о выражении видовых значений.

Неубедителен тезис об употреблении глагольных аффиксов для передачи различных модальных значений в настоящем и прошедшем времени. Указание на то, что будто аффиксы *-мыш||-миш||-муш||-му* образуют особую вопросительную форму глагола — является необоснованным.

В книге содержится и ряд противоречивых положений. Например, при рассмотрении категории падежа первые компоненты сочетаний *колхоз сэдри, мэктяб бинасы* считаются стоящими в именительном падеже (стр. 44). А в главе об управлении слова *јаз, ев, кянд* в сочетаниях *јаз кунәши, ев јујәси, кянд ушағлары* — в родительном (стр. 222). Наряду с этим употребляются термины *определенный* и *неопределенный винительный падеж* (стр. 285). Если форма с нулевым аффиксом относится к неопределенному винительному падежу, то безаффиксная форма родительного падежа тоже должна рассматриваться в качестве неопределенного родительного падежа.

Исторически самостоятельные глаголы *иди, имиш* (корень <*i-), утратив свои лексические значения, ныне в азербайджанском языке полностью грамматикализовались. Эти формы сперва совершенно справедливо рассматриваются как средство образования сложного изъявительного наклонения (стр. 127), но далее *иди, имиш, икән* квалифицируются уже как особая часть речи — связка (стр. 178).

«Грамматика азербайджанского языка», в которой обобщены итоги многолетних исследований различных проблем азербайджанского языка, представляет весьма значительную ценность. Издание подобных трудов на русском языке способствует распространению разработанных азербайджанскими языковедами научных положений за пределами республики. А это наилучшим образом служит делу научного обмена, без которого в наше время ни одна наука, в том числе и тюркология, не может развиваться успешно.

И. Мамедов, А. Мамедов

Г. Ф. САТТАРОВ. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ТАТАРСКОЙ ОНОМАСТИКИ*

Ономастика — молодая отрасль татарского языкознания¹. Аппелятивная лексика стала предметом постоянных исследований татарских лингвистов только за последние десятилетия. Но и за этот сравнительно небольшой срок было сделано довольно много.

Татарской топонимикой занимаются языковеды и историки Казани, Ульяновска, Йошкар-Олы, Свердловска, Москвы и некоторых других городов.

В Казани регулярно организуются ономастические экспедиции в районы Татарской АССР, читаются курсы по татарской ономастике, готовятся научные кадры в этой области. Особый интерес казанских ученых к ономастике вызван большим значением ее данных, непосредственно связанных с жизнью народа, для целого ряда наук: филологии, истории, этнографии, археологии, географии, биологии и др.

Г. Ф. Саттаров — один из наиболее активных исследователей татарской ономастики. С 1960 г. он занимается изучением топонимики, антропонимики, этнонимики и мало распространенной пока одонимики² в историко-этимологическом, генетическом, лексико-семантическом, словообразовательном и нормативном аспектах. Перу Г. Ф. Саттарова принадлежит около двадцати работ в области татарской ономастики. В 1964 году им была опубликована статья (написанная в соавторстве с Р. Х. Субаевой), в которой впервые говорилось об основных направлениях изучения татарской ономастики³.

Результаты научных изысканий Г. Ф. Саттарова обобщены и наиболее полно представлены в рецензируемой работе, излагающей кредо автора в области татарской ономастики. Ценной стороной работы является критическое освещение источников, а также трудов специальных и общего характера. Историю изучения татарской ономастики автор делит на три периода. Первый (древний) период развития татарской топо- и антропонимики, по мнению Г. Ф. Саттарова, начинается с булгарских времен, с X в., и продолжается до середины XIX в.

В числе древнейших источников этого периода называются труды Ахмеда-ибн-Фад-

лана (X в.) и Махмуда Кашгари (XI в.), отразившие в поволжском ареале главным образом булгарскую топонимию.

Автор справедливо отмечает, что и в более позднее время (в XVI—XVIII вв.) татарская ономастика как наука находилась в эмбриональном состоянии (стр. 5). Он всемерно подчеркивает значение Казанских писцовых книг XVI—XVII вв. для изучения собственно татарских личных имен и географических названий, еще недостаточно использованных татароведами. Анализируя материал писцовых книг г. Казани, Г. Ф. Саттаров обращает внимание на два примечательных явления: 1) в XVI—XVIII вв. заимствованные арабские и персидские имена были менее распространены среди татар, нежели в последующее время; 2) при татарских личных именах русские писцы систематически писали фамилии (имя отца с русским суффиксом родительного падежа), что следует считать началом употребления у татар фамилий в русской форме (на -ов, -ев, -ин) (стр. 6—7).

Среди источников XVIII в. по татарской ономастике автор называет труд татарского ученого Хисамедина Муслими «Таварихи Булгария», а также работы европейских ученых (Н. К. Витзена, Г. Ф. Миллера, П. И. Рычкова), отражающие татарскую топонимию и антропонимию наряду с материалами других тюркских (и негюркских) языков.

При исследовании татарской топонимики, безусловно, совершенно необходимо привлечение фактов различных тюркских языков, в том числе и булгарского. Однако с методической точки зрения целесообразнее было бы более четко выделить татарский материал. Если в первый период развития татарской ономастики фиксирование антропонимов и топонимов происходит чисто случайно и дается лишь их первичное объяснение, то во второй период (вторая половина XIX — первая четверть XX в.) собиранием и изучением татарской топонимики и антропонимики занимаются уже лингвисты и историки-краеведы.

Среди деятелей второго периода Г. Ф. Саттаров называет прежде всего имена Н. Г. Чернышевского и В. В. Вельяминова-Зернова. Любопытные сведения по татарской топонимии дают многочисленные книги-справочники со списками населенных мест Казанской области и земельные грамоты XVI—XVII вв. (в издании С. Мельникова).

Г. Ф. Саттаров отмечает интересные с точки зрения топонимики краеведческие работы А. Н. Сергеева, Р. Г. Игнатьева, С. М. Шпилевского и дает обзор важнейших этапов развития ономастики как науки.

В 70-е годы XIX в. при Казанском университете создаются «Общество археологии,

* Пособие к спецкурсу «Татарская ономастика». Казань, 1970, 87 стр.

¹ См.: Л. Т. Махмутова. Современное состояние и перспективы развития татарского языкознания. — «Советская тюркология», 1970, № 6, стр. 95.

² См.: Marcel Cohen. Odonymie. — «L'Humanite», 10 mai 1971, стр. 10.

³ См.: Г. Ф. Саттаров, Р. Х. Субаева. Вопросы топонематики татарского языка. — «Итоговая конференция КГУ им. В.И. Ульянова-Ленина за 1963 год (краткое содержание докладов)». Казань, 1964, стр. 92—97.

этнографии и истории» и кружок по ономастике. В этом кружке развернули активную научную деятельность В. В. Радлов, Н. И. Золотницкий, В. К. Магницкий, И. А. Износков, В. Г. Тимофеев, К. Насыри, Г. Ахмаров. На базе кружка в 80-х годах XIX в. возникла Казанская топонимическая школа. В. В. Радловым была составлена топонимическая анкета на татарском языке и дан тонкий историко-лингвистический анализ большого числа тюркских и собственно татарских топонимов и антропонимов.

Деятельность В. В. Радлова как топонимиста высоко оценивается представителями современной науки⁴.

Видный татарский ученый и просветитель Каюм Насыри в ряде своих трудов («Свияжский уезд», «Географические термины», «Большая география» и др.) приводит немало ценных сведений и материалов по географическим терминам и собственным именам, привлекая комплексные фактические источники (предания, эпитафии, рукописные документы, родословные и др.).

К. Насыри принадлежит большая заслуга в развитии татарской топо- и антропонимики, и Г. Ф. Саттаров справедливо считает его «отцом татарской ономастики». Историк Г. Ахмаров в своем известном и непревзойденном пока труде о мишарях («О языке и народности мишарей») приводит много интереснейших данных по ономастике мишарей.

В числе наиболее ценных работ в области ономастики Г. Ф. Саттаров называет труды Н. Я. Агафонова, Н. И. Ашмарина и известного татарского ученого Ш. Марджани. Нельзя не согласиться с Г. Ф. Саттаровым, что «к сожалению, весьма богатые антропонимические и топонимические материалы, находящиеся в трудах Ш. Марджани, еще совсем не изучены» (стр. 45). Перечень мусульманских имен арабского и персидского происхождения приводится в специальных именниках и циркулярах для приходских имамов.

Под воздействием революции 1905 г. в татарской антропонимике зарождается демократическое течение, возглавляемое Г. Тукаем, Ф. Амирханом и другими прогрессивными деятелями.

Большое общественное значение приобретает в эти годы «вопрос татаризации личнособственных имен» (Ф. Амирхан). Это своеобразный протест против арабских личных имен у татар.

Интересна изложенная в рецензируемой работе гипотеза Г. Ф. Саттарова о происхождении названия города Казань: *Казан* <гидроним *Казан(ка)* <этнимом *каз* 'гусь'. Несмотря на убедительную историко-этнографическую аргументацию, все же два момента остаются не объясненными: конеч-

ный слог *ан* в татарском *Казан* и смягчение *н* в русском *Казань*.

Если для второго периода татарской ономастики было характерно дальнейшее накопление материала и разработка определенной научно-теоретической базы, то начавшийся после Октябрьской революции третий период качественно отличается высоким теоретическим уровнем развития науки о татарских личных именах и географических названиях. Третий период, по мнению Г. Ф. Саттарова, подразделяется на два этапа: начальный (середина 20-х — конец 50-х годов) и современный (с 60-х годов).

Начальный этап совпал с активной деятельностью татароведов по разработке теоретических основ грамматики родного языка и созданию пособий для народного образования. Естественно, что на этом этапе вопросам ономастики не уделялось должного внимания, хотя они и нашли определенное отражение в трудах некоторых татарских ученых (К. Туйкэ, Дж. Валиди, Г. Рахима).

Современный этап развития татарской ономастики характеризуется, по словам Г. Ф. Саттарова, «резко возросшим интересом к татарским названиям среди лингвистов, историков, ростом ономастической активности, разнообразием тематики ономастических работ и уделением в них значительного внимания разработке основных теоретических проблем татарской ономастики и методике ономастических исследований» (стр. 66).

Новейший этап татарской ономастики открывается трудами Г. В. Юсупова и Р. А. Сафиуллина. За последнее время вопросы топономастики стали изучаться еще и в плане двуязычия, смешения языков, взаимодействия татарского и русского языков.

В таком аспекте эти вопросы рассматриваются и в работах Р. Х. Субаевой.

С 1963 года преподавание татарской ономастики введено на кафедре татарского языка Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, а с 1964/65 учебного года проводится семинар «Топонимия и микротопонимия Татарской АССР» и читается курс «Татарская ономастика». Различные вопросы татарской топо- и антропонимики получили отражение в работах Ф. С. Фасеева, Р. Г. Ахметьянова, В. Ф. Барашкова, М. Т. Муминова, А. П. Дульзона, М. А. Абдурахманова, В. А. Никонова, Б. А. Серебренникова, Э. М. Мурзаева, Н. А. Баскакова, О. Н. Трубачева, А. В. Суперанской и других авторов.

В настоящее время наметилась тенденция дифференциации татарской ономастики, деления ее на следующие ветви: 1) топонимика, 2) антропонимика, 3) этнонимика, 4) поэтическая ономастика и псевдонимы, 5) правописание и транскрипция личнособственных имен, 6) библиография.

На основе всего предшествующего развития татарской ономастики Г. Ф. Саттаров формулирует следующие задачи этой науки:

⁴ См.: В. А. Никонов. Областные работы по топонимике. — «Вопросы языкознания», 1956, № 1, стр. 145.

фронтальное обследование топонимии и микротопонимии Татарской АССР с выявлением внутренних закономерностей татарского языка в области топонимики; составление топонимического словаря и атласа Татарской АССР; составление словаря татарских личных имен и этимологического словаря современных татарских фамилий; изучение развития татарской зоонимики и космонимики; подготовка кадров филологов-ономастологов и др. Решение этих задач

даст дополнительные ценные материалы и позволит сделать исторические и лингвистические выводы.

Книга Г. Ф. Саттарова, подводящая итоги достигнутым татарской ономастикой успехам и намечающая как ближайшие, так и более отдаленные ее задачи, несомненно, является значительным вкладом в дело развития ономастики в Татарской АССР.

Э. Р. Тенишев

СОВРЕМЕННЫЙ ТАТАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК. СИНТАКСИС*

Вышла вторая часть монографии «Современный татарский литературный язык», посвященная изучению синтаксического строя татарского языка¹.

Этот труд, опирающийся на богатые традиции татарского языкознания, написан также с учетом последних достижений современной тюркологии и общего языкознания. Монография написана М. З. Закиевым (за исключением раздела — «Формы передачи чужой речи», автором которого является Х. Р. Курбатов).

Исследование характеризуется системностью, строго продуманной композицией, научной основательностью и богатством используемого фактического материала; в нем подвергаются научному анализу все аспекты синтаксического строя татарского языка. М. З. Закиев ясно определяет в начале своего труда объект и задачи синтаксиса, формулирует главные особенности речи и предложения. Подробно рассматривается им связь слов с учетом господствующей роли подчинительной связи. Многообразные отношения между словами группируются вокруг трех основных: предикативных, конкретизирующих и уточнительных. При предикативном отношении одно слово сообщает что-либо о предмете или явлении, обозначенном другим словом. В рамках этого отношения исследуются двусоставные и односоставные предложения, главные члены предложения и способы их выражения, а также те сложноподчиненные предложения, между компонентами которых существует указанная связь. На базе конкретизирующих отношений (одно слово конкретизирует, поясняет предмет или явление, обозначенное другим словом) изучаются словосочетания, второстепенные члены предложения, а также многочисленные типы сложноподчиненных предложений. Уточнительные же отношения наблюдаются только при наличии одного из вышеуказанных типов синтаксической связи.

* М., изд. «Наука», 1971.

¹ См. первую часть: «Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология». М., 1969.

В сжатой, в то же время наглядной форме излагаются в книге основные разновидности словосочетаний и их семантическая классификация.

Переходя к сложноподчиненному предложению, автор (как и ряд других исследователей тюркских языков) рассматривает в качестве придаточных и такие предложения, в которых сказуемое выражается неличными формами глагола.

Исходя из местонахождения средств связи: в составе сказуемого придаточного предложения или вне его, М. З. Закиев делит зависимые предложения на типы: синтетический и аналитический. Первый тип характерен в основном для структуры тюркских языков, второй — встречается в индоевропейских языках. Такое подразделение сложноподчиненных предложений отвечает структурно-грамматическим особенностям тюркской речи и соответствует более полному выявлению специфических и общих черт синтаксического строя изучаемого языка в сравнении с другими. Столь же важным является детальное описание средств связи между предложениями.

Большое внимание уделяется и такой связи между предложениями, которая не ограничивается рамками сложного предложения, охватывая более обширное синтаксическое целое, что является совершенно новым в тюркологии.

В монографии исследуются также такие проблемы, как структура многочленного сложного предложения, синтагматическое членение, порядок слов и предложений, полные и неполные предложения, периодическая форма речи. В разрешении всех этих вопросов М. З. Закиев опирается на накопленный в отечественном и зарубежном языкознании опыт теоретических исследований, причем многие проблемы освещаются им по-новому.

На высоком научном уровне написан Х. Р. Курбатовым раздел, посвященный формам передачи чужой речи. Автором рассматриваются все три ее вида: 1) прямая речь, 2) косвенная речь; 3) несобственно-

прямая речь. Весьма интересными являются наблюдения и выводы автора по несобственно-прямой речи.

Монография, имеющая большое научно-теоретическое значение, представляет собой результат обобщения многолетней исследовательской работы, проводившейся автора-

ми. Большой и ценный вклад, внесенный ею в татарское языкознание, несомненен. Она послужит также весьма ценным пособием для преподавателей современного татарского языка в школах и вузах.

Ф. А. Ганиев, С. М. Ибрагимов

ОЧЕРК ДИАЛЕКТОВ ТУРКМЕНСКОГО ЯЗЫКА*

В последнее десятилетие все большее внимание уделяется изучению диалектов и говоров тюркоязычных народов нашей страны. Об этом свидетельствуют многочисленные книги и статьи советских тюркологов, посвященные различным вопросам диалектологии. Бурное развитие литературы народов СССР, повсеместное распространение кино, радио, телевидения все более нивелируют диалектные особенности языков. Поэтому сбор и обработка диалектных материалов является неотложной задачей наших диалектологов, что неоднократно подчеркивалось всесоюзными координационными и региональными совещаниями тюркологов.

Как известно, туркменский язык относится к многодиалектным языкам. Пионером изучения его диалектов и говоров по праву считается А. П. Поцелуевский, опубликовавший еще в 1936 г. книгу «Диалекты туркменского языка». В этом капитальном исследовании описаны и охарактеризованы наиболее распространенные туркменские диалекты. В дальнейшем изучение туркменских диалектов приняло более широкий размах. В результате этого в послевоенные годы появились монографические исследования, посвященные многим отдельным диалектам и говорам туркменского языка: текинскому (ахальский и марыйский говоры), ёмудскому (северный и западный говоры), гокленскому, човдурскому, алилинскому, салырскому, сарыкскому, оламскому, сакарскому, анаускому, нохурскому, хасарли и др. Активно проводившимся диалектологическими экспедициями был собран богатейший материал по малоизученным диалектам и говорам (кырачлы, эсги, карадашлы, ем-рели, ата и др.).

Рецензируемая работа — «Очерк диалектов туркменского языка», — созданная коллективом авторов, в известной мере подводит итог всем предшествовавшим работам. Этот значительный труд туркменских лингвистов, несомненно, следует считать достойным продолжением работы, начатой А. П. Поцелуевским.

Целью данной работы является сопоставление различных туркменских диалектов, выявление их фонетических, морфологиче-

ских и синтаксических особенностей (в сравнении с нормами туркменского литературного языка) с привлечением, по мере возможности, соответствующих фактов из других тюркских языков.

«Очерк» состоит из введения и четырех разделов. Во введении говорится о предмете диалектологии и его значении, об отношении диалектов к национальному и литературному языкам, а также о происхождении и расселении родов и племен — носителей диалектов туркменского языка. Здесь же приводится существующая классификация туркменских диалектов и говоров.

В разделе «Фонетика» читатель ознакомится с вокализмом и консонантизмом туркменских диалектов, имеющих древнетюркское происхождение, с особенностями произношения и употребления различных гласных и согласных звуков в диалектах и говорах. Эти факты убедительно иллюстрируются авторами.

Второй раздел посвящен анализу особенностей частей речи в различных диалектах.

Характерными для диалектов туркменского языка являются различные формы временных аффиксов глагола и личных окончаний. Поэтому многие авторы считают, что критерием при классификации туркменских диалектов должны служить морфологические показатели времен глаголов. Приведем для наглядности пример. Литературно-туркменские *aljaŋ* 'берет', *geljāŋ* 'идет' во множественном числе I лица в разных диалектах видоизменяются различно: *aljaŋys*, *geljāris* (литературный язык), *aljak*, *geljek* (алили, гокленский), *aljorŋys*, *geljorŋys* (эрсаринский), *aladurŋys*, *geledurŋys* (ставропольские туркмены), *alogys*, *gelogys* (сарыкский), *aladyrŋys*, *geledyrŋys* (човдурский), *alamys*, *gālāmis* (кырачский, анауский, нохурский) и т. д.

В книге подробно охарактеризованы как эти, так и другие морфологические особенности диалектов и говоров туркменского языка.

Авторы «Очерка» впервые посвятили специальный раздел исследованию синтаксических особенностей туркменских диалектов. Этому вопросу до сих пор у нас не уделялось должного внимания.

В четвертом разделе книги рассматриваются лексические особенности диалектов.

* Р. Бердиев, С. Куренов, К. Шамыраров, С. Аразгульев. Туркмен дилинини диалектеринини очерки. Ашгабат, 1970, 404 стр.

Приведен обширный тематический словарь диалектной лексики.

Примечательно, что авторы «Очерка» анализируют многие морфологические формы и диалектную лексику в историческом плане, сопоставляя их с фактами письменных памятников.

Несмотря на то, что книга писалась коллективом авторов, она отличается единством стиля изложения.

«Очерки», в целом, хорошая и нужная книга, базирующаяся на материале многих диалектов и говоров туркменского языка, на наш взгляд, имеют и некоторые недостатки. Из поля зрения авторов выпали материалы некоторых диалектов и говоров, таких, например, как олам, сурхы, мукры,

хатап, игдир, абдал, баят, дуеджи, агар, чандыр, арабачы, сандыклы, меркит, бурказ, чегес и др. Видимо, это объясняется тем, что многие из этих диалектов еще не исследованы в монографическом плане, хотя и отличаются характерными, присущими только им диалектными особенностями. Неоправданно краток раздел «Синтаксис» (стр. 334—348). В подаче лексического материала авторы не придерживались алфавитного порядка, что затрудняет пользование диалектологическим словарем.

Несмотря на указанные недостатки, «Очерки» представляют собой определенный этап в изучении диалектов и говоров туркменского языка.

Б. Чарьяров, С. Атаниязов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XIV МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ АЛТАИСТОВ

С 22 по 28 августа 1971 г. в Сегеде (Венгрия) проходила очередная XIV конференция ПИАК (Permanent International Altaistic Conference).

В ее работе принимало участие более ста ученых из двадцати стран.

В состав советской делегации входили: А. Н. Кононов (глава делегации), А. С. Тверитинова, С. К. Кенесбаев, Г. Д. Санжеев, Н. З. Гаджиева, О. П. Суник, В. И. Цинциус, К. М. Мусаев, Т. А. Бертагаев, С. Н. Муратов, Э. А. Новгородова и Э. И. Фазылов.

Как известно, XXIV Международный конгресс востоковедов (сентябрь 1957 г., Мюнхен) принял решение о проведении регулярных семинаров, посвященных вопросам теоретических и методологических исследований алтайской языковой общности, сравнительного изучения лексики, грамматики и фонетики тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков.

Первое Международное совещание алтаистов состоялось в Майнце (ФРГ) 25—28 июня 1958 г. На этом совещании Генеральным секретарем ПИАК сроком на пять лет был избран проф. В. Хейсиг (ФРГ). С 1963 г. по настоящее время Генеральным секретарем ПИАК является проф. Д. Синор (США).

Участниками семинара было принято решение о ежегодных встречах для обсуждения проблем алтаистики и обмена информацией по данной проблеме.

Второе заседание ПИАК проходило также в Майнце с 23 по 26 июня 1959 г., третье — в Бург Либенштейне (ФРГ) с 26 июня по 1 июля 1960 г., четвертое — в Кембридже (Англия) с 12 по 16 июня 1961 г., пятое — в Блумингтоне (США, штат Индиана) с 4 по 9 июня 1962 г., шестое — в Хельсинки (Финляндия) с 4 по 8 июня 1963 г., седьмое — в Питерсберге (Голландия) с 29 августа по 3 сентября 1964 г., восьмое — в Вальштейде (ФРГ) с 30 августа по 3 сентября 1965 г., девятое — в Равелло (Италия) с 26 по 30 сентября 1966 г., десятое — в Манчестере (Англия) с 26 по 30 июня 1967 г.,

одиннадцатое — в Херсгольме (Дания) со 2 по 6 июня 1968 г., двенадцатое — в Берлине (ГДР) с 29 августа по 2 сентября 1969 г., тринадцатое — в Страсбурге (Франция) с 25 по 30 июня 1970 г. Результаты работы этих заседаний уже опубликованы¹.

На открытии конференции в Сегеде с приветственной речью, обращенной к ее участникам, выступили президент ПИАК академик Л. Лигети, вице-президент Отдела языка и литературы Венгерской Академии наук академик М. Сабочи, ректор университета им. Жозефа Атиллы проф. М. Марти и мэрг. Сегеда Г. Ланн.

Работа ПИАК началась с обмена информацией о проделанной за последнее время работе по изучению алтайских языков, о новых исследованиях, проводящихся в Голландии (Е. Ховдхауген), Англии (проф. Дж. Клаусон), Франции (А. Третьякофф), США (Д. Синор) и других странах.

Большой интерес вызвал доклад члена-корреспондента АН СССР А. Н. Кононова о работе советских алтаистов. Он охарактеризовал основные направления проводимых научных исследований и их результаты,

¹ Permanent International Altaistic conference. Arbeitsbericht 1958 bis 1960 (gedruckt als Manuskript, 32 s.); Aspects of Altaic civilization. Proceedings of the V meeting of the Permanent International Altaistic conference held at Indiana University June 4—9, 1962, Bloomington, 1963 («Uralic and Altaic series», 23); Sitzungsberichte der 6. Arbeitstagung der Permanent International Altaistic conference in Helsinki 4—8. 6. 1963, JSFOu. 65, 1, 1964, s. 1—123; Proceedings of the VII meeting of the Permanent International Altaistic conference 29 august—3 september 1964, Central Asiatic journal, X, 3—4, 1965, p. 141—338; Asiatische Forschungen: Die Jagd bei den altaischen Völkern. Vorträge der VIII Permanent International Altaistic conference vom 30. 7. bis 4. 9. 1965 in Schloss Auel, Asiatische Forschungen, 26, 1968; Permanent International Altaistic conference. Newsletter, No. 6, April, 1971.

остановился на первоочередных задачах и перспективах работ, ведущихся в алтаистических центрах Ленинграда, Алма-Аты, Ташкента, Баку, Ашхабада, Фрунзе и других городов.

Работа конференции проходила по трем секциям: 1) «Исторические связи алтайских языков, историческая фонология, лексикология, морфология и синтаксис»; 2) «История, этнография алтайских народов»; 3) «Тюркология». На заседаниях секций было сделано более 60 докладов и сообщений по исследованию алтайских языков и литератур, фольклору, истории, этнографии, искусству.

Советская делегация представила на конференцию 13 докладов.

На общем пленарном заседании с докладом «Алтайская теория и лексикостатистика» выступил акад. *Л. Лигети*. «Вопрос о родстве алтайских языков, — сказал в своем докладе *Л. Лигети*?, — в течение более чем ста лет является предметом живого обсуждения; не раз оно приводило к накалу страстей, да и в наши дни полемика разгорается еще достаточно горячо. Точки зрения полярно противоположны: сторонники алтайского языкового родства, воспринявшие априористическую точку зрения, отныне полагают излишним представлять новые доказательства; противники алтайского языкового родства замкнулись в неуклонном отрицании и относительно любых соответствий допускают только две возможности — «случайное соответствие» и «некорректное сближение».

В самом деле, родство, то есть происхождение от одного общего алтайского языка тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков (не говоря уже о корейском), не получило еще вплоть до наших дней бесспорного обоснования. Алтайская языковая общность не доказана так, как это сделано, например, в отношении языков индоевропейских или финно-угорских. Это может быть объяснено двумя причинами: либо, действительно, так называемые алтайские языки не восходят к общему праязыку, и, следовательно, они не являются родственными; либо же, напротив, в действительности они языки родственные, но их современное состояние (или же состояние более древнее) явилось результатом эволюции столь специальной и неравномерной, что их родство не может быть доказано сообразно известным моделям (индоевропейских, финно-угорских языков и т. д.), и ничто не указывает нам с достоверностью на путь, ведущий к праязыковой общности.

Если так называемые алтайские языки действительно родственны, то их родство может быть доказано только путем иррегу-

лярным — таким же иррегулярным, каким было развитие этих языков; только этим путем может быть достигнуто трудное, но иначе не осуществимое, распознавание их родства.

Алтайские языки не располагают письменными источниками столь многочисленными и древними, как у индоевропейских языков. Письменная история алтайских языков вовсе не так продолжительна, как у индоевропейских языков; не уравниваются эти языковые группы и в отношении степени дифференциации их многочисленных представителей. Алтайские языки по количеству своих ответвлений еще более бедны, чем языки финно-угорские; к тому же они рассеяны по огромной территории. Наконец, необходимо учитывать и то обстоятельство, занимающее отнюдь не последнее место, что эти языки и народы, говорящие на них в течение двух тысячелетий (а, может быть, и дольше), постоянно контактировали между собой, как об этом свидетельствуют письменные источники. Эти контакты, взаимобогащая алтайские языки, неизбежно нивелировали их возможное общее праязыковое наследие. Судя по историческим источникам, наиболее интенсивные взаимоотношения установились между тюрками и монголами, с одной стороны, а с другой — между монголами и тунгусо-маньчжурами.

Все эти затруднения проявляются с необыкновенной силой при изучении лексики. Каждый из так называемых алтайских языков широко использовал возможность, предоставившаяся в области внутреннего обновления лексики, и создал систему производства слов, которые образовывались на основе имевшейся корневой лексики. Изучение роли табу в ходе этого развития предпринималось неоднократно, однако проблема эта никогда не обсуждалась во всем ее объеме. Пока еще остается непонятным, почему и с каких пор в тюркском существует столько производных слов среди названий частей тела. Интересно отметить, что в некоторых эскимосских диалектах названия частей тела табуированы. На всем протяжении контактирования изучаемые языки передали и заимствовали значительное число слов (пропорции заимствований и отдач, разумеется, никогда не были идентичными). Заимствования не раз отодвигали элементы основной лексики на периферию языка, откуда они вскоре исчезали. Этот процесс может быть проиллюстрирован современными примерами. Так, например, замечено, что из монгольского исчезло множество древних монгольских слов — они уступили место своим таджикским эквивалентам, среди которых, помимо слов исконно иранских, выделяются лексемы тюркского или иного происхождения.

Нельзя, наконец, забывать, что так называемые алтайские народы на протяжении их долгой истории, которую невозможно выверить по письменным источникам, могли вступать в контакты, в связи с чем необхо-

² Доклад акад. *Л. Лигети* излагается несколько обстоятельно, так как в нем освещаются основные проблемы алтаистики, вокруг которых в настоящее время среди ученых ведутся дискуссии.

димо считается с субстратом или суперстратом в их языках. Вопрос о языковом субстрате уже был поднят в применении к языкам тунгусо-маньчжурским. Необходимо, кроме того, уделить совершенно особое внимание исчезнувшему палеоазиатским языкам. Следует считать, что начиная по меньшей мере с VI в. в районе истоков р. Енисея **бытовали** самодийские языки; их присутствие в этом районе подтверждается не только китайскими источниками, но и топонимическими материалами. Древняя история монгольского и маньчжурского языков, в свою очередь, не может быть воспроизведена без учета языка корейского.

Со своей стороны, я полагаю, что весьма значительное число соответствий, представляемых лексикой так называемых алтайских языков, в большинстве своем связано с заимствованием. При всем том следует остерегаться подходить к этой огромной теме с одной единственной меркой «заимствования». Заимствования не датируются одной и той же эпохой. Почти каждый значительный период контактов двухтысячелетней давности имел свой собственный лексический строй. Хронология (иногда — только относительная хронология) этих слоев заимствований могла бы быть установлена только в результате тщательных и упорных исследований. Более древний и менее мощный из этих слоев, без сомнения, будет иметь в своем составе следы общей лексики алтайского праязыка — если только таковой существовал. Что же касается размеров этого слоя, то на этот счет можно не заблуждаться.

При учете истории алтайских языков, для которых характерны большие передвижения, лексикостатистическая таблица, естественно, помогает обнаружить иррегулярность: именно в случае генетического родства различные алтайские языки должны были бы дать чрезвычайно низкий процент общих элементов алтайского «основного словаря» и чрезвычайно высокий процент элементов, относящихся к лексике после отделения языков.

На мой взгляд, не лексикостатистика и не глоттохронология определяют будущее алтаистических исследований. И если даже в один прекрасный день мы будем вынуждены отказаться от гипотезы о генетических отношениях между так называемыми алтайскими языками, то не будет никаких причин прекращать алтаистические исследования: в этом случае их целью станет освещение интенсивных контактов между этими языками и тех глубинных закономерностей, к которым ни тюркологи, ни монголисты, ни специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам сами по себе не могут даже приблизиться».

В докладе «Заимствования в древнетюркском языке» проф. Дж. Клосона, придерживающегося противоположной только что изложенной точки зрения, были приведены результаты применения лексикостатистических методов к оценке алтайской теории и освещен вопрос о заимствованиях в древне-

тюркском языке. Докладчик пришел к следующим выводам:

«1) в течение исторического периода монгольские языки оставались исключительно стойкими к изменениям, а тюркские — сверхстойкими;

2) тюркские и маньчжурские языки, по всей очевидности, не связаны генетически, так как их основной словарь не совпадает;

3) после исключения слов, которые наверняка можно причислить к заимствованным, общие элементы в тюркском и монгольском основных словарях составят не более 2% от их основного словаря, причем наличие этих общих слов легче объяснить заимствованием, нежели генетическими связями;

4) после необходимых исключений общие элементы в монгольском и маньчжурском основных словарях не превысят 3,5% от всего их лексического состава, причем наличие этих слов также легче объяснить заимствованиями, нежели генетическими связями.

Даже если считать, что минимальные соответствия между основными словарями монгольского и маньчжурского языков являются определенным свидетельством их генетических связей, то монгольские языки не могут быть генетически связаны с обоими хотя бы уже потому, что тюркские языки не связаны с маньчжурскими.

Следовательно, алтайская теория неправерна».

На секционных заседаниях были заслушаны также доклады, посвященные сравнительному исследованию фонологии алтайских языков, отдельных групп языков алтайской общности — тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских — реконструкции древнего архетипа фонетического строя алтайских языков.

С содержательными докладами выступили О. П. Суник («Губные согласные в алтайских языках»), В. И. Цинциус («О праалтайской системе согласных»), Т. Текин («Дальнейшее обоснование зетацизма и сигматизма»), Р. А. Миллер («Японско-алтайские лексические основы и прото-тюркский „зетацизм-сигматизм“»), А. Третьяков («Сравнение закономерностей цепей гласных в тюркском и монгольском языках»), О. Шюц («Замечания относительно начального — d — в кипчакских языках»), Л. Хребичек («Фонетическая структура первого слога в некоторых тюркских языках»), Ф. Мартонфи («Некоторые проблемы Сино-Корейской фонологии»), Ж. Лотц («Система гласных в турецком языке и фонологическая теория»). В этих докладах делалась попытка установить древние формы системы гласных и согласных, излагались результаты применения ЭВМ в исследованиях звуковых цепей тюркских и монгольских языков и давалась их сравнительная характеристика.

Сравнительно-историческому анализу лексического материала алтайских языков были посвящены доклады С. К. Кенесбаева («Казахско-монгольские лексические параллели (на материале терминов родства и

наименований частей тела»), *К. М. Мусаева* («О некоторых названиях растений в алтайских языках»), *Б. Шернер* («Проблема арабских и новоперсидских заимствований в литературном языке болгарских турков»), *Д. Гонгора* («Социальное значение этнонима „халха“»), *И. Циртаугас* («Терминология узбекских знахарей»), *Х. П. Витце* («Значение обратных словарей для изучения алтайских языков»), *Г. Урай* («Масти лошадей как отличительные знаки племен»). В этих докладах на материале разных групп алтайских языков выявлялись древнейшие тюрко-монгольские языковые связи и контакты, освещались вопросы заимствований.

Результаты исследования весьма важной проблемы восстановления первичных корней слов с помощью внутренней реконструкции, этимологии аффиксов, генетической общности отдельных форм в алтайских языках, обнаружения в живых алтайских языках новых данных, не отмеченных в литературе, а также применения новых методов в исследованиях современных алтайских языков были изложены в докладах *Н. А. Баскакова* («О генетической общности категории лица и личной принадлежности в алтайских языках»), *Т. А. Бертаева* («Семантические варианты однокорневых слов в алтайских языках»), *С. Н. Муратова* («Некоторые вопросы закономерности структуры корня в алтайских языках»), *С. Булуча* («О некоторых глагольных аффиксах в языке тюрков Ирака»), *Е. Ховдхауген* («Монгольский суффикс *-lig* и его тюркское происхождение»), *Н. Йукс* («Некоторые необычные причастные формы в тюркском языке»), *М.-Л. Беффа*, *Р. Амаён* («Отглагольные имена в монгольском языке»).

Некоторые теоретические и методические вопросы исследования алтайских языков, генетических связей языков алтайского ареала с корейским и японским языками, обусловленных особенностями исторического развития алтайских языков, рассматривались в докладах *Н. З. Гаджиевой* («Роль алтайских языков в реконструкции тюркских архетипов»), *А. Рона-Таш* («Алтайская теория и некоторые среднемонгольские слова в чувашском языке»), *Д. Синора* («Тунгусоуральские связи»), *Ш. Мураяма* («Алтайские компоненты в японском языке»), *М. Кояуда* («Замечания относительно монголо-японских корреляций»), *Х. З. Кошай* («Самые древние следы тюркского языка»), *К. Меллеса* («К вопросу о языке и литературе современных маньчжуров»). В этих докладах ставились также вопросы сравнительного изучения и реконструкции синтаксических архетипов.

Материалы изучения тюркских письменных памятников были положены в основу докладов *Э. И. Фазылова* («Труды восточных филологов как источник для истории тюркских языков»), *П. Циме* («Уйгурский текст о хозяйственном укладе манихейского монастыря в Уйгурском государстве»), *К. Цегледди* («Замечания о тюркских надпи-

сях»), *Т. Гёкбилгина* («Исследование рукописей об истории связей султана Баязеда II во время экспедиции Лепанто в 1499 г.»), *Ж. Матуца* («О языке дипломатических документов Сулеймана»).

С докладами по истории и истории культуры, об исторических трактатах выступили: *Н. Д. Шастин* («К вопросу о монгольских и тюркских этнонимах в „Секретной истории монголов“»), *И. Мейер* («Исследование китайско-уйгурской переводной литературы»), *А. М. Де Грут* («Дипломатические отношения между Голландией и Оттоманской империей 1600—1800 гг.»), *У. Раттиг* («О некоторых особенностях в системе высшего образования Монгольской Народной Республики»), *И. Лот-Фолк* («Устное народное творчество якутов»), *Ф. Исоно* («Dambijantsan: фольклор и история»).

Значительный интерес представлял доклад *А. С. Тверитиновой* «Лексический материал как источник для изучения традиций земледелия у османских турок», в котором была отражена связь языка с историей народа.

Е. А. Новгородова в докладе «К вопросу об этно-культурных взаимосвязях монголо-алтайских племен» впервые поставила вопрос о происхождении колесного транспорта в Монголии.

На одном из пленарных заседаний состоялась беседа за круглым столом по теоретическим и методологическим проблемам алтаистики, на которой выступили: *А. Н. Кононов*, *Г. Д. Санжеев*, *А. Рона-Таш*, *Д. Синор*, *В. И. Цинциус*, *Н. З. Гаджиева*, *О. П. Сунник*, *Е. Ховдхауген*, *Дж. Клосон*, *Э. И. Фазылов*.

В дни работы ПИАК было проведено торжественное заседание общества *KOROSI CSOMA*, на котором были вручены дипломы вновь избранным членам этого Востоковедческого Общества: *Н. А. Баскакову*, *Т. Гёкбилгину*, *Д. Синору*. Членами этого общества ранее избирались советские ученые *А. Н. Кононов* и *Г. Д. Санжеев*.

Премия Индианского университета (США), утвержденная в 1963 г., которой награждаются наиболее выдающиеся алтаисты, была присуждена известному специалисту по древнетюркским языкам *А. М. фон Габен* (ФРГ).

Этой премии ранее удостоивались: *А. Мостерс* (Бельгия, 1963), *Э. Хениш* (ФРГ, 1964), *А. Ринчин* (Монгольская Народная Республика, 1965), *Ю. Немет* (Венгрия, 1966), *М. Рясянен* (Финляндия, 1967), *Л. Лигети* (Венгрия, 1968), *Дж. Клосон* (Англия, 1969), *Н. Н. Поппе* (США, 1970).

На последнем пленарном заседании обсуждались организационные вопросы. Был избран новый состав комиссии по присуждению алтаистической премии; в него вошли: *А. С. Тверитинова*, *А. М. фон Габен* и *Ла Темур*. О месте и времени проведения следующей XV конференции ПИАК было решено сообщить дополнительно.

Особо следует отметить четкую организацию работы XIV конференции ПИАК, что

является заслугой в первую очередь президента конференции акад. Л. Лигети, его венгерских коллег из университета им.

Ж. Атиллы г. Сегеда, и особенно профессора этого университета А. Рона-Таш.

Э. И. Фазылов

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЮРКСКОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И АЛТАИСТИКИ

19—21 октября 1971 г. в Москве, в Институте языкознания Академии наук СССР, состоялась конференция по актуальным вопросам тюркского сравнительного языкознания и алтаистики, посвященная крупному советскому тюркологу Эрванду Владимировичу Севортяну в связи с 70-летием со дня его рождения.

В работе конференции приняли участие ученые-тюркологи и монголисты из Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Казани, Карачаевска, Кишинева, Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Ташкента, Томска, Уфы, Чебоксар, Якутска.

Конференцию вступительным словом открыл заведующий сектором тюркских языков Института языкознания АН СССР Э. Р. Тенишев. Он отметил, что советским тюркологам предстоит в настоящее время обобщить результаты проведенных исследований по сравнительному и сравнительно-историческому изучению тюркских языков и приступить непосредственно к созданию сравнительно-исторической грамматики. Последняя, в свою очередь, подготовит реальную почву для написания исторических грамматик отдельных тюркских языков как старописьменных, так и младописьменных. То, что конференция приурочена к 70-летию профессора Эрванда Владимировича Севортяна, не является случайным. За сорок лет своей научной деятельности он внес ценный вклад в дело сравнительно-исторического изучения тюркских языков. Нет сомнения в том, что «Этимологический словарь тюркских языков», составленный Э. В. Севортяном, сыграет значительную роль в деле создания сравнительно-исторической грамматики тюркских языков.

С докладом «Слабые звенья языковой системы как импульс изменения языков» выступила Н. З. Гаджиева (Москва). Она отметила, в частности, что методические приемы выявления причин языковых изменений до сих пор еще в языкознании недостаточно разработаны. Среди многочисленных импульсов, приводящих к языковым изменениям, особый интерес, по мнению докладчика, представляет выпадение слабых звеньев языковой системы, что не было еще специально исследовано в тюркском языкознании. Вместе с тем тюркские языки, отличающиеся четкой системной упорядоченностью, являются собой наглядный пример действия наз-

ванного эволюционного процесса на всех уровнях: фонологическом, морфологическом, синтаксическом. Образование слабого звена в языковой системе вызывается различными причинами, основными из них являются семантический синкретизм формы и коммуникативное несовершенство ее как языкового механизма. Выявлению слабых звеньев языковой системы способствует интенсивное контактирование языков, при котором происходит как ускоренный распад слабых звеньев того или иного языка, так и укрепление некоторых особенностей его структуры под влиянием структуры неродственного языка. Данное обстоятельство должно учитываться при сравнительно-исторических исследованиях. В заключение Н. З. Гаджиева подчеркнула, что выпадение так называемых слабых звеньев языковой системы не является непреложным законом, не знаящим исключений.

В докладе Э. А. Макаева (Москва) и Т. А. Бергагаева (Москва) «К вопросу о генетическом родстве тюркских и монгольских языков» была высказана мысль о том, что для успешной работы над созданием сравнительно-исторической грамматики тюркских языков необходимо предварительное проведение обстоятельных исследований родственных отношений между тюркскими и монгольскими языками. Поскольку в этих языках бесспорные тождественные элементы наблюдаются на всех уровнях, то это можно считать свидетельством не столько их типологического сходства, сколько генетического родства. Например, древнетюркский аффикс причастия будущего времени *-qu ~ -kū* сходен с древнемонгольским *-qū ~ xū ← xuj*, современным монгольским *-x*, бурятским *-x(a)* того же причастия во всех видах и оттенках значений; аффикс дательного падежа *-a||-ā* в тюркских языках сходен с *-a||-e* в монгольском и т. д.

В заключение докладчики пришли к выводу, что создание историко-сопоставительной грамматики тюркских и монгольских языков является задачей первостепенной важности.

Э. В. Севортян (Москва) в докладе «Случаи элизии начальных согласных» привел все случаи выпадения согласных в абсолютном начале как исконно тюркских слов, так и иноязычных заимствований, научно обосновав причины этого явления. Доклад был насыщен фактическим материалом из обще-

тюркских памятников и письменных источников отдельных тюркских языков.

В докладе В. И. Цинциус (Ленинград) «О соотношении тунгусо-маньчжурского анлаутного x -||о- тюркским q -|| k -» говорилось о том, что для тунгусо-маньчжурских языков установлено регулярное соответствие x - (языков нанайского, ульчского) ||о- (всех остальных языков), с реконструкцией x -< * k^h -. На этом основании Иллич-Свитыч представлял общеалтайские гуттуральные в виде триады * kc -, k -, g -. Докладчик считает, что возможность опереться в этом вопросе на данные тюркских и монгольских языков является самым убедительным доводом в пользу правильности реконструкции тунгусо-маньчжурского x -< * k^h - и приводит около трех десятков соответствующих параллелей. Среди них особый интерес представляет общеалтайский местоименный вопросительный корень * k_a^h -: ср., например, древнетюркский *qaju* ~ *xaju* ~ *qanju* ~ *qajda*, татарский *qaj* 'какой', 'что', древнетюркский *qajuda* ~ *qajda*, татарский *qajda* 'где' и письменномон-

гольский *qaya* 'где', *qayasi* 'куда' с нанайским и ульчским *xaj*, маньчжурским *aj* 'что', нанайским и ульчским *xajdu*, маньчжурским *ajda* 'где', нанайским *xaoši*, маньчжурским *absi*, эвенкийским *awaski* 'куда'.

З. Б. Мухамедова (Ашхабад), выступившая с докладом «Некоторые архаические явления в фонетике туркменского языка», отметила, что хотя туркменский язык и относится к \dot{y} -языкам, но все же в нем наблюдаются реликты δ -языка. Слово *adyr*, например, в южном и западном говорах йомудского диалекта означает «отдельный рукав от главной водной артерии», *guduk* — «ямку, куда загоняют косточку» (Ашхабад), *gozak* — «яму в ткацком стане» (ср., \dot{g} ذوغ в «Нахдж-уль-фарадис», в глоссах к сочинению Замахшари). В докладе было приведено большое количество примеров на соответствия $z||j$ в анлауте, $t||d||z$, $g||j$, $s||j$, $s||c$, d . По мнению докладчика, подобные примеры из одного языка и его диалектов представляют большой научный интерес, ибо считать их результатом заимствования едва ли возможно; по-видимому, они относятся к реликтовым явлениям и на современном этапе развития языка служат источником образования синонимов.

И. Г. Добродомов (Москва) в докладе «К вопросу о тюркско-булгарском соответствии $j \sim \dot{s}$ » на материале тюркских заимствований в венгерском и славянских языках пришел к выводу, что венгерские отра-

жения тюркского начального j - (з-) в старых тюркизмах *sz*- и *gy*- являются результатом не столько разновременных, сколько разнодиалектных заимствований: тюркское *joγurt* 'месить', 'забивать' отражено в венгерском *gyúr* 'месить' с долгой гласной, а родственное ему *joγur(u)t* 'югурт', 'варенец'

в венгерском диалектном *szurutyka* утратило долготу начального слога, ибо восходит к другому диалекту булгарского языка. В связи с этим И. Г. Добродомов предложил булгарскую этимологию для славянских названий сыворотки: русское *сыворотка*, украинское *сирватка*, болгарское *сироватка*, сербское *сирутка* и т. п. < **svurat* с семантической деградацией.

Доклад Л. С. Левитской (Москва) «К истории чувашских носовых согласных» был посвящен рассмотрению соответствия ауслатного общетюркского $-n$ чувашским $-n$ и $-m$. Проанализировав факты чувашских диалектов и памятников чувашского языка (а также булгаризмы венгерского языка), межъязыковые и внутрдиалектные соответствия носовых согласных в ауслате во многих тюркских языках, Л. С. Левитская пыталась показать спорность некоторых положений, выдвинутых Г. Дёрфером в его известной статье «Türkisch $-n$ > tschuwa-sich $-m$?». На примере адаптации ряда заимствований с ауслатным $-n$ в тюркских диалектах и некоторых других данных в докладе была проиллюстрирована возможность $-n$ > $-m$ в тюркском ауслате. В противоположность Г. Дёрферу докладчик устанавливает соответствие: праотюркский ауслатный $-m$ ~ раннебулгарский $-m$ ~ чувашский $-m$.

Далее в докладе отмечалось, что несколько особняком стоят случаи спорадического междиалектного соответствия ауслатных $-m$ и $-n$ в раннебулгарском, что наблюдается и в современных чувашских говорах. От них ограничивается группа слов с ауслатным $-m$, не имеющим в чувашских говорах n -варианта и соответствующим общетюркскому $-n$. Появление $-m$ в словах этого типа объясняется особенностями их фонетической структуры и, возможно, развитием словообразовательной подсистемы, в которую они входили исторически. Однако некоторые слова, зарегистрированные в источниках лишь с ауслатным $-m$, могут быть отнесены, по мнению докладчика, к междиалектным соответствиям, так как в современном языке мог сохраниться лишь m -вариант, а n -вариант — утрачен или просто не зафиксирован. То же самое можно сказать и в отношении некоторых слов с ауслатным $-n$.

В докладе А. М. Мамедова (Баку) «Ассимиляция в плане синхронии и диахронии» говорилось о том, что синхронная ассимиляция звуков речи представляет собой закономерное фонетическое чередование, объясняющееся действием артикуляционной инерции, иными словами следствием экономии речевого аппарата. Однако как факт диахронии ассимиляция, представляющая собою в этом случае результат некогда проходивших в языке фонетических изменений, причины которых и условия их вызывавшие уже перестали существовать, является также и историческим чередованием, так как в данном случае в ее основе лежат не особенности действия произносительного механизма, а языковая традиция. С точки зрения док-

ладчика, развитие ассимилятивных изменений в плане диахронии в тюркских языках происходило неравномерно. Если в одних тюркских языках ассимиляция по сей день остается на фонетическом уровне, то в других тюркских языках она нашла выражение в исторических чередованиях в составе тех или иных морфологических показателей, то есть приобрела определенную грамматическую функцию. Неодинаковое функциональное значение ассимилятивных изменений в различных тюркских языках и в различных хронологических срезах одного и того же языка показывает, что фонетика и морфология как два «яруса» языковой иерархии постоянно взаимодействуют. Следовательно, факт, представляющий в одном языке чисто фонетическое явление, в другом языке может изменить свое качество и привести к образованию новых разновидностей тех или иных морфологических показателей, то есть стать фактом грамматики.

А. М. Щербак (Ленинград) в докладе «К характеристике системы тюркских падежей в плане содержания» раскрыл структуру тюркских падежных форм, их содержание, а также определил основные моменты соотношения в них значений функционального и семантического порядков.

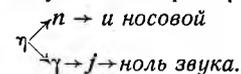
С докладом «Пратюркские форманты глагольного лица» на конференции выступил А. П. Дульзон (Томск). Докладчик отметил, что большое количество вариантов показателей глагольного лица в тюркских языках и их диалектах позволяет успешно решить задачу реконструкции их архетипов. Основную трудность при реконструкции, то есть установление времени функционирования теоретически восстанавливаемых форм, — можно преодолеть путем учета данных близкого и отдаленнородственных языков. Общепринятое мнение о том, что личные форманты глагола — местоименного происхождения, должно быть уточнено в том смысле, что эти форманты, как и личные местоимения, восходят к общему источнику в исходном древнем полисинтетическом языке классного типа, в котором лицо конкретизировалось по его месту в различавшихся классах.

С точки зрения докладчика, основная разница между оформлением предикативных и посессивных суффиксов возникла в связи с тем, что первые, кроме обозначения лица, первоначально содержали и показатель его класса. Посессивные суффиксы тюркских языков, совпадая в своей основе с суффиксами енисейских, несколько видоизменились вследствие присоединения к ним — еще в дотюркское время — древнего показателя родительного падежа.

Пратюркский язык не имел единых формантов глагольного лица, различавшихся в древности по диалектам. Докладчик высказал предположение, что одна часть формантов глагольного лица возникла в период тюрко-монгольской, другая — в период алтайской и урало-алтайской общности, одна-

ко принцип их построения раскрывается полностью только при обращении к протоенисейскому.

Ш. Х. Акбаев (Карачаевск), сделавший доклад на тему «К вопросу о происхождении посессивных аффиксов в тюркских языках», на основе сопоставления высказывавшихся по этому вопросу точек зрения и сравнительного анализа материала тюркских языков (а также некоторых алтайских) поставил вопрос о двух разновидностях постпозитивного употребления личных местоимений на уровне праязыка. По мнению докладчика, в пратюркском языке при послеглагольном употреблении личных местоимений использовался именительный падеж (падеж субъекта), а при послемнемном — родительный падеж (падеж объекта). Семантическое и функциональное развитие постпозитивных личных местоимений шло, вероятно, по линии постепенного свертывания лексического и усиления формально-грамматического значений. На уровне преобладания последнего стала необходимой редукция этих форм, так как при ослабленном лексическом значении они были слишком громоздкими. При этом местоимение первого лица единственного числа, сокращаясь с конца, сохранило только начальный звук *m*: *ana-m* 'моя мать', а местоимение второго лица единственного числа, наоборот, сохранило конечный компонент *η*: *ana-η* 'твоя мать', в последующей истории *η* подвергся дивергенции

Формы множественного числа были образованы на базе форм единственного путем присоединения к последним местоимений *biz* 'мы', *siz* 'вы' в их полной форме. В результате упрощения групп состыкованных согласных и последующих звуковых изменений возникли позднейшие формы. О таком пути образования форм множественного числа, как предполагает докладчик, свидетельствует замена *biz*, *siz* аффиксом множественного числа *-lar* в ряде языков.

Б. А. Серебренников (Москва) в докладе «К истории происхождения суффикса деноминативных глаголов *-la-* в тюркских языках» сделал попытку путем применения специального метода последовательных поисков установить основные этапы истории развития этого самого употребительного суффикса глагольного словообразования в тюркских языках. Докладчик пришел к выводу, что первоосновой этого суффикса является древний суффикс собирательной множественности *-la*, использовавшийся еще в эпоху общетюркской языковой общности в глаголах многократного действия (ср.: узбекское *osa-la-mok* 'часто есть'). С течением времени у суффикса многократного действия развились побочное значение маломерного действия. В этом значении суффикс *-la* использовался при образовании глаголов, обозначающих постепенное становление

какого-либо качества. Эти глаголы чаще всего образовывались от прилагательных (ср.: узбекское *jengil-la-mok* 'облегчаться' от *jengil* 'легкий' или *tuz-la-mok* 'замерзать' от *tuz* 'лед'). Такого типа сочетания способствовали возникновению в сознании говорящих представления о глаголообразовательной структуре — *имя существительное + суффикс -la*, приводящей к образованию новых глаголов от существительных. Подобная структура была переосмыслена в способ образования деноминативных глаголов и получила весьма широкое распространение во всех тюркских языках.

С докладом «История перфекта в тюркских языках юго-западной группы» выступила Э. А. Грунина (Москва), которая отметила, что для тюркских языков остается справедливым один из панхронических законов изменения функций, сформулированный Е. Куриловичем, то есть семантическая эволюция перфекта проходит следующие этапы: глагол состояния—перфект—неопределенное прошедшее—повествовательное время. Спецификой тюркских языков является закономерное развитие модального признака вторичности источника, после утраты парадигматического характера первоначальной перфективности.

Семантический объем перфекта складывается из темпоральных, модальных и аспектуальных признаков, иерархия которых исторически может меняться. Переход от «перфекта состояния» к выражению действия делает переменным модальный признак источника знания о действии. Его интенсификация может иметь следствием возникновение второй формы перфекта (например,

-mystyr в турецком языке при ограничении этого процесса для азербайджанской формы признаком персональности), что ведет к су-

жению семантического потенциала *-mys*. В азербайджанском языке семантическое «перенасыщение» формы привело к изменению ее соотношений с простым прошедшим временем на *-dy* и к сужению семантического потенциала последнего. Развитие в зоне перфекта могло идти и по пути смены форм: в ареале, где центральной формой перфекта

исторически было *-mys*, эта форма в силу влияния иной языковой стихии была утрачена, и ее место заняла периферийная конструкция *-yp+turur*. Частично этот процесс коснулся турецкого и азербайджанского языков, где *-ub* развивалось как функциональный вариант времени *-mys*, но в полной мере он выявился в туркменском языке.

Г. Ф. Благова (Москва) в докладе «Глагольно-именные формы в тюркских языках среднеазиатского ареала», сопоставляя имена действия и их производные в современном узбекском и уйгурском, с одной стороны, и казахском, киргизском и каракалпакском языках—с другой, а также в чагатайском, старалась прояснить историю взаимо-

отношений между среднеазиатскими тюркскими языками. Касаясь специфики развития имен действия в этих языках, Г. Ф. Благова предложила в качестве критерия «измерение возраста» имен действия, степень их происхождения и укорененности в глагольном спряжении. В тех случаях, когда имя действия сравнительно «молодое», как таковое не

вполне развившееся (узбекское *-is*) или же представляет собой сравнительно недавнюю инновацию (в узбекском это кыпчакское *-uw*), оно, как правило, не успевает проникнуть в сферу глагольного спряжения. Если же имя действия уже «старое» в данном языке, полностью развившееся и даже клонящееся к угасанию, то оно обязательно проникает в глагольное спряжение — либо непосредственно, либо через посредство своих производных форм. В современных узбекском и уйгурском языках это имя действия на *-mok*, которое на том же основании должно считаться давно образовавшейся инновацией для казахского, киргизского и каракалпакского языков.

В докладе «К истории вспомогательных глаголов в тюркских языках» Д. М. Насилов (Ленинград), основываясь на том, что вспомогательные глаголы представляют собой общетюркское явление и известны с времен самых древних памятников, а также во многом общи для языков и значению модифицированного действия, поставил вопрос о возможности праязыковой реконструкции данного явления. Этот вопрос может быть решен положительно при условии допущения для древнейшего периода эволюции тюркских языков словообразовательного характера сочетаний «основного» и вспомогательного глаголов. Докладчик считает, что в основе таких сочетаний должен лежать типичный для тюркских языков способ словосложения, при котором компоненты объединяются на основе принципа семантической дополнительности. В последующем морфологической базой этих сочетаний стали общетюркские деепричастные формы на *-a* и *-p*. При изучении системы вспомогательных глаголов необходимо, как считает докладчик, учитывать эволюцию аффиксальных средств выражения способов действия в тюркских языках.

В докладе Г. А. Абдурахманова (Ташкент) «Развитие синтаксических конструкций сложноподчиненных предложений узбекского литературного языка» было показано, что старые конструкции сложноподчиненного предложения, употребляющиеся в староузбекском языке под влиянием синтаксической структуры арабского и персидского языков, на современном этапе развития узбекского литературного языка выходят из употребления и заменяются конструкциями, присущими самому узбекскому языку. Сложноподчиненное предложение с союзом *k'ill'k'im* по сравнению с современным в староузбекском языке употреблялось чаще; удельный вес придаточных предложений на *-gan* в литературном узбекском языке со-

временем увеличивается. В качестве сказуемого придаточного предложения в современном узбекском языке выступают не только причастная форма, но иногда даже и конструкции, в которые входят слова с аффиксами одного из пространственных падежей.

Доклад *В. Д. Аракина* (Москва) «К истории изафета в тюркских языках» был посвящен выявлению семантической структуры изафета на основе древнетюркских памятников. Докладчик отметил, что хотя в нашем распоряжении имеется небольшое количество древнетюркских и древнеуйгурских памятников, однако изучение их показывает, что изафет первого и второго типа в эпоху создания этих памятников был довольно продуктивным и характеризовался богатой системой значений, тогда как изафет третьего типа был значительно беднее.

В докладе «Тюркские „один“, „два“, „три“» *Э. Р. Тенишев* (Москва) дал историко-этимологический анализ имен числительных «один», «два», «три». Докладчик сделал подробный обзор существующих в науке этимологий рассматриваемых имен числительных и назвал формы представления этих имен числительных в тюркских языках и их диалектах.

В. И. Асланов (Баку) в докладе «О лексико-грамматической структуре устойчивых глагольных сочетаний в историческом освещении», опираясь на данные письменных памятников азербайджанского и турецкого языков, сделал попытку показать, что все устойчивые на современном этапе глагольные сочетания исторически восходят к свободным. Они развиваются в направлении более тесного лексико-грамматического объединения и квалифицируются как устойчивые, если лексическое значение целого перестает быть суммой значений отдельных компонентов и становится эквивалентом слова. В устойчивых глагольных сочетаниях именной компонент представляет лексико-семантический центр, а глагольный — грамматический, выполняя функцию глаголообразующего аффикса. В докладе говорилось и о цельюоформленности, грамматической монолитности устойчивых глагольных сочетаний в тюркских языках, о характере компонентов, о грамматических отношениях между компонентами, о полисемии, синонимии, омонимии устойчивых глагольных сочетаний и т. д.

Доклад *К. М. Мусаева* (Москва) «Некоторые вопросы лексической дифференциации и интеграции тюркских языков» был посвящен проблеме ареального изучения лексико-семантической системы тюркских языков. По этому вопросу, кроме статьи *А. Н. Самойловича* о названиях дней недели в тюркских языках, выполненной в 30-х годах, можно сказать, других работ нет. Анализ некоторых общераспространенных названий растений и животных показывает, как считает докладчик, что расхождения между тюркскими языками наблюдаются в

основном на лексико-семантической почве, а не на фонетической и грамматической. Это способствует созданию большой исторической перспективы лексико-семантических соотношений тюркских языков, очень близких между собой грамматически. При этом следует учитывать, что проблема лексико-семантической дифференциации и интеграции тюркских языков относится ко всем эпохам их существования.

В докладе *В. А. Сычевой* (Кишинев) «Фонетические особенности арабо-персидских лексических заимствований в гагаузском языке» рассматривались пути проникновения арабо-персидских лексических заимствований в гагаузский язык, сфера их употребления и особенности их фонетической адаптации в сопоставлении с турецким литературным языком и его балканскими диалектами. В докладе отмечалось, в частности, сохранение первичных и образование вторичных долгот в заимствованных словах, говорилось о явлениях монофтонгизации, сингармонического уподобления и т. д.

М. Ш. Рагимов (Баку), выступивший с докладом «Основные вопросы изучения исторической грамматики азербайджанского языка», предложил развернутый, научно-обоснованный план-проект для составления исторической грамматики азербайджанского языка. Докладчик сказал, что хотя древнейшие письменные памятники азербайджанского языка, являющегося одним из старописьменных тюркских языков, и относятся к XI—XIII вв., однако это не значит, что историю азербайджанского языка мы должны начинать с этих веков. Как известно, в армянских и грузинских источниках, составленных значительно раньше, зафиксировано большое количество тюркских лексических элементов, несомненно, проникших в эти языки из азербайджанского. В произведениях знаменитых азербайджанских поэтов, писавших на персидском языке, также много древнеазербайджанских слов. При создании истории азербайджанского языка необходимо исходить именно из этого.

По всем оглашенным на конференции докладам развернулись оживленные прения, в которых приняли участие *В. И. Цинциус*, *А. Н. Кононов*, *Б. А. Серебренников*, *М. Ш. Рагимов*, *А. М. Щербак*, *А. Б. Долгопольский*, *А. П. Дульзон* и многие другие.

А. П. Дульзон, подводя итоги конференции, заявил, что на конференции были освещены многие важные вопросы фонетики, морфологии и синтаксиса тюркских языков. Докладчиками уделялось особое внимание праформам тюркских языков, однако материалы монгольских, маньчжурских и тунгусских языков, к сожалению, не привлекались. Вместе с тем многие спорные вопросы фонетики и морфологии тюркских языков в диахроническом плане без этого не могут быть разрешены. На конференции было мало докладов по чувашскому и якутскому языкам, значение которых при изучении

сравнительно-исторической грамматики тюркских языков трудно переоценить. Наша конференция была посвящена 70-летию проф. Э. В. Севортяна. И я считаю, что связь тут не только внешняя, но и внутренняя. Э. В. Севортян, как мы знаем, внес весьма существенный вклад в развитие отечественной тюркологии.

После конференции состоялось торжественное заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР, посвященное юбилею. Открывая заседание, директор института *В. Н. Ярцева* поздравила от имени собравшихся юбиляра и коротко охарактеризовала научные заслуги Э. В. Севортяна, прошедшего путь от студента восточного отде-

ления Крымского педагогического института до крупного советского тюрколога.

С докладом о научной и научно-педагогической деятельности Э. В. Севортяна выступил *А. Н. Кононов*.

С приветственными речами, обращенными к юбиляру, выступили представители научно-исследовательских институтов и вузов Москвы, Ленинграда, Баку, Тбилиси, Еревана, Алма-Аты, Ташкента, Ашхабада, Фрунзе, Казани, Уфы, Чебоксар, Якутска и других городов страны. В заключение были оглашены приветственные телеграммы, поступившие в адрес юбиляра.

В. И. Асланов

PERSONALIA

ЭРВАНД ВЛАДИМИРОВИЧ СЕВОРТЯН

(К 70-летию со дня рождения)

Исполнилось 70 лет со дня рождения и 40 лет научной и научно-педагогической деятельности крупного советского ученого-тюрколога, члена редколлегии журнала «Советская тюркология», доктора филологических наук, профессора Эрванда Владимировича Севортяна.

Э. В. Севортян родился 22 октября 1901 года в Ялте, в семье рабочего. После окончания гимназии в Симферополе он поступил в 1921 году на математический факультет Таврического университета, а в 1925 году — на Восточное отделение Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе, ко-

торый окончил в 1930 г. Завершив свое востоковедное образование в аспирантуре Научно-исследовательского института языкознания в Москве и Ленинграде (1931—1935), Э. В. Севортян работал в должности старшего научного сотрудника и ученого секретаря кабинета тюркских языков Ленинградского НИИЯ. В 1936 году он окончательно переехал в Москву и занял должность старшего научного сотрудника в Институте национальностей при ЦИК СССР, который вскоре был реорганизован в Институт языка и письменности народов СССР и передан в систему АН СССР (с 1950 года — Институт языкознания АН СССР). С того времени вот уже в течение тридцати пяти лет ученый работает в системе Академии наук СССР. Одновременно Э. В. Севортян вел большую педагогическую работу — двадцать восемь лет на кафедре тюркских языков в МГУ им. М. В. Ломоносова и десять лет в ВИИЯ. В настоящее время Э. В. Севортян является старшим научным сотрудником Сектора тюркских языков Института языкознания АН СССР.

Круг научных интересов Э. В. Севортяна исключительно широк. Им успешно и весьма плодотворно разрабатываются проблемы фономорфологической и семантической структуры слова в тюркских языках в сравнительном освещении, теоретические основы учения о частях речи, соотношения грамматики и лексики, словообразования и словоизменения, аналитических и синтетических форм, словосочетания и предложения, лингвогеографии и исторического изучения тюркских языков и многие другие. В его статьях и монографических исследованиях рассматриваются многие теоретические вопросы почти по всем отраслям тюркологии.

Перу Э. В. Севортяна, научная деятельность которого получила широкое признание как в нашей стране, так и за рубежом (его научные статьи публикуются на немецком, французском, турецком, английском, венгерском языках), принадлежит свыше семидесяти работ объемом более 200 п. л. Среди

них такие капитальные монографические исследования, как «Фонетика турецкого литературного языка» (1955), «Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке» (1966), «Пробные статьи к „Этимологическому словарю тюркских языков“» (1962), «Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке» (1966) и др. Важные теоретические проблемы, которые ставятся и решаются в трудах ученого, имеют в то же время и большое практическое значение. Так, в основу «Фонетики турецкого литературного языка» лег курс, читавшийся Э. В. Севортяном на Восточном отделении МГУ. Эта книга по сей день является наиболее полным описанием звукового строя современного турецкого литературного языка, содержащим подробные сведения не только о системе фонем, но и об их взаимодействии, позиционных и комбинаторных изменениях, об ослаблении и выпадении звуков, о стечении гласных и согласных, чередованиях фонем, слогоделении и акцентуации.

Следует отметить характерную особенность научного творчества Э. В. Севортяна, заключающуюся в предварительном ознакомлении читателей со своими замыслами. Так, некоторые важнейшие идеи и положения, развитые им в дальнейшем на богатом фактическом материале в двух больших книгах, посвященных аффиксальному глагольному и именному словообразованию в плане сравнительного исследования, были изложены автором задолго до их издания в теоретических статьях по проблемам соотношения грамматики и лексики и словообразования в тюркских языках. («Вопросы теории и истории языка...», М., 1952, стр. 306—367; «Вопросы узбекского языкознания», Ташкент, 1954, стр. 60—81; «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, М., 1956, стр. 314—328 и др.). Или же, скажем, прежде чем был представлен в 1971 году в печать I том «Этимологического словаря тюркских языков», автор еще в 1966 году опубликовал пробные статьи к нему. Таким образом, предварительно осмысливая языковые факты в специальных теоретических статьях, ученый выходит на подступы к фундаментальным монографическим исследованиям, которые, в свою очередь, создают базу для разрешения крупных проблем.

Среди особенно ценных положений, развиваемых автором в упомянутых выше двух монографических исследованиях, хотелось бы особо выделить следующие:

1) правомерность методики сравнительного исследования, привлечения сравнительных данных из современных и древних тюркских языков подтверждается общетюркологическим аспектом анализа межтюркских форм, а также единством тенденций развития словообразовательной системы в тюркских языках;

2) семантическая структура производного слова раскрывается на основе последовательного применения специальной процеду-

ры к изучению словообразовательных моделей (реализация значений аффиксов в зависимости от категориальных разрядов лексических основ, соотношения значений исходной основы и производного слова, мера продуктивности и относительная хронологизация словообразовательных значений и т. д.);

3) переходности-непереходности как лексико-синтаксическому свойству глаголов исторически предшествует активность-пассивность. В центре всех представлений об активности оказывается практическая, реальная производительная деятельность человека;

4) категория залога, переходная от словообразовательной к морфологической, выражает вообще различные отношения действия к грамматическому субъекту.

Э. В. Севортян является одним из основных авторов «Исследований по сравнительной грамматике тюркских языков» (I. Фонетика — 1955; II. Морфология — 1956; III. Синтаксис — 1961). Им написаны следующие разделы: Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков; Выпадение согласных в южных тюркских языках; Ассимиляция и диссимиляция согласных...; Категория сказуемости; Категория принадлежности; Категория падежа; Словообразование в тюркских языках; О некоторых вопросах сложноподчиненного предложения в тюркских языках. Ему принадлежит также очерк по крымско-татарскому языку во II томе пятитомника «Языки народов СССР» (М., 1966). Под общей редакцией и при авторском участии Э. В. Севортяна впервые на русском языке вышла из печати в 1971 году «Грамматика азербайджанского языка». В настоящее время Э. В. Севортян редактирует новый перевод «Китаби деде Коркут», который выйдет в серии «Эпосы народов СССР».

О широте научного кругозора и творческих интересов Э. В. Севортяна свидетельствует приводимый ниже перечень его отдельных статей: «К проблеме частей речи в тюркских языках» (1955); «Из истории прилагательных в тюркских языках» (1963); «К истории падежной системы в тюркских языках» (1948); «Прямое дополнение в турецком языке» (1948); «О некоторых вопросах тюркской лексикографии» (1958); «Современное состояние и некоторые вопросы исторического изучения тюркских языков в СССР» (1961); «Грамматические и семантические признаки аналитических конструкций в отличие от свободных словосочетаний в тюркских языках» (1965); «Литературные памятники армянского языка — источник по истории тюркских языков» (1967); «Вопросы грамматики в советской тюркологии» (1968); «Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике» (1970); «О содержании термина „общетюркский“» (1971); «Лингвистическое наследие Н. К. Дмитриева и современная советская тюркология» (1971) и т. д.

Важнейшим трудом Э. В. Севортяна, представляющим собой крупный вклад в тюркологию, является первый том подготовленного им «Этимологического словаря тюркских языков» в объеме 65 а. л., который получил высокую оценку Ученого совета Института языкознания АН СССР. В этом труде содержится тщательно продуманная во всех деталях разработка фонетики, морфетики и семантики деэтимологизированных обще- или межтюркских основ, с применением сравнительно-исторического метода и анализа по определенным словообразовательным моделям. Этот этимологический словарь составит, несомненно, базу для создания в дальнейшем этимологических словарей конкретных тюркских языков, послужит апробированным источником углубленного изучения фономорфологической и семантической структуры тюркского слова.

Наряду с напряженной и плодотворной научной работой Э. В. Севортян отдает много сил и энергии подготовке кадров. Достаточно сказать, что ученый подготовил для одних только тюркоязычных республик нашей страны свыше 50-ти кандидатов и докторов наук, в том числе для Азербайджана — около 20-ти.

Э. В. Севортян достойно представляет тюркологическую науку также за рубежом. Только за последнее десятилетие им было прочитано семь докладов в Венгрии, ГДР,

Польше и Турции по самым различным вопросам тюркологии. Э. В. Севортян является активным участником ряда международных конгрессов, посвященных вопросам филологии и востоковедения (25-й Всемирный конгресс востоковедов в Москве, три конгресса Турецкого лингвистического общества в Анкаре, 4-й Всемирный конгресс славистов в Москве и др.). Учитывая большие заслуги ученого в развитии современной тюркологии, Турецкое лингвистическое общество (Türk Dil Kurumu) избрало Э. В. Севортяна своим членом-корреспондентом.

Много сил и энергии отдает Э. В. Севортян научно-организационной и редакторской работе. В течение ряда лет он был членом ВАКа и Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Э. В. Севортян — председатель Комиссии по истории и диалектологии Научно-технического совета и заместитель председателя методической комиссии по языку при методсовете Министерства просвещения СССР.

Эрванд Владимирович Севортян находится в расцвете творческих сил. Нет сомнения, что он успешно завершит подготавливаемый им «Этимологический словарь тюркских языков» и обогатит советскую тюркологию новыми столь же капитальными и ценными трудами.

В. И. Асланов, А. К. Алекперов

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. З. Гаджиева (Москва). Существовал ли глагол-связка настоящего времени в тюркских языках?	3
А. Азнабаев, В. Псянчин (Уфа). К проблеме исторического развития аффикса множественного числа -лаг в тюркских языках	11
В. Г. Гузев, Д. М. Насилов (Ленинград). Конкретно-предметные значения тюркского имени существительного как зона релевантности категорий числа и определенности—неопределенности	21
А. Х. Фатыхов (Уфа). О перспективах употребления союзов и некоторых особенностях бессоюзных сложноподчиненных предложений	26
В. С. Хидиров (Баку). К проблеме типологических тождеств в разносистемных языках	33

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. С. Джидалаев (Баку). К вопросу о языке древних тюрков Восточного Кавказа	46
---	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

М. А. Унгуицкая (Абакан). Памятники енисейской письменности и песенный фольклор хакасов	61
---	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. Серебrenников (Москва). О логицизме в тюркологических исследованиях	73
А. С. Львов (Москва). Младописьменный ли чувашский язык?	86

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

К. Зейналова (Баку). Неизвестная рукопись М. Шахтахтинского о реформе алфавита	91
--	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Н. Оралбаева (Алма-Ата). Категория характера протекания действия в современном казахском языке	95
А. К. Алекперов (Баку). Из истории разработки проблемы глагольного словосложения	101
М. Р. Федотов (Чебоксары). В. В. Радлов и Н. И. Ашмарин о происхождении чувашского языка	114

РЕЦЕНЗИИ

И. Мамедов, А. Мамедов (Баку). Грамматика азербайджанского языка	121
Э. Р. Тенишев (Москва). Г. Ф. Саттаров. Этапы развития и очередные задачи татарской ономастики	124
Ф. А. Ганиев, С. М. Ибрагимов (Казань). Современный татарский литературный язык. Синтаксис	126
Б. Чарьяров, С. Атаниязов (Ашхабад). Очерк диалектов туркменского языка	127

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Э. И. Фазылов (Ташкент). XIV Международный форум алтаистов	129
В. И. Асланов (Баку). Актуальные вопросы тюркского сравнительного языковедения и алтаистики	133

PERSONALIA

В. И. Асланов, А. К. Алекперов (Баку). Э. В. Севортян	139
---	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

<i>N. Z. Gajiyeva</i> (Moscow). Did link-verb exist in Present Tense in Turkic languages?	3
<i>A. Aznabayev, V. Psyanchin</i> (Ufa). Towards the problem of historical development of plural affix -lar in Turkic languages	11
<i>V. G. Guzev, D. M. Nasilov</i> (Leningrad. Concrete-direct meanings of turkic noun as relevant zone of categories of number and definiteness—undefiniteness	21
<i>A. Kh. Fatykhov</i> (Ufa). On the usage of conjunctions and some peculiarities of asyndetic complex sentences	26
<i>V. S. Khidirov</i> (Baku). Towards the problem of typological identities in languages of different systems	33

LANGUAGES IN CONTACT

<i>N. S. Jidalayev</i> (Baku). On the language of ancient turks of the East Caucasus	46
--	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>M. A. Ungvoitskaya</i> (Abakan). Yenisei inscriptions and Xaqas song folk-lore	61
---	----

DISCUSSIONS

<i>B. A. Serebrennikov</i> (Moscow). On logicism in turkological studies	73
<i>A. S. Lvov</i> (Moscow). Is the Cuvas language recently put into writing?	86

HISTORY OF NATIVE TURCOLOGY

<i>K. Zeynalova</i> (Baku). Unknown manuscript on alphabet reform by M. Shakhtakhtinsky	91
---	----

INFORMATION, REVIEWS

<i>N. Oralbayeva</i> (Alma-Ata). Category of character of action in proceeding in modern Qazaq	95
<i>A. K. Alekperov</i> (Baku). From the History of verb Composition problem	101
<i>M. R. Fedotov</i> (Cheboksary). V. V. Radlov and N. I. Ashmarin on the origin of the Cuvas language	114

REVIEWS

<i>I. Mamedov, A. Mamedov</i> (Baku). Azerbaijanian grammar	121
<i>E. R. Tenishev</i> (Moscow). G. F. Sattarov. Stages of development and next problems of Tatar onomastics	124
<i>F. A. Ganiyev, S. M. Ibragimov</i> (Kazan). The modern literary Tatar language. Syntax	126
<i>B. Chariyarov, S. Ataniyazov</i> (Ashkhabad). Essay on dialects of the Turkmen language	127

SCIENTIFIC LIFE

<i>E. I. Fazylov</i> (Tashkent). The 14-th International forum of altaists	129
<i>V. I. Aslanov</i> (Baku). The conference on urgent problems of turkic comparative linguistics and altaistics	133

PERSONALIA

<i>V. I. Aslanov, A. K. Alekperov</i> (Baku). E. V. Sevortyan	139
---	-----

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
 Корректоры *А. Е. Сорокина, И. Г. Дорфман*

Рукописи не возвращаются

Сдано в набор 12/X-1971 г. Подписано к печати 25/XI-1971 г. ФГ 10306. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4,5. Физ. печ. л. 9. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 11,6. Заказ 6354.

Тираж 3800. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Б. Авакяна, 529 кв.